
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 42 ОКТЯБРЬ 1978

ХЛЕБ

ФЛАГ
ТРУДОВОЙ СЛАВЫ
поднят в честь звена
ВИКТОРА ГУСЬКОВА,
ЗАКОНЧИВШЕГО 24 АВГУСТА УБОРКУ
УРОЖАЯ-78

Флаг трудовой славы.

■

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 5—6 октября 1978 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации Сирии.

Во время визита между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, членом Политбюро ЦК КПСС, министром обороны СССР Д. Ф. Устиновым и Генеральным секретарем ПАСВ, Президентом САР Х. Асадом, членом Руководства ПАСВ, заместителем председателя Прогрессивного национального фронта М. Айюби, членом Руководства ПАСВ, заместителем Председателя Совета Министров, министром иностранных дел А. Х. Хаддамом, заместителем Председателя Совета Министров САР по экономическим вопросам Д. Шайя состоялись переговоры, проходившие в обстановке дружбы и взаимопонимания.

Стороны провели обстоятельный, плодотворный обмен мнениями по вопросам дальнейшего укрепления отношений дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Сирией, а также по некоторым международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Главное внимание в ходе переговоров было обращено на положение на Ближнем Востоке и задачи борьбы за установление в этом районе справедливого и прочного мира.

СССР и Сирия осудили попытки сепаратного урегулирования в ущерб законным интересам арабских народов и подчеркнули необходимость справедливого и всеобъемлющего ближневосточного урегулирования, которое может быть достигнуто только при участии всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины.

Стороны согласовали текст совместного коммюнике.

Э. Берлингуэр со своей стороны рассказал о деятельности Итальянской коммунистической партии, направленной на решение проблем, стоящих ныне перед Италией, о борьбе итальянских коммунистов за обеспечение жизненных прав и интересов трудящихся масс, за демократическое развитие страны. Он информировал об усилиях, предпринимаемых итальянскими коммунистами в интересах укрепления мира.

В беседе, которая проходила в дружественной, товарищеской обстановке, участвовали также кандидат в члены ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС тов. А. М. Александров, члены ЦК ИКП — заместитель заведующего международным отделом ЦК ИКП тов. А. Рубби и заведующий бюро печати ИКП тов. А. Тато.

Состоялась также встреча тов. Э. Берлингуэра, членов ЦК ИКП тов. А. Рубби и тов. А. Тато с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС тов. М. А. Сусловым, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС тов. Б. Н. Пономаревым, кандидатом в члены ЦК КПСС тов. В. В. Загладиным.

В итоге состоявшихся бесед было принято совместное коммюнике.

ПРОТИВ СДЕЛКИ В КЭМП-ДЭВИДЕ

Юрий КОРНИЛОВ

События последнего времени вновь привлекли к ближневосточному конфликту пристальное внимание международной общественности. Ход и существо этих событий хорошо известны. Сначала — тринадцатидневный «дипломатический марафон» в Кэмп-Дэвиде, результатом которого явилась сепаратная антиарабская сделка между Израилем и Египтом, выработанная под патронатом Вашингтона. Затем — активные и настойчивые попытки участников кэмп-дэвидского сговора, приукрасив и подгримировав характер этой сделки, «запродать» ее другим арабским государствам, вынудить участников ближневосточного конфликта подчиниться ее условиям. Одновременно — усиление экспансионистской активности Израиля, вооруженные наскоки израильской военщины на соседний Ливан. Все эти акции, следующие одна за другой, сопровождаются шумной, назойливой и, добавим, насквозь лицемерной пропагандистской кампанией, цель которой — изобразить дело так, будто участники кэмп-дэвидского сговора, действующие за спиной арабских народов и в ущерб их коренным интересам, пекутся не о чем ином, как лишь о «мире» на Ближнем Востоке.

Организаторы сепаратных сделок действуют так, будто арабы — не более чем пешки, будто, кроме Египта, руководство которого, как известно, давно уже совершает унизительные и позорные коленопреклонения перед американо-израильским диктатом, на Ближнем Востоке нет других арабских государств. Однако эти государства существуют, они преисполнены решимости самостоятельно определять свою судьбу, и они более чем недвусмысленно выражают свое отношение к Кэмп-Дэвиду и его последствиям. Сепаратный сговор с агрессором полностью отвергнут Алжиром, Сирией, Ливией, НДРЙ, Организацией освобождения Палестины (ООП), входящими во Фронт стойкости и противодействия израильской агрессии. От «ближневосточного Мюнхена» отмежевались Ирак, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Тунис, Бахрейн, ЙАР, другие арабские государства. Как явствует из поступающих сообщений, эта сделка, несмотря на казенный оптимизм, пронизывающий каирскую печать, не получила желаемой Садатом поддержки и в самом Египте. Практически весь арабский мир расценивает Кэмп-Дэвид как предательство справедливого арабского дела, как нацеленный против арабов зловещий заговор империалистических, реакционных и сионистских сил. Обсуждая и комментируя ход событий на Ближнем Востоке и вокруг него, видные политические и общественные деятели разных стран, печать подчеркивают, что попытки искать урегулирования ближневосточного конфликта на окольных и бесчестных путях сепаратных сделок не только не приближают желанного мира, но, напротив, еще более осложняют и обостряют обстановку в регионе.

И это действительно так. Хорошо известно, что основу ближневосточного конфликта составляют две стержневые проблемы, без решения которых невозможно какое-либо продвижение вперед: необходимость освобождения всех оккупированных Израилем арабских территорий и создания независимого палестинского государства. Но разве участники кэмп-дэвидского сговора предприняли сколько-нибудь серьезную попытку, чтобы хотя бы на йоту продвинуть вперед решение этих проблем? Нет. Напротив: документы, принятые в Кэмп-Дэвиде, свидетельствуют, что Тель-Авив намерен и впредь, опираясь на поддержку извне, силой навязывать арабам свою волю, осуществлять контроль над захваченными арабскими землями. Сохраняется и положение, при котором арабский народ Палестины по-прежнему лишен неотъемлемого права на создание собственного государства, а ООП — права выступать от имени своего народа. Как отметил председатель Исполкома ООП Ясир Арафат, права и национальные интересы палестинцев проданы в Кэмп-Дэвиде «за горсть синайского песка».

Для действительного решения ближневосточного конфликта есть только один путь: полное освобождение всех оккупированных Израилем в 1967 году арабских земель, полное и недвусмысленное уважение законных прав арабского народа Палестины, в том числе права на создание своего независимого государства, обеспечения надежно гарантированной безопасности всех стран региона, включая, разумеется, и Израиль. И чем раньше такое всеобъемлющее урегулирование будет достигнуто, тем скорее Ближний Восток перестанет быть очагом напряженности.

Что же касается позиции Советского Союза, то эта позиция еще раз с предельной полнотой и четкостью изложена Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым в его недавней речи на обеде в честь находившегося в Москве Генерального секретаря Партии арабского социалистического возрождения, Президента Сирии Х. Асада. СССР, подчеркнул Л. И. Брежнев, будет продолжать вести последовательную линию на ликвидацию опасного военного очага на Ближнем Востоке, тем более что этот район находится в непосредственной близости от рубежей нашей страны, да и других стран Варшавского Договора. Эта наша линия органически вписывается в ту борьбу, которую Советский Союз неуклонно ведет за прекращение гонки вооружений и реальное разоружение, за ликвидацию очагов военной опасности, за углубление разрядки и распространение ее на все районы мира.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НОВЬ ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛИ

14 октября — национальный праздник Народной Демократической Республики Йемен — День революции.

Неширокой полосой протянулась Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ) на крайнем юге Аравийского полуострова. Древняя и богатая история этой страны. Тяжелая и нелегкая доля мужественного народа. Сколько завоевателей и грабителей приходили сюда, в этот суровый, но богатый край; последними были англичане.

Методы управления страной у колонизаторов известны: пытки, тюрьмы, преследования патриотов. И конец терпению наступил. 14 октября 1963 года восстали племена в горах Радфана. Вскоре пламя борьбы перекинулось на другие районы юга Йемена. Через четыре года 128-летнее британское господство было свергнуто. Страна обрела независимость. Это была выдающаяся победа йеменского народа, одержанная ценой больших усилий и жертв.

За годы независимости в стране произошли важные политические и социально-экономические перемены. Они заметны везде, в городе и в деревне. Всей жизнью государства руководит Объединенная политическая организация Национальный фронт (ОПОНФ), провозгласившая своим принципом социалистическую ориентацию. В стране расширяется государственный сектор, осуществлена аграрная реформа. Прокладываются дороги, строятся школы, больницы, фабрики, исследуются недра.

Тесные отношения дружбы и сотрудничества сложились между СССР и НДРЙ. Советские люди, питающие чувства глубокой симпатии к народу демократического Йемена, искренне поздравляют его по случаю 15-й годовщины начала антиколониальной освободительной революции и желают ему новых успехов на пути революционных преобразований.

Борьба с неграмотностью стала одной из главных национальных задач в НДРЙ. Все от мала до велика учатся, так же как и эта мать двоих детей.

Фото ТАСС

Этот плакат с портретом Н. Манделы выпущен АНК.

ЦЕПИ РАСИЗМА

11 октября — День солидарности с политическими заключенными— узниками застенков Южной Африки.

С каждым днем нарастает борьба народа Южной Африки с ненавистным режимом апартеида. В эту борьбу вливаются все новые и новые отряды мужественных патриотов. Расисты усиливают террор в ЮАР, превратив страну в сплошной концентрационный лагерь.

Репрессивная машина ЮАР продолжает набирать обороты. В широких масштабах полиция проводит облавы и аресты африканского населения этой страны. Как заявил министр юстиции, полиции и тюрем ЮАР Крюгер, количество людей, находящихся в стране за решеткой, составляет 100 832 человека. Это официальная версия, но никто не знает, сколько узников действительно томится за колючей проволокой расистского государства. Известно, что ежедневно тысячи африканцев арестовываются на основании пресловутых «законов о пропусках». Они подвергаются затем крупным штрафам или направляются на принудительные работы.

Тюрем не хватает. Власти ЮАР планируют истратить более 45 миллионов долларов на строительство новой огромной тюрьмы в окрестностях Иоганнесбурга. Четыре мрачных бетонных корпуса вместят 4250 узников. А пока самой известной и изуверской тюрьмой расистов считается тюрьма на острове Роббен.

Небольшой и каменистый, открытый всем ветрам остров Роббен подымается из вод Атлантики перед самым входом в порт Кейптаун. Когда-то сюда ссылали прокаженных. Океан держал в плену этих несчастных и надежно защищал их соотечественников от страшной болезни.

В наше время здесь находится одна из самых страшных тюрем, сооруженных расистскими властями ЮАР. В ее застенках сегодня содержатся сотни политических заключенных, осужденных за «преступления против безопасности государства».

Отдельные просачивающиеся из тюрьмы известия говорят о том, что политические заключенные находятся там в ужасных условиях. Тюремщики издеваются над ними, унижают. Узники обречены на изнурительную работу в каменоломнях. Их часто принуждают работать под палящим солнцем без воды. Бывали случаи, когда заключенных по шею закапывали в землю, натравливали на них полицейских собак. За малейшие провинности, к которым относят разговоры, пение во время работы, жалобы на тяжелые условия, узников переводят в карцер, лишают пищи, подвергают жестоким избиениям.

Несмотря на обдуманные попытки расистов деморализовать политических заключенных на острове Роббен, это им не удается. Приведенные газетой «Вашингтон пост» слова бывшего узника застенков острова Роббен африканца Марарджа, 12 лет проведшего в одиночной камере, лучшее тому подтверждение. Он сказал: «Из тюрьмы на острове Роббен я вынес одно несокрушимое убеждение: апартеид должен быть ликвидирован силой оружия. Добиться изменений в этой системе расовой дискриминации мирными средствами невозможно».

Заключенным № 1 каторжной тюрьмы острова Роббен считается Нельсон Мандела. Он один из лидеров Африканского национального конгресса (АНК), национально-освободительной организации, ведущей борьбу против режима апартеида. В июле этого года ему исполнилось 60 лет. Приговоренный к пожизненному заключению, вот уже 16 лет он томится на этом острове. Все эти годы расистские палачи пытаются сломить мужественного борца против угнетения и бесправия. В результате пыток, жестоких тюремных условий здоровье Н. Манделы резко ухудшилось. Однако волю южноафриканского патриота сломить не удалось. С гордостью он заявил: «Мой идеал — демократическое и свободное общество, в котором все люди живут вместе в условиях гармонии и равных возможностей. Я надеюсь, что доживу до этого времени. И если будет нужно, я готов умереть за этот идеал».

Расистские власти держат его, как и многих других борцов против апартеида, за тюремной решеткой, но дело, за которое он борется, продолжают тысячи его южноафриканских единомышленников.

В. ДУНАЕВ

ГОЛУ

Тураб ТУЛА, заслуженный деятель искусств УзССР

■

В канун нынешней хлопкоуборочной страды я побывал в Пахтачийском районе, Самаркандской области. Там, на холме, среди хлопковых полей колхоза «Коммунизм» происходило необычайное событие — торжественно открывался памятник... машине, точнее, родоначальнику хлопкоуборочных машин. На пьедестале красовался «голубой корабль» марки «СХМ-48М».

Среди многочисленных участников торжества присутствовали очевидцы тех времен, когда первые механизированные агрегаты появлялись на полях хлопчатника. Дехканам трудно было даже представить себе, что этот с виду неуклюжий агрегат — их будущее, будущее хлопководства, что извечный тяжелый ручной труд на уборке смогут выполнять машины. Сегодня они с улыбкой вспоминают тех, кто, отстаивая прошлые, веками выработанные устои, буквально вставал на пути машины, не давая ей зайти в поле, вспоминают, как самые упорные заливали землю водой, чтобы машина не могла работать. Со

ХЛЕБ РУССКОГО ПОЛЯ

Начало см. на 2-й стр. обложки.

комсомольский секретарь. Виктор Павлович остановил комбайны звена, жмет руку Гуськову, а Валя всем на обозрение «Молнию»! И вручают Виктору Гуськову еще телеграмму. От кого? От летчика-космонавта, дважды Героя Советского Союза Петра Климука. Вот она:

«С чувством гордости за нашу советскую молодежь узнал о Вашем трудовом успехе.

Свыше 7000 центнеров зерна, намолоченных Вами с начала уборки,— достойный вклад в выполнение решений июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья, новых побед на трудо-

БЫЕ КОРАБЛИ

смехом рассказывают о курьезном случае: за одну ночь люди полностью собрали руками весь хлопок с того участка, где утром должна была работать машина. Чего боялись хлопкоробы? Думали, будто «железное стадо» машин уничтожит урожай, потопчет драгоценные растения, с таким трудом выращенные ими...

Действительно, в те времена новые машины еще не могли сразу показать себя мастерами уборки хлопка. Маломощные, несовершенные, они убирали урожай с большими потерями. Но зато быстрее человека! И это уже было победой. По существу, начинался бой за новую технику — быть ей или не быть на полях. Вся республика с волнением следила за событиями на хлопковых плантациях. Конечно, с потерями при машинной уборке мириться нельзя, но и уповать на ручную уборку хлопка было уже невозможно.

И, как всегда, нашлись смелые люди, коммунисты, которые показали пример в освоении «железных сборщиков». Они предвидели, что эти пока еще малочисленные и слабые агрегаты скоро станут подлинными друзьями и помощниками дехкан.

Был среди таких пропагандистов новой техники и председатель колхоза «Коммунизм» Шамси Назаров. С волнением узнавал он, как председатели других колхозов не решаются пустить агрегаты в дело, выжидая и сомневаясь. И, получив машины в свое хозяйство, Назаров решительно доверил штурвал самому опытному своему бригадиру Хакиму Курбанову.

Начало было положено. Одна за другой, гремя железом, шли машины, неуклюже, с огрехами собирая драгоценный хлопок. Безмолвно стояли в стороне дехкане, не в силах смотреть, как железное чудовище нет-нет, да и уничтожит часть хлопка, добытого их тяжелым, многодневным трудом. А председатель не сдавался. По пятам следуя за машинами, он собственноручно подбирал посеревшие комки урожая, которые оставляла на земле за собой машина...

И вот результат: к концу дня дехкане увидели небывалый хирман, хирман с горами хлопка, который они могли бы соорудить лишь за неделю. Это была победа, о которой на следующий день узнали все!

Вот какой героической машине поставлен сегодня памятник в самом центре колхоза «Коммунизм». Двадцать лет прошло с той поры, сменились поколения дехкан. И всем ясно, что памятник не столько машине, сколько людям, трудом своим поставившим древнее хлопководство на новую, индустриальную основу. Это их сыновья и дочери подвижничают сегодня на полях республики, обеспечивая страну «белым золотом». Они блестяще доказывают важность эффективно и качественно убирать хлопок совершенными «голубыми кораблями» наших полей, железный прадед которых гордо возвышается ныне на гранитном пьедестале.

Это они уже в этом году боролись с ливнем, с градом, с суровой непогодой, трижды пересевая хлопчатник. Небывалое стихийное бедствие, выпавшее, в частности, на долю Шаватского района, Хорезмской области, не сломило стойкости тружеников. В трудные дни в район приехал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов. Он дал ряд ценных, необходимых советов и тут же, на месте помог решить ряд практических вопросов.

Так было в конце мая, когда обычно уже проводится вторая культивация. А шел четвертый пересев... Это означало опоздание созревания хлопчатника почти на два месяца. В подобном положении находился не только Шаватский район, но и Каракалпакия, Бухара, Кашкадарья, Самарканд. Повсюду принимались срочные аварийные меры. Словом, вели борьбу за каждый кустик хлопчатника.

Нынешние герои хлопковых полей, которых я видел в жаркой работе,— это Ойсултон Джанибекова, Рахимбай Бабаджанов, Тойбиби Бабаназарова, Толиб Заиров, Барно Облокулова, Зиннат Ташева, Замира Файзиева, Зулейха Кодирова, Кичик Хазраткулова и многие другие. Передовики обязались собрать в этом году по 50—60 центнеров с каждого гектара. Почти все — машинами. Первый секретарь Пахтачийского райкома партии Герой Социалистического Труда З. Норкулова сказала мне, что, несмотря на все погодные трудности, район справится со своей задачей. Я глубоко верю: так и будет.

Да, удивительны погодные сюрпризы Узбекистана. Недаром великий Алишер Навои говорил, что в один день здесь можно пережить все времена года: и дождь, и снег, и весеннее цветение. В прошлом году, например, для хлопкоробов проблемой была вода. Ее буквально доставали из-под земли, «опускали» с заснеженных вершин гор. А в этом году не было от нее спасения. Правда, обилие дождей и полноводье рек, мешая хлопчатнику, позволили вырастить большой хлеб и заготовить вдоволь кормов для скота.

И здесь же, в Узбекистане, многие земли продолжают страдать от безводья. Сейчас на помощь бухарским и кашкадарьинским хлопкоробам пришла Амударья. Шаг за шагом отвоевывается земля у степей, создаются новые хлопководческие совхозы. На сегодняшний день самые большие урожаи хлопчатника дают совхозы Кашкадарьинской степи. Титанической силой человеческого разума поднята на 132-метровую высоту вода Амударьи, питающая эти совхозы.

В речи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева в Баку сказано: «Словом, товарищи, страна наша живет активной, кипучей жизнью. Дел много, а будет, наверное, еще больше. Достижения велики, но и задач немало. И одним из важнейших залогов успеха во всей нашей работе всегда были и будут активная забота об общем деле, высокая требовательность к себе и к другим». Хлопкоробы Узбекистана восприняли эти слова как свою трудовую программу. Они делают все, чтобы выполнить почетное обязательство — дать в этом году Родине пять миллионов семьсот тысяч тонн «белого золота».

вой вахте в честь 60-летия Ленинского комсомола».

Дело в том, что накануне жатвы отряд космонавтов учредил вымпел имени Юрия Гагарина — для лучших на уборке, для лучших на фермах, в общем, для победителей в соревновании в честь комсомольского шестидесятилетия. Вот и звено Виктора Гуськова борется за этот вымпел. Как же это все близко: космос— земля, далекое — близкое, Звездный городок — Ряжск... Все у нас на Земле на расстоянии одного дружеского рукопожатия!

...Вот такой выдалась жатва. В тот незабываемый день Виктор отгрузил из бункера тысячу центнеров зерна. Здорово работали весь год и его товарищи по звену Н. Кормилицын и В. Шварев. Отмолотились у себя, потом поехали на поля отстающих, там уж и закончили сезон.

Виктора Гуськова хорошо знают по всей рязанской земле. Ему и тридцати нет, он еще молодой коммунист, дважды был делегатом съездов ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола. Виктор награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Трудовой Славы. Человек он целеустремленный, сильный, напористый. И ребят в звено по себе подобрал. Их, Гуськовых, вообще-то три брата в совхозе. Александр и Анатолий — тоже механизаторы, они были лучшими на севе, перекрыли все нормы. Не только на своих полях работали, но и соседям помогали посеяться в срок.

Живут Гуськовы на отделении в селе Марьино. А на отделении Центральном работает звено В. Бобылева — с ним и соревнуются.

Звенья у В. Гуськова и В. Бобылева необычные для здешних мест — безнарядные. Дали ребятам землю, технику. Хозяева! Безнарядные звенья в «Ряжском» оправдали себя. Толковые механизаторы подобрались, притерлись, сработались. Отлично усвоили агротехнику. Теперь замахиваются на высокие урожаи. Не подводят совхоз. И сами стали хорошо зарабатывать. Совесть, как говорится, лучший контролер. Принцип-то старый, крестьянский, сам за себя в ответе: что потопаешь, то и полопаешь. Но организация труда, техника — это все новое, проверенное. А комсомольская совесть — гарантия. Как ни лило с неба, как ни летели цепи да шестерни — убрались победно! Вот он, трудовой подарок к 60-летию ВЛКСМ — сорок центнеров зерновых с гектара. Для рязанской земли звучит! С таким показателем не стыдно и на связь с космосом выходить.

Директор совхоза Виктор Павлович Браткин — агроном, тимирязевец. Тоже молодой еще специалист, директором всего-то шестой год. Но дело знает. Дело ведет уверенно, все как по науке.

Виктор Павлович рассказывал о безнарядной звеньевой системе очень интересно:

— Новая экономика характеризует людей, их устремления и мастерство. Судите сами. На сев отводилось комплексу восемьдесят пять часов, уложились за семьдесят пять. Все остальные работы по агроплану выполнили в срок, а это для растений, для всходов самое важное. Удобрили полей больше, чем намечали, тут четкая работа механизаторов помогла. Посеяли элитными семенами и пшеницу и ячмень. Подобрали лучшие для нашего хозяйства сорта зерновых, особенно полюбился нам ячмень «дворан», который по урожайности на пять центнеров превосходит другие сорта! Только за счет сортообновления совхоз дополнительно получил не менее двухсот пятидесяти тонн зерна.

По рассказам директора видно, что в «Ряжском» каждый знает свой маневр: и специалисты, и механизаторы, молодые и опытные хлеборобы. На таких людях, которым присуще чувство хозяина, и земля держится. Не случайно в Марьине так уважают братьев Гуськовых — сила! Надежные мужики, спорые в работе. И отец, Владимир Михайлович, прямо не нарадуется на сыновей: и в поле первые, и внуками одарили богато.

Когда Виктор собрался на первую после жатвы рыбалку, за ним увязалась и маленькая его Наташа, шла и пела до самой речки: «Русское поле, я твой тонкий колосок». Хорошо было в то утро отцу.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

1

ПОДРУЖИЛИСЬ КОСМОНАВТЫ И СТРОИТЕЛИ

Летчики-космонавты СССР Ю. Романенко и Г. Гречко встретились с молодыми строителями объектов Олимпиады-80. Встреча была посвящена годовщине новой Конституции СССР и юбилею Ленинского комсомола.

Знакомство олимпийских строителей с космонавтами состоялось в начале 1978 года в Центре управления полетом. Во время сеанса радиосвязи с экипажем орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз-27» был зачитан приказ по комсомольско-молодежному управлению № 206 треста Мосстрой-31 о зачислении Ю. Романенко и Г. Гречко в состав бригады А. Свиридова каменщиками третьего разряда.

На встрече Ю. Романенко и Г. Гречко припомнили этот разговор и шутили, что к их профессиям космических монтажников и металлургов прибавилась пока что сугубо земная профессия каменщиков.

В зал, где проходила встреча, Юрий Романенко и Георгий Гречко вошли, держа в руках забавный плакат с надписью «Мы — бригада Свиридова!».

Эта бригада и ранее была хорошо известна олимпийским строителям нашей столицы. Сам бригадир — кавалер ордена «Знак Почета», а бригада — инициатор почина «Стройка олимпийская — рекорды трудовые!».

В августе в честь юбилея Ленинского комсомола бригада выполнила годовой план. Освоено 84 тысячи рублей. Алексей Свиридов сообщил космонавтам, что к концу года будет освоено еще примерно 20 тысяч рублей.

Мало что говорят цифры, пока не увидишь громады корпусов, поднимающиеся над желтеющими рощами Измайлова. Здесь строится крупнейшая в Союзе гостиница на 10 тысяч мест — город для гостей Олимпиады-80.

Секретарь Московского горкома комсомола Сергей Худяков вручил Юрию Романенко и Георгию Гречко наградные значки «Ударник строительства Олимпиады-80». А. Свиридов передал от имени бригады до блеска начищенные мастерки с памятными надписями.

Ю. Романенко и Г. Гречко пригласили олимпийских строителей побывать в Звездном городке, обещали приехать на пуск Измайловского олимпийского комплекса.

Э. МАКСИМОВСКИЙ

Фото В. Ларина и О. Рябцева

2

«...О дивный Арзамас!»

«Есть сотни маленьких городов в России. Никто даже толком не знает об их существовании. А вот Арзамасу повезло. Он вошел в народную поговорку: «Один глаз на нас, другой — на Арзамас». Его имя в начале XIX века было присвоено вольнолюбивому литературному обществу, основанному Жуковским. Пушкин был принят в это общество еще лицеистом. Поэту дали в «Арзамасе» чудесное прозвище — «Сверчок».

Так написал об Арзамасе Константин Паустовский. До нас дошел отрывок из стихотворения А. С. Пушкина, прочитанного им в июле 1817 года в Петербурге при вступлении в общество «Арзамас»:

Венец желаниям! Итак,
я вижу вас,
О други смелых муз,
о дивный Арзамас!

Через 16 лет Пушкин, находясь в селе Болдино, будет ждать писем от жены «в Арзамасский уезд». А еще через несколько лет писатель П. И. Мельников-Печерский, побывав в Арзамасе, напишет: «В России немного и губернских городов, которые бы при таком счастливом местоположении были так красивы, как Арзамас...» В разные годы здесь, в Арзамасе, жили и работали В. Г. Короленко и Л. Н. Толстой, А. М. Горький и А. П. Гайдар.

Побывать в Арзамасе, расположенном среди густых лесов на семи холмах, посмотреть на резные наличники старинных домов, пройти по современным улицам, застроенным многоэтажными зданиями, полюбоваться закатами над Тешей — значит встретиться со срединной Россией, ее красотой и историей.

Арзамас бережно хранит дома, в которых жили Горький и Гайдар. Памятники и музеи Арзамаса рассказывают о его героическом прошлом, о революционных событиях. Город был основан в 1578 году и, по мнению историков, получил название от старинного русского имени Орземас. В сентябре Арзамасу исполнилось четыре века. Повсюду на улицах и площадях век нынешний соседствует с веком минувшим. Широкая Пушкинская улица с ее узорчатыми воротами и домиками, утопающими в цветах и зелени, выводит к просторным корпусам приборостроительного завода имени 50-летия СССР, освоившего производство высококачественных отечественных кассетных магнитофонов «Легенда». Фигурка оленя со старинного герба Арзамаса украшала радиатор «Волги» — Арзамасский завод автомобильных запчастей входит в состав производственного объединения Горьковского автозавода.

Торжественно отметили арзамасцы 400-летие своего города. Указом Президиума Верховного Совета СССР город Арзамас награжден орденом «Знак Почета». Юбилейные дни совпали с окончанием полевых работ в районе. Собран богатый урожай зерна и овощей, в том числе и знаменитого арзамасского лука, предмета традиционного экспорта во многие страны мира.

Георгий БЛЮМИН

На снимке: Арзамас, улица Калинина.

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ПОДМОСКОВЬЕ

3 ...ЕСТЬ МНОГОЕ ОТ СЛОВА РУСЬ

От Москвы на запад надо проехать всего сто километров, и вы окажетесь в Рузе — небольшом уютном городке. Эта земля помнит битву с ордами татарского хана в 1382 году, она горела под ногами полчищ Наполеона в 1812-м и фашистских орд зимой 1941 года.

Сегодня Руза — центр одного из красивейших районов Московской области.

Жители рузского края издавна славились умением разводить поголовье крупного рогатого скота, выращивать хлеб, картофель. За годы Советской власти в районе появились промышленные предприятия, ставшие известными на всю страну. Это и Дороховский стекольный завод, и Тучковский комбинат строительных материалов, и Колюбакинский игольный завод. В стране нет ни одного жителя, который бы не пользовался пуговицами местной фабрики.

Красива и благодатна рузская земля, в названии которой, как сказал поэт, «есть многое от слова Русь». Ее леса, живописные берега рек и озер стали излюбленным местом отдыха не только москвичей. Подсчитано, что за год здесь отдыхают и лечатся жители из 130 городов страны. Здешние подземные источники — бальзам от многих недугов. Курорт «Дорохово», например, признан одной из лучших здравниц в стране. Особенно много в Рузе детских лечебных и оздоровительных учреждений, в которых за одно лето поправляют здоровье около ста тысяч ребят.

650-летие Рузы, отмечающееся в октябре нынешнего года, совпадает со знаменательной датой в жизни нашей молодежи — 60-летием Ленинского комсомола, одной из ярких фигур которого стала Зоя Космодемьянская. Свой подвиг Зоя совершила на рузской земле, и в эти дни сюда придут и приедут тысячи комсомольцев.

В. ЗАСЕЕВ

На снимке: детский оздоровительный комплекс МПС.

Фото автора

РИГА

4 САМОХОДЫ АЛБИНСА БУЛСА

Албинс Антонович Булс живет и работает в Риге. Он слесарь-инструментальщик, точнее сказать, мастер на все руки. В последнее время пристрастился к автомобилям. Не к машинам вообще, а к старинным самоходам.

— На одну модель у меня уходит немного меньше года,— замечает Булс, показывая мне очередной автомобиль. Это третья его модель — «Амата». По названию латвийских рек окрестил и ее предшественниц — «Гауя» и «Вента».

Превосходные автомобильчики точно копируют машины конца прошлого или начала нынешнего века. Мастер старается не допускать отклонений от оригинала, хотя уменьшает размеры до сувенирных норм — «Гауя», «Вента» и «Амата» разместились на ладони.

Прежде чем начать работу над новой моделью, Албинс Булс изучает десятки фотографий и рисунков, перечитывает все, что находит об автомашинах, в прежних и новых книгах, в журналах. Сравнивает, анализирует.

Сейчас по всему белу свету идет мода на старинные автомобили. Не обошла она и Ригу, где создан и интересно работает клуб антикварных автомашин. Хотя Албинс Булс и не имеет собственного старинного автомобиля, он все же свой человек в этом клубе. Не пропускает ни одного показа машин-ветеранов. Сличает фотографии, что-то обмеряет, записывает.

— Моделей старых автомобилей, пока еще не освоенных мной, много. Есть еще и «свободные» названия рек. А Даугаву хочу пока не трогать, приберегу ее. Вот когда сделаю модель «Руссо-Балта», это будет копия машины суперкласса, с красными сиденьями, с вращающимися колесами, тогда и попросим у нашей главной реки ее имя для этого автомобиля...

К. БАРЫКИН

На снимке: «Амата», «Вента» и «Гауя» — автомобили Албинса Булса.

Фото Я. Эйдукса

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

5 МОСТ ЧЕРЕЗ АМГУНЬ

Байкало-Амурская магистраль — это не только рельсы, проложенные через горы, топи и тайгу. БАМ — это новые города и поселки, станции и полустанки, тоннели и мосты. Мостостроители уже соединили берега Амура, Лены, а теперь и Амгуни. Не так уж велика эта река по сравнению с Амуром, в который впадает, но в норове ей не откажешь — бурная, своенравная, с разливами, что твое море. А берега! Один скалистый, вздыбленный, другой — словно бильярдный стол. Вот и пришлось строить мост длиной более пятисот метров.

Зима — мороз за сорок, металл стыло звенит, липнет к пальцам, сжигая кожу, а строители идут с опережением графика. Весна — мокрые ветры валят с ног, норовят сбросить в гудящую реку, а строители идут с опережением графика. Лето — гнус съедает заживо, осень — шивалы, изморозь, ледяная корка на фермах, а строители идут с опережением графика.

И вот — осень семьдесят восьмого. Бригада монтажников кавалера ордена Трудового Красного Знамени Евгения Ставицкого закончила сборку моста. И снова — с опережением графика: мост сдан в октябре, на три месяца раньше срока! Это победа, большая победа мостоотряда № 26 и прекрасный трудовой подарок ко Дню Конституции СССР.

Отгремели оркестры, отшумели митинги, и строители снова в пути — впереди новые реки, новые мосты, новые победы...

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото А. Шляхова (ТАСС)

ПРИНЦЕССА СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕВОЙ

Новая чемпионка мира Майя Чибурданидзе увенчана лавровым венком. Слева от нее — генеральный директор ФИДЕ г-жа И. Баккер, справа — главный арбитр матча Я. Шайтар (ЧССР).

Фото А. Бочинина

Новой чемпионке мира по шахматам, студентке первого курса лечебного факультета Тбилисского медицинского института Майе Чибурданидзе всего 17 лет. Такого в многолетней истории борьбы за женскую шахматную корону еще не бывало. Удивительно, как спокойно, уверенно, красиво провела Майя труднейший матч с пятикратной чемпионкой мира, многоопытной Ноной Гаприндашвили, победив досрочно с перевесом в два очка.

Перед пятнадцатой партией, которой суждено было стать заключительной, игровая обстановка в матче накалилась до предела. Чибурданидзе набрала 8 очков, и для победы ей достаточно было в оставшихся двух партиях сделать одну ничью. Ноне Гаприндашвили, чтобы сохранить свое звание, требовались две победы, ее ничейный лимит был исчерпан.

И вот началась пятнадцатая партия, которую позже новая чемпионка мира назовет самой сложной и самой интересной из всех сыгранных ею до сих пор. Заметим здесь: шахматные статистики подсчитали, что Майя Чибурданидзе, несмотря на свою молодость, сыграла уже около 500 турнирных партий.

В 1973 году состоялась первая встреча нынешней чемпионки мира с Ноной Гаприндашвили в сеансе одновременной игры. Двенадцатилетняя Майя была единственной участницей, выигравшей в том сеансе.

Всего пять лет понадобилось ей, чтобы победить в матче на первенство мира.

Все эти годы она хорошо училась в школе и много и успешно играла в шахматы. Уже в том же 1973 году участники и зрители матча СССР — Югославия были поражены победой юной Майи над чемпионкой Югославии Властой Калхбренер с разгромным счетом 4 : 0. В 13 лет, случай беспрецедентный, Майя Чибурданидзе завоевывает звание международного мастера, в пятнадцать получает право участвовать в матчах претенденток. Она выигрывает последовательно у сильнейших соперниц — Наны Александрии, Елены Ахмыловской, Аллы Кушнир. И, наконец, венчающая этот трудный путь победа над Ноной Гаприндашвили, выдающейся шахматисткой современности.

...На следующий день после окончания матча мы ехали в маленький санаторий, который укрылся в Пицунде в тиши старинного парка, где во время матча жила теперь уже чемпионка мира. Майя еще отдыхала после закончившегося поздно вечером поединка, и мы разговорились с приветливой Нэлли Павловной Чибурданидзе, которая на всех соревнованиях находилась рядом с дочерью и которую чемпионка мира называет своим «главным тренером».

— Майя — очень увлеченный и целеустремленный человек,— говорит Нэлли Павловна.— И не надо думать, что весь мир сосредоточен для нее лишь на шахматной доске. Конечно, она много работает над шахматами, особенно помог ей научиться глубоко и серьезно заниматься шахматами гроссмейстер Э. Гуфельд, но это не помешало ей с отличным аттестатом закончить среднюю школу, поступить в институт и, я надеюсь, не помешает стать хорошим врачом.

И вот к нам вышла чемпионка.

— Майя, что вы можете сказать о прошедшем матче?

— Это был сложный матч. Нона Гаприндашвили — сильнейшая соперница. И уверенность в победе я почувствовала только, когда закончилась последняя партия.

— Что вы думаете о «мужских» и «женских» шахматах?

— Есть одни шахматы. И Нона Гаприндашвили доказала, что женщина может успешно играть с мужчинами. Я тоже собираюсь играть в мужских турнирах. Мне кажется, что ведущие женщины-шахматистки по классу игры будут приближаться да и уже приближаются к мужчинам.

— Кто из шахматистов является вашим кумиром?

— Раньше я очень любила игру Таля. Теперь у многих гроссмейстеров я нахожу интересные для себя партии. Привлекают меня шахматные идеи Карпова и Фишера.

— Чем вы объясняете такой взлет грузинской женской шахматной школы?

— Прекрасным примером Ноны Гаприндашвили. Это ее заслуга.

Вечером 7 октября в Пицунде, в том же зале, где проходил матч, советский гроссмейстер Майя Чибурданидзе была увенчана лавровым венком. На шахматный престол взошла новая королева.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Мои лучшие пожелания читателям журнала „Огонёк"

М. Чибурданидзе

1978. 6. X

МАСТЕРА

О. ПЕТРОЧУК,
кандидат искусствоведения

В начале XVII века европейское искусство открывает для себя новую красоту в реальных контрастах повседневной, обыденной жизни. Судьбы и образы простых, внешне малоприметных людей захватывают воображение живописцев.

В те дни для ищущих художников поистине «все пути вели в Рим», где группа живописцев с севера — выходцев из Германии и Голландии — с успехом разрабатывала различные варианты бытового жанра, распространенного в их странах.

На стыке разных национальных культур среди памятников Возрождения и античности рождалось искусство, не поражающее грандиозностью, но отмеченное занимательной свежестью. Наиболее оригинальным из немецких художников римской колонии был, несомненно, Адам Эльсхеймер. Он не был ни реформатором, ни ниспровергателем, но неброские его полотна во многом наметили пути последующих новаторов. Тонкий ценитель всего причудливого в реальности, этот мастер любил сталкивать в своих картинах необычное с повседневным.

В уютно-интимном сюжете «Юпитер и Меркурий у Филимона и Бавкиды» боги античности, преображенные в странников, ищут простоты и покоя в патриархальных стенах сельского дома. Пришельцы в обстановке идиллической хижины с ее закопченными балками и небогатой утварью утрачивают всю свою олимпийскую неприступность. Плутоватый подросток Меркурий, чьи черты еще сохранили ребяческую припухлость, устроился на хозяйской постели, причем мифологические крылышки на его шапке выглядят атрибутом карнавальной шутки. Под стать ему и благодушный бородатый Юпитер, больше похожий на солидного землепашца, чем на грозного громовержца, с блаженным удобством расположивший свои усталые ноги.

Мягкий золотистый свет озаряет лица людей, окружает их головы как бы нечаянным нимбом, придает таинственность лукавому быстрому взору Меркурия, выявляет отблеск затаенного величия в простоватом и кротком облике старшего странника. Игра света, лишая обыденности весь негромкий «маскарад богов», придает ему неожиданную силу поэзии, тепло человеческой задушевности.

Оттого столько доброй готовности услужить в степенном достоинстве старой хозяйки. И с несуетной поспешностью чисто крестьянского радушия, с почти трепетной осторожностью несет престарелый хозяин гостям самое необходимое — свет и еду. Эта сказка о щедрости бедняков дополнена мастерским исполнением натюрморта — типично крестьянского обеда с плодами и рыбой.

Центром несложного происшествия автор делает почти детское ожидание чуда. В сущности, он и сам как бы стоит у его начала, ибо по трепетной тонкости световой разработки, по умению высветить совершенство в обычном скромный живописец Эльсхеймер предвосхищает высокое волшебство светотени великого Рембрандта.

Жизненный путь уроженца Рима Доменико Фетти известен еще меньше, чем события жизни Эльсхеймера, но благодаря немногим маленьким светоносным шедеврам его имя сохранилось в истории живописи. Контрастные эффекты освещения имеют и для него большое значение, но главное заключается в своеобразном очаровании его женских образов, словно воплотивших притягательность домашнего уюта.

«Притча о потерянной драхме» привлекает не занимательностью сюжета, а непосредственностью выхваченного из реальности куска жизни. Зритель сразу включается в хлопотливую атмосферу поиска. Лаконичность художественных средств придает любовно изображенному углу невзрачного жилища характер своеобразного величия. Здесь уже нет переодетых богов — лишь озабоченная фигурка женщины из народа, современницы живописца, в повседневном скромном платье.

Свет маленькой лампы в руке героини рельефно подчеркивает складки одежды, зажигается искрами в пушистых волосах и выделяет ее в центре ярким пятном. Кажется, что лицо и руки ищущей излучают сияние — так маленькая поэма в красках Доменико Фетти утверждает естественность, скромность и простоту.

В отличие от непритязательного вклада в живопись поэтов домашнего очага величественное искусство французского классика Никола Пуссена, озарившее середину XVII века, знаменует истинный переворот в истории искусства его страны. Биография живописца бедна занимательными событиями, но чрезвычайно насыщена напряженностью духовных исканий. Он представляет собою законченный тип художника-мыслителя, решавшего в искусстве философские проблемы. Одержимый стремлением достичь в современной ему живописи идеалов античности, Пуссен ищет их в том же Риме, где в стройном единстве вырабатываются основные черты его творчества, постоянные источники которого — литература и мифология. Но однажды этот суровый классик отступит от своей аскетической сдержанности, пленившись живым обаянием реального человека.

В картине Пуссена «Спящая Венера и Амур» чувствуется сильное влияние живописного богатства и царственной красоты женских образов, созданных корифеями итальянского Возрождения Джорджоне и Тицианом. Однако в Венере Пуссена больше лирической нежности, чем божественного величия. Два пастуха, робко наблюдающие сон богини, не столько любопытствуют, сколько благоговейно поклоняются ее чистоте, смиряющей даже шалости проказливых малышей-амуров. Девичья фигурка богини кажется хрупкой, почти беззащитной, нежно-округлое тело золотисто лучится на сумрачном фоне, а вдали, на холме, как прообраз желанного счастья, мечтательная идиллия влюбленных пастушков.

Несмотря на общую классическую задачу, это полотно как бы предвосхищает будущие задорные образы французского искусства «галантного» XVIII века. Кипение романтической страсти под холодком возрожденной классики делает живописный гимн, посвященный Пуссеном богине любви, явлением неповторимо единственным.

Художник, признанный «Рафаэлем своего столетия» и официально назначенный «первым живописцем французского короля», равно избегал как почестей, так и интриг, пренебрегал и громкой славой и возможностью сказочно разбогатеть, до конца своих дней сохраняя самостоятельность мышления и гордую независимость вечно ищущего, неудовлетворенного духа.

Еще последовательней и активней отстаивал свою художническую автономию отважный неаполитанец Сальватор Роза. Неистово преданный идее свободы творчества, он отвергал самые выгодные предложения работы при королевских дворах Австрии, Франции и Швеции, позволял себе вызывающе дерзкие выходки по адресу высокопоставленных заказчиков, за что приобрел среди них репутацию строптивого. Причуды характера и полная приключений бродячая жизнь художника послужили канвой для самых фантастических литературных легенд в два последующих столетия.

В противоположность уравновешенному Пуссену это была натура, словно сотканная из различных, самых крайних противоречий. Пристрастие к резким контрастам несет в себе и неровная живопись этого фантазера. Если в ученом искусстве Пуссена природа подобна заботливо выстроенному храму, то в пейзажах Сальватора Розы она имеет самостоятельную ценность: он предпочитает изображение самых неприкрашенных, диких мест во всей их первобытной нетронутости.

Любимые мотивы художника определили заросшие лесом горы в окрестностях его родного Неаполя, где скрывались народные повстанцы. Молва не без оснований считала живописца другом этих людей, и он многократно запечатлел излюбленные места обитания бунтарей.

В постоянно сумрачном колорите, придающем его живописным лесным симфониям нюансы таинственности, Сальватор Роза стремится выразить динамический пафос вечного противоборства природных сил, выявляет драматическое напряжение в изломах древесных ветвей и стволов, в причудливых нагромождениях скал и упругих извивах безымянных потоков. Но еще больше он ценит внезапные вспышки света, играющего во мраке загадочных зарослей. Всего привлекательней для художника те сокровенные и простые моменты, когда темень, как бы расступаясь, открывает нежный кусочек светлеющей дали. Этот ясно сияющий просвет для художника и его героев — словно надежда на выход из мрака, путь в неведомую обетованную землю, в царство вожделенной свободы.

Сальватор Роза. 1615—1673. ЛЕСНОЙ ПЕЙЗАЖ С ТРЕМЯ ФИЛОСОФАМИ. Дрезденская картинная галерея.

Адам Эльсхеймер. 1578—1610. ЮПИТЕР И МЕРКУРИЙ У ФИЛИМОНА И БАВКИДЫ.

Дрезденская картинная галерея.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ.

ЛИЛАСЬ РЕКА

Я стоял на корме катера рядом с Голубевым, согбенно опираясь о поручни, и смотрел на реку как на чудо. Как на некое радостное живое существо с бесконечно вытянутым, прохладно голубым, глянцевито блестящим прозрачным телом, вольготно возлежавшим в обширных берегах, за пределами которых сплошной громадой возвышались вечнозеленые хвойные таежные дебри.

Можно было думать, что река купалась в этих берегах. И хотелось улыбаться реке. Здесь все завораживало своим величием, своим покоем.

Голубев сказал задиристо, продолжая задумчиво глядеть на грациозно бегущие за нами вслед упругие волны в белых локонах пены:

— Река! Ведь это неописуемо, а мы пишем.— Скорчил брезгливую гримасу и произнес, нарочито шепелявя: — Река, лентообразный поток пресной воды, двигающийся по земной поверхности от возвышенных мест к низменным под влиянием силы тяжести.— Плюнул за борт, заявил:— Все равно, как песку наелся.

— Так это вы, специалисты, так пишете!

— Ну! Ну! Полегче,— сказал, улыбаясь, Голубев,— а то я вас вопросиком унижу, как бы вы сформулировали понятие идеальной жидкости, без чего немыслимы расчеты гидросооружений, для созерцания которых вы сюда и прибыли...

Действительно. Я был потрясен зрелищем строительства очередной величайшей в мире гидроэлектростанции — огромного завода без кровли. Завода, надетого словно железобетонный гигантский хомут на одну из величайших рек в мире. Безмерная, преобразованная в турбинах и генераторах мощь, которая выльется многомиллионокиловаттной электроэнергией в тяжкие медные провода, вознесенные ввысь стальными опорами мачт, шагающими по огромному земному пространству, и станет их преобразующей всемогущественной, всетворческой силой. И плотина цвета серого гранита, перегородившая реку, была подобна гладко обтесанному горному хребту, созданному словно мощью самой природы, а не человека. Но создали ее люди, свершив библейское чудо. Своей повелительной силой воздвигнув поперек реки из окаменевшего бетона стену размером с горный хребет.

Но ни у кого из этих людей не было освещено за это деяние чело самосветящимся божественным нимбом. Люди работали, а когда человек работает, лицо его обретает отчужденное, сосредоточенно озабоченное выражение. И мысли их были обращены не к тому, что они уже свершили, а к тому, что еще предстоит сделать, и у каждого из них было свое дело, и из совокупности сделанного всеми выросло это величайшее в мире сооружение, вслед за которым намечалось строить еще более величайшее, и многие из них, завершив работы по своей специальности, перекочевывали на этот новый объект, еще более величайшее сооружение, где уже закладывался нулевой цикл, который можно воспринимать всегда как первый день сотворения нового мира на земле.

Словом, созерцать все это мне была предоставлена полная возможность. Но на журналистские опросы люди соглашались весьма неохотно. Говорили:

— Передовики? Вот, пожалуйста, на Доске почета! Посмотрите подшивку многотиражки, там все толково про достижения напечатано. Отстающие, конечно, есть, освещаются ежедневно в листовках «Комсомольским прожектором», как и прогульщики, нарушители технологической и вообще дисциплины. Но вот что самое у нас интересное. Побеседуйте с бригадами, которые перешли на единый наряд.— При такой рекомендации лицо человека обретало воодушевление и гордость.— Единый наряд, надо вам прямо сказать, не только коммунистическую сознательность воспитывает, но уже дал эффект роста производительности труда, сплочение коллектива, взаимоответственность...

И здесь мне снова довелось переживать то же самое, что я пережил, побывав на моторостроительном заводе, видя на стендах двигатели, в малых габаритах которых размещены такие мощности, что ими смещаются обыденные понятия — времени, пространства, движения. И если взять в руку детали этих механизмов, то по сравнению с ними самые изысканные ювелирные изделия выглядят как грубая слесарная работа.

Но этим деталям назначено выдерживать чудовищные вулканические напряжения, такие же температуры и после тысяч часов работы выглядеть как новенькие. И когда я держал некоторые из них в руке, легкие, как рыбья кость, и столь же дивно прихотливой и совершенной формы, которая сотворяется только самой природой живого организма, я испытывал изумление перед гением человеческого творчества, воплощенным в этих изделиях.

И я был весь во власти этого ощущения — чуда труда человека. Но разговора, как творится это чудо, у меня на заводе не получилось. Собственно, этот разговор был, но велся он совсем в ином плане.

Мне с увлечением рассказывали о том, что внес нового в заводской коллектив метод работы бригад по единому наряду, как это высветлило духовные, нравственные, творческие качества людей, что именно с такими качествами можно смело идти сквозь проходную нашего времени прямо в коммунизм. И доказывали правоту своих прозрений цифрами и фактами достигнутых многомерных показателей.

Ну что же, значит, наступило такое время, когда изделия, сотворенные человеком, являются прямой овеществленной силой его знания, духа, убеждений. И без постижения самого создателя предмета вряд ли следует восхищаться одной технологией, потребной на то, чтобы такой предмет сработать, как бы он ни был удивителен сам по себе. Но, между нами говоря, изобрести литератору образ человека гораздо легче, чем открыть его во всей его полноте, чтобы он и вобрал в себя самое характерное, что столь необычайно отличает нашего обыкновенного человека от людей всех иных времен.

Я знал, что среди знаменитых гидростроителей Голубев пользовался большим уважением, хотя сам он никогда не возглавлял ни одной стройки, но, будучи видным специалистом по проблемам гидродинамики, принимал участие в разработке проектов уже многих гидростанций.

Это был человек крупного телосложения, с большим, открытым, несколько костистым лицом и светло-серыми, частенько насмешливо прищуренными глазами. О себе он сказал:

— Я, собственно, нахожусь здесь довольно-таки в двусмысленном положении — считаюсь перебежчиком.— И пояснил: — Поскольку методами гидродинамики можно исследовать также движение газов, если скорость этого движения значительно меньше скорости звука в рассматриваемом газе. Но при скорости движения газа, близкой к скорости звука или превышающей ее, начинает играть заметную роль сжимаемость газа, и тогда методы гидродинамики уже неприменимы. Такое движение газа исследуется в газовой динамике. Так вот, я увлекся теперь изучением не жидкостей, а газов. Поиме? Ну, словом, с земных дел подался в небесные. Участвую в создании авиадвигателей, наделенных способностью в три эм. Не разумеете? Тогда вот: лайнер, на котором вы изволили сюда прибыть,— это самоходная баржа по сравнению с тем, что является предметом, ради которого я и оказался, по мнению моих коллег, изменником.— Он расправил плечи, мечтательно и добродушно улыбнулся и сказал: — Но, признаться, я все-таки на всю жизнь влюбился в наши сибирские реки и покинуть их не могу в силу особой привязанности. Поэтому связи мои с гидростроителями остаются в силе.

Привязанность к рекам сибирским! Я тоже сам это испытывал. Нет на земле рек похожих, и каждая бесконечно изменчива в своем облике, ибо она источник жизни и живет своей жизнью.

Могущество Сибири можно обозначать могуществом ее рек с их бесчисленными ветвями притоков.

Лесные богатства Сибири, питаемые ее реками,— это ее зеленый океан с вечнозелеными нетленными хвойными громадами, казалось, подпирающими своими вершинами плотные слои небесного пространства — бессмертные хранилища драгоценной чистоты воздушной среды. Если б не полноводье сибирских рек, плавучий панцирь Арктики оковал бы замертво, навечно, необъятно и гибельно для всего живого материк. Реки Сибири своими мощными водами атакуют льды Арктики, сокрушают их и теплом своим защищают материк от ледового плена.

Водные сокровища Сибири в их истинной, всевозрастающей для жизни планеты ценности еще полностью не постигнуты, не оценены достойно. Они творят жизнь, исполнены всесильной энергии жизни.

Реки Сибири проложили человеческой отваге пути сквозь недоступные пространства и своей силой внушали человеку веру в свои силы одолевать неодолимое.

В эти дни проходило совещание в штабе строительства гидростанции, на которое прибыли из Москвы ученые, представители министерств и ведомств. Эти совещания были подобны совещанию в штабе фронта. Докладчику предоставили десять минут, оппонентам от трех до пяти. Решения выносились тут же, и те, кто должен их выполнить, незамедлительно покидали совещание. Изредка Голубев подавал, озабоченно сощурившись, реплики. Но, очевидно, содержание их было столь значительно, что они мгновенно становились объектом обсуждения. Здесь никого не убеждали. В ходу были только аргументы предельно сжатые, как формулы уравнений для решения сложнейших задач с многими неизвестными. Если выступающий говорил более пяти минут, председательствующий прерывал его, но не за нарушение регламента, а за нечеткость, расплывчатость вносимого предложения или ответа на предложение. Да, здесь каждое слово было весомо, энергично и бездельные слова отвергались. И я завидовал умению этих людей в нескольких словах изложить самое существен-

ное, главное. Как в действующем механизме не может быть лишних деталей, так и в их выступлениях не было лишних, нерабочих слов. И когда совещание кончилось, ко мне подошел Голубев с изможденным и даже похудевшим за эти дни лицом и сказал, отдуваясь:

— Ну, прогнали испытания по всем параметрам с полной нагрузкой.

— Турбины? — спросил я.

— До турбин дело еще не дошло,— снисходительно улыбнулся Голубев,— их еще монтируют. Друг друга в упор проверяли, кто, как, на что годен. Некоторых даже в обязанностях перемонтировали. Из руководителей перевели в руководимые в связи с малым запасом прочности знаний и слабым умением ими пользоваться.— Он потянулся и вдруг заявил с воодушевлением: — А что, если нам с вами взять и мотануться по реке? Мне — для обмысливания кое-каких возникших чисто технологических проблем, вам — для созерцания прекрасного.

Я охотно согласился, тем более что после беседы с бригадиром комплексной бригады Евгением Ивановичем Сазоновым мне самому надо было кое-что осмыслить.

Мы сидели с Сазоновым на бетонноскальном гребне плотины, оттуда, с ее авиавысоты, открывалась панорама всей стройки, весь ее рабочий фронт, и башенные краны возвышались над нами, простирая в поднебесье свои долгие стрелы с еле зримыми нитями тросов с подвешенными к ним немыслимыми стальными тяжестями, которые, казалось, обретая летучие свойства, поднимались ввысь сами по себе.

Стройка с этой высоты выглядела как плацдарм, на котором действуют части и подразделения мотомеханизированной армии. Люди были в машинах, и машины эти казались дистанционно управляемыми, подчиняясь целеустремленной, организующей их работу и движение единой и мудрой воле.

Сазонов, морщинистый, худенький, седоватый, но с моложавыми голубыми озабоченными глазами, в чистенькой, узковатой даже для его комплекции спецовке, опоясанной широким толстым брезентовым поясом верхолаза с прикрепленными стальными петлями и с такой же тяжеловесной стальной пряжкой, вначале все беспокойно озирался на оставленный им участок работ его бригады. Но потом, как бы смирившись, опустил глаза, пожевал губы и спросил:

— Вас как интересует, для себя или для газеты?

— И то и другое.

— Если для печати, так про нас много написано, даже больше и ни к чему.

— Это почему же?

— Да так, показатели наши — вон они.— Сазонов кивнул на доску, где были выписаны показатели его комплексной бригады на сегодняшний день, который, опережая самое время, фактически мог быть отнесен к восьмидесятому году.

— Ну, давайте тогда просто так, про жизнь.

— Так она у меня длинная, всего не упомнишь.

— Воевали?

— А как же, как и все. У меня братьев семь, всей толпой нам не удалось. По очереди на фронт уходили. Отец у меня богатый на детей. Еще две сестры тоже на фронт сбежали в санинструкторши. Вернулся с войны, от братьев одни портреты остались. И извещения. Но семейство у нас, как было, в полном составе.

— То есть как это?

— А так, как похоронку родители получат, так сразу из детдома себе в усыновление брали ребятишек. Ну, я женился, от себя еще двоих девчушек добавил. Сестры на фронте себе женихов нашли, те их и увезли по разным городам.

— Так ведь трудно было такую кучу воспитывать?

— Завод помогал. Родители привыкли к тому, чтобы в доме всегда суета была. А без нее какая жизнь? Нету жизни. На заводе отец с людьми и дома — тоже. Отец бригадой в мартеновском командовал, ну и дома такой же, но только малолетней. Опыт имел: нас вырастил в людей, ну и приемышей такой же манерой выращивал, как и нас. На принципе самообслуживания и полного друг к дружке доверия и уважения. Ребятишки приемные, братишки мои, конечно, горькой судьбы, сироты войны, из эвакуированных. Самый младший, так он после фашистского концлагеря, у него там кровь брали. Специальный бункер для малолетних имелся для снабжения кровью фашистов на фронте. Слабый очень парнишечка был. Ну, мы его всем гуртом выходили. Теперь на заводе в начальника цеха вырос. А я вот в гидростроители подался. Отец еще в девятьсот пятом баррикады строил, а я, значит, плотины для социализма.— Усмехнулся.— Если вас про единый наряд интересует, так я вам так объясню. Маркс, к примеру, на сюртук ссылался, а я, допустим, на пиджак, вроде как на вас. Если рассуждать по сдельщине, то для шитья пиджака—у каждого своя специальность. Каждый за свою работу получает отдельно, сколько сработал, столько и заработал. Но если кто брак сдал? Пиджак получился уцененный. Факт? Факт! Кто страдает? И потребитель и производство. За такой пиджак ни материального, ни морального стимула никому не будет. А единый наряд, коротко говоря, по готовой продукции всем оплата за работу с прибавкой на квалификацию, и качество, и количество. Значит, все мы не только каждый за себя, а каждый за всех, при этом с общего котла на всех больше получается, потому что каждый в каждом заинтересован, каждый каждого подтягивает, обучает. Как наряд закрываем, на совете бригады все обсуждают: кто как работал, кто получше, тем добавка, кто похуже — снимаем часть с получки. Все по совести решаем и вознаграждаем коллективом публично при всех, сколько кому причитается.

— Но ведь не все у вас добросовестно работают?

— Ясно,— сказал Сазонов.— Не без этого. Но от многоглазого коллектива не скроешься — все рядом, все заметно. Рабочая совесть — она лучше всякого ОТК. Она ОТК, только непрерывного действия и воздействия.

— Но ведь бывают прогулы, отклонение от норм поведения...

— У каждого сбой может быть. Обсуждаем. Кроме того, книгу записи имеем. Книгу рабочей совести. В ней обязан при таких случаях человек собственноручно описать и объяснить свой проступок.

— А если не захочет?

— Убеждаем.

— А если не убедите?

— Значит, он бригадный устав не признает, тогда его и бригада не признает за своего товарища по работе.

— Тогда уходят?

— Уходили, а потом возвращались, просились обратно. Потому что по единому наряду и выгодней работать и по-человечески приятней.

— А если у кого квалификация недостаточная?

— Тогда наша вина — мы же лично в каждом заинтересованы, чтобы каждый у нас свою квалификацию высил и даже несколькими профессиями овладевал, чтобы простоев оборудования не было. Словом, получается такая картина, как, скажем, дома в дружной семье, все друг про друга все знают, все друг за друга беспокоятся, все друг за друга в ответе, и все друг за друга держатся. Кроме того, имеется совет бригадиров. Ну это уже большая сила. Не посоветовавшись с советом, решения не принимают. Получается вроде как наша бригадирская Советская власть по всему плацдарму стройки. Ну и, конечно, всего того, что жизни людей касается, их достоинства, престижа, благополучия. И вполне понятно, уж кто-кто, а мы, бригадиры, соображаем заинтересованно, в смысле того, что касается организации производства, техники ее использования. Механизации, рационализации и всего прочего, от чего производительность нашего труда зависит.— Сазонов вздохнул, осведомился: — Ну что? Может, хватит? Это я вам только, конечно, попросту и на скорую руку. Вообще-то еще всяких коллизий хватает. Одно — каким человек должен быть, другое — какой он есть. И всегда, каким он должен быть, останется для нас всех целью жизни, для всех, кто при нас живет и после нас жить будет.— И Сазонов снова стал беспокойно озираться на тот участок, где работали его люди.

— Но, очевидно, такая атмосфера сложилась в вашей бригаде благодаря влиянию и лично вашему?

— А при чем здесь я? — удивился Сазонов.— Такое движение по всей стране пошло, зачали его машиностроители, а мы подхватили. А мне лично, что ж...— Сазонов задумался, потом, помедлив, сказал: — Вот говорим мы: коммунистический труд! А он должен не только производительность поднимать, но и человека. Я вас нудить нашими цифровыми показателями не стану, но вот люди у нас в бригаде срослись, это цифрами не докажешь. Ну а чем? А вот, к примеру, приходят на работу в положенное время, а уходят позже. Смену отработают, а сидят, не расстаются, разговаривают каждый о своем, а всем интересно. Не сразу, значит, домой тянет. С моей точки зрения, это большой человеческий показатель, хоть его ни в какую графу и не впишешь...— Посмотрел рассеянно в бездну котлована, сказал: — Вот на фронте мы сильно солдатской дружбой сроднялись, идешь в бой, знаешь, пока кто живой — выручит до самой своей смерти, а выручит, так то высшая мерка надежности в человеке за человека,— взглянул на меня уже пытливо, произнес настороженно: — Я это к чему. Конечно, тут не то же самое. Но если люди друг другом так заинтересованы — значит, коллектив. Значит, бригада общим делом дышит.

— Я вас понял...

— Ну, вот! — обрадовался Сазонов.— Значит, существо учуяли. А все остальное поглядите в подшивке газетной, там все: и цифры, и факты, и выкладки, как и что у нас получается в смысле всех причитающихся с нас показателей...— Поднялся, кивнул на прощание и полез ввысь по арматурному сплетению, туда, где с опущенными забралами на лицах ютились сварщики и перед каждым из них трепетало бело-звездное свечение.

Я перешел к противоположному краю плотины, к той стороне, где уже натекало из реки будущее море.

Отсюда хорошо была видна просека в тайге, подобная бесконечному ущелью, на дне которого стояли опорные мачты с многовесными гирляндами изоляторов и тяжко обвисшими кабелями высокого напряжения. Это по ним теперь потечет превращенная исполинская энергия могучей реки, работая на всю страну. Я стоял на вершине каменного гигантского монолита плотины, словно изваянного из серого гранита, возведенного волшебным трудом человека. И мысленно перед моим взором вставало видение солдатского окопа в разрывах огня, стали, где, учащенно дыша, люди выжидали сигнала к атаке. Подняться из этого окопа было равно тому, чтобы выйти на расстрел. А они поднимались и шли. Шли и побеждали. И снова окапывались на следующем плацдарме, и снова, учащенно дыша, выжидали сигнала к атаке, и снова бой — во имя людей, за человека, каким он должен быть и какой он есть, такой обычный и столь необыкновенный, наш советский человек.

Широко и просторно плыла река, вольготно раскинувшись в своей сверкающей красоте. И когда на обрывистом берегу вырастали изломанные башни утесов, они походили на угрюмых стражей, которые караулят реку, чтобы она от них никуда не убежала и никто не похитил ее.

Река лилась под небом, укрытая небом, и по ней плыли белые пушистые облака. Потом ее стали тискать каменные, скалистые берега. И здесь она помчалась водяной лавиной.

Холодные чистые воды ее были столь прозрачны, что казалось, мы невесомо парим в ущелье, дно которого выстлано свежевымытой блещущей галькой и глыбами камня, бородато поросшими водорослями, шевелящимися словно от дуновения ветра. Парим. Парим, увлекаемые не водным, а воздушным течением, будто на планере.

Отвесные слоистые стены ущелья отражались зыбко своими мрачными тенями и выглядели на воде, словно призрачные скалистые ее подводные гряды.

Там, где на дне реки покоились огромные обломки стен ущелья, река бесновалась над ними, тужась смести их со своего пути, взду-

ваясь упругими буграми водяных мышц, хрипя и рыча разъяренно над этими препятствиями, упорно крутя вокруг них свивающиеся в водовороты свои струи, напряженные, как туго натянутые нейлоновые тросы.

Река мчала нас. И я испытывал состояние невесомости, какое испытывает каждый из нас — во сне, в детстве.

Голубев обернулся ко мне и сказал:

— Ну что, здорово я угощаю вас рекой? Вот пожить бы при ней бакенщиком. А нам на земле тесно, в космос лезем. Кстати, при ее же собственном содействии.

— А при чем здесь река?

— При том, что для получения сверхлегких, сверхпрочных и сверхчистых сплавов потребны и колоссальные энергетические источники, питающие сверхмощные агрегаты, где почти при плазменных температурах выплавляются искомые материалы для одоления пространства со сверхзвуковыми скоростями в условиях обычного авиационного обитания с соблюдением правил при состоянии невесомости.

— И что при вашей новой инженерной специальности лишает вас возможности смотреть на реку не просто как на реку, а лишь как на некий электроэнергетический источник.

— Ну, это вы зря,— усмехнулся Голубев,— специальность человека не обесчеловечивает, как бы он ей ни был предан. А с этой рекой меня многое связывает.

— Вы что, сибиряк?

— В сущности, да. Но прибыл я сюда, если хотите знать, в годы войны. В теплушке с эвакуированными ребятишками, хилый, слабый, заикался. Все мы были полудохликами, многие во время бомбежки раненные. Меня, например, довольно основательно порезало вышибленным взрывом оконным стеклом. Порезы заживали плохо, лежал забинтованный. Почти не спал, плакал. Как все мы, о родителях. И была с нами тоже наша ленинградская, даже с одного дома, где я проживал, тоже сильно стеклом порезанная девчушечка, белобрысенькая, худенькая, скелетик. Но если многие из нас от слабости, от переживаний были уже как бы безнадежными и ко всему от этого равнодушными, то в этой девчушечке, хотя, когда она засыпала, нянька всегда пугалась, принимая ее уже за покойницу, было столько воли к жизни! И даже не к своей жизни, а за нашу тревога: бывало, сползет с постели, вся в прилипших к телу бинтах, обходит койки и каждого трогает, спрашивает: «Ты живой?» И требует: «Ты смотри, живи теперь обязательно, раз всех кормят так, что даже все не влезает».

Ели мы действительно помногу и хищно, не испытывая вкуса пищи, торопливо ее глотали и локти на столе вокруг миски широко, защитно расставляли, все боялись, что отнимут.— Голубев закурил жадно, продолжал неохотно, скорбно, словно заново переживая пережитое: — Ну, детьми в том понимании, какое у нас теперь существует, мы уже не были, что, конечно, трудно было понять и постичь нашим сердобольным воспитателям. Какие нам игрушки для развлечения ни придумывали — все зря. Способность к детскому воображению у нас отсутствовала. Хлопнет сильно дверь — мы под стол. Как рекомендовалось во время бомбежки. Если кто из наших ребятишек умирал, относились к этому спокойно. К покойникам мы привыкли еще дома. Возможно, я тогда самым дохлым был и по ночам больше других бессонно от тоски хныкал. Только девчушка эта, Нина ее звали, повадилась ночью ко мне под одеяло забираться, лежит, прижмется и шепчет сухими губами, прислонясь к уху, чтобы других не беспокоить. Сердито шептала, настойчиво: «Мы тут подъедим, поправимся, а потом с тобой на фронт убежим и будем убивать фашистов, украдем ножики из столовой и будем их резать, и за папу и за маму убивать будем, и за ребят с нашего двора, которых в бомбоубежище завалило. Но для этого надо сильно наесться, поздоровить, чтобы в ходячие попасть, и всех обманем и убежим».

И всегда она, каждый раз заново, придумывала, как легче в вагон пробраться, сколько еды надо на обратный путь запасти и какое время нам понадобится, чтобы отъесться получше и сильнее от этого стать.

Однажды воспитательница застала нас с ней спящими в одной койке. Ну, понятно, как воспитательница на такое реагировала. Но Нина заявила ей с достоинством: «Ну и что такого, раз мы с ним с одного двора?» Выслушав возмущенные и негодующие упреки, сказала сердито: «Ничего вы не понимаете! Когда вся квартира во льду, кто будет спать в одиночку, тот застынет насмерть. Всегда у нас из разных квартир непомерших ребят собирали и всегда в одну кровать укладывали и со всех квартир одеялами накрывали. А кто в одиночку, те помирали».— Голубев смял в руке окурок и, не решаясь бросить его в реку, подавленно произнес: — Вот этот скелетик, Ниночка, меня, можно сказать, к жизни вернула,— девочка с нашего двора и дома, которого уже не было.

И, видимо, желая переменить тему разговора, осведомился:

— Ну, какое на вас произвел впечатление Евгений Иванович Сазонов? Вы же с ним беседовали...— Выслушав, снова как обычно с чуть насмешливой улыбкой пошевелил губами.— А ведь это, можно сказать, мой брат. Его отец Иван Филиппович забрал меня из детдома и усыновил, как он заявил, взамен своего сына, павшего на поле брани. Женя, его младший, вернулся с фронта покалеченным и сразу в цех... Вот, знаете, есть люди как бы с прирожденно развитой духовной культурой, высокой человеческой чуткостью— так вот это семья Сазоновых; горе, постигавшее их не однажды, они переживали каждый в себе, безмолвно, ради друг друга. Я не знаю, насколько применимо слово «деликатность», но в высшем смысле его это было проявлением ее самым самоотверженным.

Когда я прибыл в их семью, меня никто ни о чем не расспрашивал. Я вошел в жизнь этой семьи так, что сам не заметил — это произошло столь естественно и обычно, будто иначе и не могло быть.

И единодушие этого семейства исходило от отца. Сильного, крепкого, всегда пахнущего окалиной и с пожизненно загоревшим от жара мартенов лицом. Со всеми он разговаривал одинаково деловито, без снисхождения к возрасту, как равный с равным. Ни от кого из нас, ребят, не требовали соучастия по домашним заботам, но если кто из нас проявлял самостоятельность, это подробно обсуждалось за столом с таким же уважением, с каким Иван Филиппович рассказывал о своей работе в цехе. Нас не приучали к труду, нас вовлекали в труд, потому что главное, что почиталось в семье,— это способности человека, выказываемые в труде.

Вопреки обычаю фотографии павших на фронте сыновей Сазонова были без траурных рамок, без букетиков бессмертников.

Сидя за столом, Иван Филиппович часто оборачивался к фотографии того или другого сына и говорил о нем как о живом, с гордостью.

— Василий в плечах узковат и долговяз для прокатчика. Но кто его разворотливей? Никто! Он полосу, как в цирке шелковую ленточку,

обернет с ходу — и в калибр; не успеет уйти полоса, а он другую таким же манером; двумя-тремя клещами работал: пока двое клещей в кадке с водой остывают, он третьими клещами полосы мотает; а стан двухсотпятидесяти, на нем мужики работали — шея не менее сорок шестого размера, и те на лавку после десяти минут, сырые от пота, валились, а Вася все как играет, инерцию понимал, ею пользовался умно, работал с расчетом, обмысленно. Я вот помню полосу в валках заело и стало ее корчить, бросать из стороны в сторону. Так все разбежались, а Вася один на один ее как гадюку клещами зажал и натягивает, чтобы кого ею не покалечило. Надо думать, на фронте он так же надежен — по рабоче-солдатски.

А Миша на заводе механиком был, так и на фронт ушел механиком-водителем. Вот он любую машину понимал, как все равно человека. Большой любитель техники. Уж чего-чего, а его танк пропрет через любое препятствие, потому что двигатель всегда ухоженный.

И Голубев, как бы очнувшись от этих воспоминаний, сказал совсем иным тоном, ему только свойственным:

— Что касается младшего сына Сазонова, Евгения Ивановича,— с ним вы познакомились. Это человек удивительной открытости, чем он и привлекает к себе людей. И я бы от себя добавил — увлеченностью людьми. После окончания школы я хотел идти на завод к отцу...— Голубев поперхнулся,— к Филиппу Ивановичу. Но на семейном совете постановили, чтобы я поступил в политехнический. Филипп Иванович категорически заявил:— Если ты когда в Ленинград захочешь, так как же мы тебя отпустим без высшего? Такой город знаменитый, а мы, выходит, тебя у нас до полного ума не довели. Нет уж, выучись на всю полную катушку, тогда и вали...— Голубев смолк и погрузился в созерцание реки.

А река все текла и текла, бесконечно преображаясь по мере того, как изменялись ее берега. Цвет неба, солнечные отсветы, которые блистали на ее поверхности — все это словно ее одеяние. И по реке разбегались длинные гибкие волны, будто сверкающие складки ее одеяния, и когда солнце стало близиться к заходу, река порозовела, но у берегов воды ее обрели пасмурный оттенок и только на стремнине она самоцветно блистала еще, пропитанная насквозь светом и от этого глубинно-прозрачная.

— А что Нина? — спросил я.

— Нина? — переспросил Голубев, потупился, сказал глухо.— Думаю, завтра к утру мы будем проходить таежный распадок, который, собственно, сейчас не таежный распадок, а один из крупнейших рудников по добыче руд весьма редких и весьма ценных.

— Ну и что?

— А то,— почему-то раздражаясь, сказал Голубев,— когда я, будучи студентом, отправился сюда, в этот распадок, в качестве коллектора, то здесь я и встретил Нину в составе самодеятельного геологического отряда, который она, по существу, возглавляла. И, представьте себе, это уже была не скелетик в бинтах и коростах, а весьма привлекательная девушка с ворохом упругих, блещущих, как солома, волос, на обилие которых она всегда сердилась и почти герметически туго обвязывала косынкой. И знаете, на лице у нее остались от порезов стеклом белые шрамики, когда она сердилась, они еще сильнее белели.— И пояснил:— Я это к чему такие лишние подробности... Вот Стендаль писал, что Рафаэль искал красоту, копируя самые красивые из встретившихся ему женских головок и исправляя их недостатки. По-моему, зря. Симметрия и гармоническое совершенство нужны в технике, но не в живой человеческой природе. Она богаче и многообразней.

— И вы влюбились?

— Мог бы! Но знаете, когда девушка остроумна при всех обстоятельствах от неукротимой в ней живости ума и всегда обуреваема деловой деятельностью, то надо стать ее подчиненным на всю жизнь, или самого себя посадить на цепь. Но вообще обстановка, в которой жил и работал отряд, не способствовала ни тому, ни другому.

Распадок, по дну которого протекал заболоченный родничок, был похож на лесистое ущелье, где в парном воздухе роились, как жгучая копоть, гнус, комариные тучи, слепни, словом, эти летучие хищные твари могли довести человека до бешенства, до исступления. Все были в болезненных расчесах. А в сетках можно было задохнуться в этой таежной испарине. Мы сначала рубили просеку, затем копали поисковую траншею, и все это от восхода до захода солнца, которого мы не видели в этих всегда сумрачных таежных дебрях. Питались мы рыбой и пресными блинами. Пили чай с хвойной заваркой. Обтрепались, закоптились от костров, дымом которых пытались спасаться от этой жалящей сволочной мелюзги. И вид у нас был леснобандитский. А скорей нищенски жалкий, таких сразу кладут на больничную койку без предварительного осмотра.

А Нина, представьте, величала нас братьями-разбойниками. И когда я, уснув у костра, спалил значительную часть бывших личных брюк, она сказала мне: «А ну повернись, сынко! — и стала хохотать и приговаривать: — Это у тебя не мускулюс максимус, а полный их минимум». — Это так она выразилась о моей огоденной заднице и захотела собственноручно исцелить ожоги подорожником, уверяя, что она знакома со знахарским шарлатанством. А когда я ей сказал, что у нее у самой там, где полагаются у женщины выпуклости, одни впадины, она торжественно объявила: «Это я нарочно, чтобы у нас тут не было торжества моего соблазнительного феминизма, все-таки вы все тут в некотором роде полумужчины».

Мы работали, как каторжники, и нас тошнило от запаха земли в траншее. Придя в исступление от укусов, мы пробовали обмазываться глиной, но это слабо помогало.

Как самодеятельный молодежный геологический отряд, нас снабдили скупо снаряжением, питанием, рабочим инструментом. Кроме того, у профессуры института существовало убеждение, что здесь нет и намека на полезные залегания.

Руководителем отряда был доцент Ивушкин, но он больше занимался рыбалкой или унылым ухаживанием за Ниной, чем нашей работой.

Однажды ночью мы сидели у костра, отдыхая в дыму от гнуса, и Фомичук, прибившийся к нам старатель, изгнанный из артели за лень и невезучесть, мощный мужчина с покатыми, как у медведя, плечами и могучим, как у гладиатора, торсом выпаривал на огне что-то из своего исподнего снаряжения, Нина склонилась к нему и с негой осведомилась:

— Скажите, Фомичук, я вам нравлюсь?

— А что, ничего,— не оборачиваясь произнес Фомичук, не прерывая своего занятия.

— Вы могли бы изменить со мной своей жене?

— А я безбабый,— равнодушно сказал Фомичук.

— Ну тем более, чего проще.

Фомичук оглянулся на Нину, спросил:

— Это к чему такой разговор скоромный?

— А вот Николай Николаевич Ивушкин,— она указала на Ивушкина своим угловатым худым плечом,— считает, что стесняться в наших условиях нам нечего и не для чего. Он говорит, что человек хотя и принципиально новый вид животного, но животное в нем существует, и подавлять животное в себе бессмысленно и даже вредно.

Фомичук нахмурился, спросил неприязненно:

— Так мы от кого по-евонному, от скота или зверя?

— Нина! — срывающимся голосом заявил Ивушкин.— Это что? Провокационный выпад?

— Вот как сейчас Фомичук скажет,— взволнованным голосом произнесла Нина,— так я и поступлю.— Ну, Фомичук, что мне сказать ему? — Нина снова пошевелила плечом.— Да или нет?

Фомичук оглядел Ивушкина внимательно, помедлил, сказал сипло:

— Так ты вот какую канитель здесь разводишь. Барышня вкалывает топором и лопатой, а ты к ней вяжешься. Да знаешь, что ты после этого последняя вошка? — И сказал, обращаясь к Нине, с упреком:— А ты зачем тут фигли-мигли разводила, сказала бы попросту — пристает! Ну я бы его прихватил за жабры, к реке отнес и попридержал в воде до захлеба. Остудил. Откачал, но бить бы не стал, зачем же его бить, это нехорошо, неуважительное хулиганство.— Обратившись к Ивушкину, пояснил:— У нас в артели стряпуха на всех одна, но пока с тайги не вернемся, считаем, никому не доступная.

— А когда вернетесь? — спросила Нина.

— Ну, это как кому пофартит,— сказал Фомичук.— У нас на этот счет строгий обычай: пока в тайге, не балуй.

— Ну вот, видите, обычай,— сказала Нина, обращаясь к Ивушкину,— с обычаем следует считаться.— И засмеялась так заразительно и звонко, что даже впервые здесь Фомичук разразился рыком, широко обнажая свои беззубые десны с потерянными от цинги зубами.

— Кстати, когда остатки нашего отряда зазимовали здесь, буквально подыхая от голода, этот Фомичук наладил нам связь с бакенщиком, проживающим на острове с довольно-таки миловидной супругой. Бакенщик основался безвыездно на острове в силу того, что на фронте его лицо было сильно искалечено, а без людей его жена, мол, перестала замечать его лицо. Бакенщик никого не пускал к себе на остров, но делился с нами последним. С бакенщиком общался Фомичук. Опытным взглядом бывшего фронтовика разглядев его повреждение, Фомичук, как он нам сказал, заявил ему:

— Ну что ты, чудак, ходишь с такой рожей? Да тебе как фронтовику без очереди и промедления в больнице какую хочешь новую наладят.

Может, это сообщение Фомичука подкупило бакенщика на его самоотверженную щедрость. Ну, словом, с его помощью мы не только выжили, но и добыли в шурфе куски породы с драгоценными вкраплениями.

Нина ослабела, у нее началась цинга, я отвез ее с Фомичуком на остров и оставил на попечение бакенщика, а сам с образцами в мешке пошел пешком вдоль реки в сопровождении Фомичука.

На прощание Нина нам сказала с насмешливой улыбкой на костистом бледном лице:

— Так что ж, ребятки, пионерский наш лагерь закрываем. Робинзонаде конец. А жаль, вы все такие симпатичные.— И, обращаясь к Фомичуку, сказала нежно:— А вас я просто от души полюбила.

Фомичук промолчал, но потом я слышал, как он строго наказывал бакенщику:

— Кормить ее так, чтобы она с недожеванным куском засыпала. Совсем без тела девка. Умная, смелая, живучая. Но без фигуры, какая у нее судьба, никто за себя взять не пожелает. Понял? На твою ответственность оставляю. Я человек мягкий, ленивый. Но ежели что, потом всю твою избу по бревнышку раскидаю и в реку.

Мне же Нина сказала:

— Ну, вот я снова дистрофичка.— Сросила зажмурясь: — Ты меня такую помнишь: скелетик в бинтах, как я об тебя грелась?

Вот тут я и решил с ней навсегда, на всю жизнь. Но она поняла и вызывающе гневно сказала:

— А теперь проваливай. Но если трусишь до базы добраться, оставайся. Здесь люди жалостливые, не выгонят приживалу...

И я ушел, кивнув ей только. Мне очень хотелось поцеловать хотя бы ее руку, лежащую, как высохшая ветвь, поверх цветастого одеяла. Вот какие дела были в этом у нас распадке, которого сейчас нет, а есть рудник, построенный на современном высокомеханизированном уровне.

На этом Голубев смолк. Река уже текла под звездным небом, и звезды жили на поверхности реки, трепещущие, как бы только что всплывшие из ее глубин, источающие свет живые существа.

От реки пахло холодом, а от тайги — настоем, душистым, смолистым, теплым и терпким.

Голубев потянулся и сказал:

— Насчет ужина сообразим, пристав где-нибудь к тихой заводи. Предупреждаю, я гурман не столько в пище, сколько в обстановке для ее принятия. Чем ближе к природе, тем яростней аппетит.

— Позвольте, ну а дальше что?

— Дальше? Потом образцы я доставил. Сложили их в экспозицию геологического музея на полку. И больше с геологами не связывался. Но Нина добилась разрешения на экспеди-

РЯДОМ С ДРУЗЬЯМИ

Фамиль МЕХТИ

МАТЬ ГЕРОЯ

Когда бы знаменем я был,
С победой вышедшим из боя,
Я б низко голову склонил
Пред непреклонною, тобою.

Когда б родился я скалой
С чалмою снежной на вершине,
Я б преклонился пред тобой,
Родившею героя-сына.

Когда б родился я сосной,
Чьи корни глубь земная поит,
Я б от лица земли самой
Тебе бы поклонился в пояс.

Но я не знамя, не скала,
Из плоти я людской и крови,
Такая ж мать мне жизнь дала,
И я с сыновнею любовью
Склоняю пред тобой главу
И свято матерью зову.

СТАРИКИ КАРАБАХА

На собраньях всяких рангов
Не сводил подолгу глаз
Я, бывало,
С очень разных
И таких похожих вас,
Что белы, как наши скалы,
И душою высоки,
Карабаха аксакалы,
Дорогие старики!

Я у вас, седоголовых,
Исподволь уроки брал
Уважать родное слово,
Как умеет аксакал:
Сто раз
Слово в сердце взвесить
Прежде, чем его сказать...
Неподкупным,
Чуждым лести
Я стихами вам воздать
Должное решаюсь ныне,
Дорогие старики,
В этом мне
За чьи-то спины
Хорониться не с руки.

Карабаха аксакалы,
Я всю жизнь сверять готов
С вашей мерою бывалой
Чистоту добытых слов,
Славословие кому-то
С делом, выполненным им...
День восходит в гору круто,
Не успеть порой за ним
Со сноровкою вчерашней,
Потому в вас так пленит
Молодая бодрость ваша.
Каждый строен, как джигит,

Оседлать на спор гнедого
И помчаться —
Хоть сейчас!..
Потому лукавым словом
Уколоть не прочь подчас
Вы иного «малолетка»
Лет восьмидесяти двух:
Мол, коня седлаешь редко,
Прял бы шерсть среди старух...

Карабаха аксакалы,
Мудрая моя родня,
Я горжусь,
Что те же скалы
В детстве нянчили меня.
Что, как вы,
На этом свете
Я, подобно братьям, чту
Всех людей моей планеты
И о счастье их мечту.
Ни пред чем
Не знаю страха,
Не склоняю головы,
Только перед Карабахом,
Перед Родиной,
Как вы!

●

Умер человек...
И всуе толки:
Молодой
Иль пожилой был он.
Одинаково больной и горький
Ритуал извечный похорон.
И не утоляют горя
Речи:
«Жаль...»
«Ушел хороший человек...»
Провожанье
Без надежд на встречу,
Расставанье
Навсегда,
Навек!..

Кто-то, возложив венок,
Поодаль
Изваяньем каменным замрет,
Кто-то речь прощальную,
Как оду,
На высоких нотах поведет.
Кто-то будет громче,
Чем способен,
Над холодным прахом голосить,
Чтобы всех,
Собравшихся над гробом,
В близости с покойным убедить...
«Не суди —
Да несудимым будешь!»—
Наставляет исстари народ.
Человечьей глуби
Не рассудишь
С бережка,
Не испытавши вброд...

Только верю:
Ласки,
Что излили
Щедро мы в минуты похорон,
Человеку б
Век земной продлили,
Если б их
При жизни слышал он.

РЯДОМ С ДРУЗЬЯМИ

Кто всех сильнее?
Не берусь ответить,
Когда сужу с собой наедине.
Но, коль друзья вокруг,—
Сомненья нету:
В могуществе
Нет равных в мире мне.

Кто всех богаче? —
Думаю порою
И отступаю, не найдя ответ.
Но если други верные со мною,—
Уверен, что меня богаче нет.

Кто всех отважней?
Как под едким взглядом,
От самомненья
в пору мне сгореть,
Но коль друзья
проверенные рядом,
К звезде сверхдальней
Я готов лететь!

Кто долголетьем славней?
Пустоглазо,
Как истукан, пытаю белый свет.
Но коль друзья вокруг,
Воспряну разом,
Уверившись, что жить мне
Тыщу лет...

Перевел с азербайджанского
Сергей ПОЛИКАРПОВ.

цию, выскандалила где-то там, в инстанциях, буровой станок. Через год в эти же инстанции прибыли керны с таким богатым содержанием редкого металла, что были отпущены средства на оконтуривание рудного тела. Материалы поступили в правительство, правительство приняло решение. А Нина что ж, Нина лауреат, член-кор. и те пе и те де. Между прочим, этот металл нами, инженерами-механиками, используется для изготовления сверхмощных двигателей для сверхскоростных сверхдальних и те пе и те де. Словом, в коловращении естества и река, и горные рудники, и энергетика, и моя новая специальность связаны одним общим узлом.

— А Нина? Ведь вы же ее любили и, очевидно, она вас?

— Возможно, даже более того, я считаю, что проскочил мимо огромной любви со своей стороны, конечно. Поскольку, будучи не чужд сентиментальности и не обладая достаточной силой воли, не решился сказать ей о своей любви. А вернее, боялся с ее стороны какой-нибудь снисходительной шуточки по этому поводу. И не понял, что скрывалось за ее гордостью, недоступностью...

Я с ней встретился не столь давно на одном совещании. Красивая, статная, уже немолодая женщина, с мешочками под глазами. Она сделала блестящий доклад. Я подошел поздравить ее, когда она с достоинством улыбалась всем поздравлявшим ее с успехом. Мы вышли с ней в вестибюль. Она сказала вдруг потерянно, с отчаянием в голосе:

— Ах, какие мы с тобой были дураки, какие дураки! — И отвернулась, и стала копаться в сумочке, очевидно, в поисках платка. И, не найдя его, сказала мне досадливо: — Ах, какой ты! Ну, почему свой не предложишь? Видишь — разнюнилась баба.— Возвращая платок, сказала уже совсем иным тоном:— Ну, как доклад?

И я, глупея, потерянно стал рассуждать о ее докладе так, словно участвую в его обсуждении. И даже сообщил, что оставил гидродинамику и перешел на газовую динамику, и найденные возглавляемой ею экспедицией богатые месторождения редкого металла являются для нас весьма перспективными при проектировании и создании новых сверхмощных двигателей. Она снисходительно слушала, кивала. Потом твердо пожала мне руку и сказала:

— Благодарю за информацию, жалею, что не смогла использовать ее в докладе.— И все...

— И вы не решились?!

— Нет, не решился,— сказал, болезненно морщась, Голубев.— Не решился. Есть чувства, которые превышают обычные представления о любви. Возможно, мы с ней и не в равной степени испытывали нечто подобное друг к другу. Непонятно? Но это так!

Мы причалили к берегу заводи и вышли на тинистый берег, окруженный мрачной таежной чащей. Мы сидели у горящего костра, как на дне шахты, окруженные со всех сторон непроглядной тьмой.

Выплескивая из ведра с ухой тугую, серую пену деревянной ложкой, Голубев говорил оживленно:

— Вот это жизнь! Река! Тайга! Уха! Что может быть лучше?! Но если у человека есть мечта и он даст ей прокиснуть, такого человека, как говорил нам Фомичук, за жабры — и в воду до захлеба, после откачать и по шее.— Наклонившись, он сказал мне доверительно:— Над лопаточками турбин с присадками этого самого металла мы сейчас колдуем, представьте, в сплаве с другими он передает им свои свойства. При удаче сулит величайшую фантастику. Именно фантастику, как инженер вам говорю, именно фа-антастику.— Взяв миски, он пошел их мыть к реке и вдруг позвал меня.

И когда я подошел, я понял, зачем он звал меня.

Взошла полная луна и залила все своим недвижимым сиянием. И река купалась в этом сиянии, плескалась в нем, огромная, прекрасная, сверкающая и, казалось, сама источающая такое же сияние.

— Вот видите! — почему-то обидчиво произнес Голубев.— Ну что это? А начнешь объяснять, ерунда какая-то получается.— Вздохнул.— Так вот и в жизни кое-что, бывает, не подчиняется словам — и все.

А река все лилась и лилась, неустанно, хорошея, могучая, просторная и несказуемо прекрасная, полная жизни и удивительная, как сама жизнь.

З. ХИРЕН

УСТУПИТЕ ДОРОГУ

Машина с тревожно воющей сиреной мчится по улицам Москвы. Пересекаем по диагонали весь город. Были на тихой Брянской улице, возле Киевского вокзала, а теперь, оставив позади Савеловский вокзал, вырвались на Дмитровское шоссе. И все время на повышенной скорости: 80—100 километров. Втискиваемся в ряды машин, идем на осевую, идем на красный свет, на желтый. И в этой суматохе, кутерьме вдруг раздается спокойный тихий голос нашего водителя Игоря Константиновича Прокоповича:

— Спасибо!

Кому это он и по поводу чего?! Согласитесь, не до любезности сейчас, да и просто невозможно себе представить поблизости от нашего автомобиля человека, с которым так вот спокойно обменяешься формулами вежливости. Между тем Прокопович вновь кого-то благодарит, а машина продолжает мчаться в том же темпе. Мы — скорая медицинская помощь, причем не обычная, а интенсивной терапии. Едем на выручку бригаде, уже находящейся у больного. Едем по ее вызову.

На другой день Игорь Константинович отдыхает после суточного дежурства, и вечерком неподалеку от его дома, в сквере станции метро «Фрунзенская», мы сидим на лавочке и разбираем вчерашние «случаи». Говорим и о том, как складывалась жизнь шоферская. Оказывается, мой собеседник школьником пел в знаменитом хоре мальчиков, а ныне сынишка его Саша посещает музыкальную школу, слух отцовский передался, а голос нет: Саша учится по классу фортепиано.

— Что же,— говорю,— музыкантом будет, неплохо.

Игорь Константинович глянул на меня с удивлением.

— Что вы, Саша решил бесповоротно, что продолжит династию Прокоповичей.

И выясняется, что гордостью этой фамилии считается не музыка, а... скорая медицинская помощь.

— Но ведь вы-то шофер?

— Правильно, шофер, и отец мой был шофером, и мать диспетчером... Но все на той же станции «Скорой», и в общей сложности стаж нашей семьи на «Скорой» перевалил за сто лет. Вот по этой-то стезе и Саша пойдет...

— Значит, тоже шофером?

— Берите выше, доктором думает стать, сменит, говорит, баранку нашу на стетоскоп. Пока, правда, только в девятый перешел.

И тут Игорь Константинович вспомнил, как и он в возрасте Саши влюбился в «Скорую». Бывало, отец вернется с дежурства, Игорь начинает спрашивать, что было, кого спасли, кому помогли. Мать приходит, и он к ней с теми же вопросами. Нравилось, что в доме всегда волнуются о чьей-то судьбе, чьей-то жизни, причем о людях абсолютно чужих, до этого незнакомых. И когда Игорю исполнилось пятнадцать, он поступил работать туда же, где трудился отец. Сперва был слесарем, электриком в гараже, а там водительские права получил, спустя некоторое время стал там же шофером первого класса. И принял у отца, которому вверяли новые модели автомобилей «Скорой», одну за другой две машины. К слову сказать, и сейчас Игорь Константинович, как в свое время отец, получил новую машину — ЗИЛ-118КА. Она превосходит по всем данным предыдущие. Это первый экземпляр. И Игорь Константинович им доволен, хотя есть и критические замечания, завод имени Лихачева их учтет. Там знакомы с этим опытнейшим шофером, высоко ценят его знания специфики работы скорой медицинской помощи.

Начал в 1945 году и вот уже тридцать третий год не расстается со «Скорой». Теперь и Саша с нетерпением ждет отца с дежурства, чтоб узнать, кого спасти удалось, какие случаи... Игорь Константинович охотно делится с сыном. Убежден, что интерес к «Скорой» принесет добрый урожай. Стремление делать людям добро, по его мнению, первое, что следует прививать молодежи.

— Вы интересуетесь «воздухом» нашей работы, так сказать, атмосферой... Увы, в основном — горе людское. Сами вчера убедились. Куда б ни прибыли, всюду встречают нас огорченные, расстроенные люди. Еще час-два тому назад был человек на ногах, разговаривал, смеялся, планировал, загадывал, одним словом, жил. А сейчас вот умирает. И одна у всех надежда: четыре человека в белых халатах. Это наша медицинская бригада, прибывшая на большом ЗИЛе-118КА с обнадеживающей «03» на светло-желтом борту. Бригада-то состоит из трех человек: врач Сергей Иосифович Рашкован и два фельдшера — Виктор Борисов и Геннадий Сергеев. Но все уже давно привыкли к тому, что водитель, доставив медиков к больному, тут же вступает в общую работу. Так возникло наименование «восьмые руки»...

Впрочем, знаю, что водителям присваивают и другие звания, так, например, Игорь Константинович награжден знаком «Отличник здравоохранения СССР», наградой, пользующейся у медиков большим почетом. Пока считанные водители ее получили. Но об этом узнаю не от Прокоповича, а от его друзей — врачей, фельдшеров, медицинских сестер. Очень они ценят Игоря Константиновича, и прежде всего за отвагу, самоотверженность, полную отдачу работе.

Фото Г. Копосова

Вспоминаю о вчерашнем «спасибо» и спрашиваю: «Кого это вы на перекрестке благодарили?» Игорь Константинович начинает издалека, интересуется, не приходилось ли мне слышать о Сергее Сергеевиче Юдине, можно сказать, патриархе института имени Н. В. Склифосовского. Так вот Юдин учил: действовать надо смело, безошибочно, сразу. Безусловно, имелись в виду врачи, фельдшера, сестры, но на «Скорой помощи» недаром шофера величают «восьмыми» руками». Первый шаг в оказании помощи больному, пожалуй, принадлежит водителю. При спасении человека — а бригаде за сутки не раз приходится возвращать людей и из состояния клинической смерти — в чем, к слову сказать, я вчера, выезжая вместе с бригадой на вызов дважды, мог убедиться, счет ведется не на минуты и даже не на секунды, а на доли секунды. И тут водителю «Скорой» дано много привилегий. Заметил ли я надпись на козырьке его автомобиля? «Да, какие-то странные слова. Подумал, что-то перепутали, ошибка». Ничего подобного, просто буквы двух слов расположены в обратном порядке, с тем, чтобы в отражательном зеркале впереди идущей машины шофер ее мог прочитать: «Уступите дорогу». Но вот беда, не все уступают, а в вызове, полученном бригадой от диспетчера, зловещий диагноз. Если и не наступила, то может в любое мгновение наступить клиническая смерть.

И вот на одном из перекрестков, несмотря на пронзительную сирену, синие вспышки двух маяков на крыше машины «03», наконец, на эту вот надпись, такси преградило путь Прокоповичу. В отчаянии Игорь Константинович подался на тротуар, но и там образовалась пробка, с фургона выгружали в магазин ящики с вином. Пришел на выручку орудовец. Ему и было адресовано то самое «спасибо», о котором я спросил. Прокопович добавил, что если их, водителей, принято называть «восьмыми руками» при спасении больных, то орудовцев можно смело считать «первыми». Они оказывают большую помощь «Скорой», прокладывая ей зеленую улицу.

И вот впервые узнаю, как складывается жизнь человека, который на виду у огромного города отважно идет на красный свет, на желтый, на осевую, идет на самый большой риск. Внешне все происходит почти автоматически. В час пик машина мчится по Москве со скоростью 100 километров. Но в действительности с той минуты, как шофер взглянул на указанный в вызове адрес больного, мозг срабатывает, по каким улицам ехать, где реже придется пересекать опасные перекрестки, где меньше пешеходов. Все это решается «безошибочно, сразу», как говорил великий хирург Юдин, времени для этого шоферу не дается. А между тем в эту вот стремительную езду вдруг вторгаются непредвиденные обстоятельства. Ночью впереди машины кто-то замахнулся на женщину. Приблизились, женщина уже упала, голова в крови, а преступник бежит. Что же нам, мимо промчаться? Ведь мы спешим спасать больного! Тут же, по радио из машины передаем о случившемся, а сами забираем смертельно раненную.

Можно, правда, придерживаться всех правил, надеясь на сирену, маяки, надпись на козырьке,— словом, прослыть шофером-паинькой. Так-то оно так, но при работе на «Скорой», уменьшив риск для себя, увеличиваешь его для тех, кто ждет скорой медицинской помощи.

— Вы сказали,— обращаюсь к своему собеседнику,— что состояли в хоре мальчиков. А сейчас поете?

— Голос-то сел,— улыбается Прокопович,— но кое-какой баритон... Недавно возвращался из Японии на большом отечественном океанском лайнере, сплошь заполненном иностранными туристами. Стою на палубе, и вдруг так захотелось спеть нашу «Катюшу»! Ну и... оглянулся, а возле меня толпа, можно сказать, все расы, все нации. Прошел слух, что среди пассажиров знаменитый русский певец. Это я-то... Объявили концерт в салоне. И что же, пришлось мне весь вечер «выкладываться», петь, а со мной пел весь лайнер...

«ПОЭТ С БОЛЬШОЙ ПРЕСНИ»

Так закончил стихотворение «Я и Наполеон» Владимир Маяковский. А в начале его уточнял: «Я живу на Большой Пресне, 36, 24».

Он стоит и по сей день, этот большой дом с балконами-фонариками, с какими-то выступами, уступчиками и прочими красотами. В нем на втором этаже поселилась в августе 1913 года семья Маяковских — мать Александра Алексеевна, дочери Люда и Ольга и сын Володя. Прожили они здесь до мая 1915 года.

Пройдя путь марксиста-пропагандиста, вступив в партию большевиков, имея за плечами два ареста, одиннадцать месяцев бутырской одиночной камеры № 103, став студентом Училища живописи, ваяния и зодчества, молодой художник Маяковский все больше и больше мужал как поэт. Верно было замечено однажды, что товарищ Константин (подпольная кличка Владимира Владимировича) продолжался в поэте Маяковском.

Именно здесь, на Большой Пресне, родились его известные стихотворения «Послушайте!», «Мама и убитый немцами вечер» и названное уже «Я и Наполеон», трагедия «Владимир Маяковский», поэма «Облако в штанах».

В этом доме на Красной Пресне более десяти лет назад по инициативе Л. В. Маяковской был организован музей-квартира поэта на общественных началах. Ныне сотрудниками Государственного музея В. В. Маяковского его экспозиция обновлена, и музей открыт для посетителей 13 сентября.

Комнату поэта стремились воссоздать такой, какой она была при его жизни здесь; удачно сложилось, что не менялась за все эти годы планировка квартиры. Помогли воспоминания сестры, родственников, друзей, бывавших в гостях у Маяковских. И теперь в этой крохотной восьмиметровой комнате, служившей Владимиру Владимировичу и кабинетом и спальней, можно видеть стол с керосиновой лампой (на рабочей Пресне не было электричества!), мольберт с копией его ранней работы «Натурщица», массивную этажерку с книгами, диван, незатейливую вешалку, венские стулья и желтые обои в мелкую крапинку на стенах (желтый цвет — любимый в семье Маяковских). Кусочек их обнаружила у своих родственников Горбачевых Людмила Владимировна — вот по этому-то образцу и созданы теперешние обои.

И стоит на минуту взорваться еще не совсем устоявшейся музейной тишине, как может показаться, что квартира населена ее прежними обитателями и их друзьями. Ведь сюда частенько заходили революционеры И. Б. Карахан и И. И. Морчадзе (тот самый Морчадзе, который организовал побег тринадцати политкаторжанок из женской тюрьмы на Новинском бульваре в 1909 году, а «в этом побеге большую незаменимую помощь оказала семья Маяковских», вспомнит Морчадзе позже); поэты В. Хлебников, находивший тут кров и приют, и В. Каменский; художники Л. Жегин — соученик по Училищу живописи, ваяния и зодчества и В. Чекрыгин — это он оформлял первую книгу Маяковского «Я», вышедшую в свет 17 мая 1913 года тиражом всего в 300 экземпляров и сразу же разошедшуюся: «Нет стихов Маяковского, были — да все вышли»,— радостно пошутил тогда поэт, узнав об этом.

Комната Владимира Маяковского.

Фото М. Савина.

На стендах музея можно увидеть письма поэта к матери, сестрам, первые издания его книг, произведения с его автографами, записки слушателей его выступлений, написанные от руки листовки с революционными стихами, которые привозила в 1905 году сестра Людмила из Москвы, богатый фотодокументальный материал, в том числе редкую фотографию В. Маяковского 1915 года, ценную еще и тем, что на обороте ее — строчки из «Облака в штанах», начертанные самим поэтом, и многое-многое другое, что поможет каждому полнее для себя представить облик поэта.

Здешняя квартира — последний предреволюционный адрес Маяковского. Отсюда он, «красивый, двадцатидвухлетний», в 1915 году уехал в Петроград, чтобы вернуться в Москву великим поэтом Октября, «мир огромив мощью голоса».

Л. НАТОЧАННАЯ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. С. КОЛЕСНИКОВА

ВЕРНОСТЬ ГЕРОЮ

Свое шестидесятилетие Михаил Сергеевич Колесников встречает как автор известных романов о нашем современнике Сергее Алтунине — «Индустриальная баллада», «Изотопы для Алтунина», «Алтунин принимает решение», «Школа министров», без которых сегодня трудно представить текущую литературу в ее обращенности к социально-нравственным проблемам, рожденным в жизни советского общества научно-технической революцией.

Романы эти не только активно и с интересом читаются людьми разных профессий и жизненного опыта, но с не меньшей активностью по мере своего появления вызвали как сугубо цеховые, литературные, так и профессионально-технические дискуссии. И в этом есть та самая закономерность, какая может быть объяснена одним: писатель сумел затронуть в этих произведениях самые важные, «болевые» точки проблемы «человек и производство», введя, как того и требует искусство слова, сугубо технические стороны дела Алтунина в сферу нравственных отношений личности и современного общества.

И вот что интересно. В рецензиях, статьях, дискуссиях Алтунин выглядел несколько замкнутым, изолированным пределами названных романов и никоим образом не связывался с героями предыдущих произведений Михаила Колесникова. А ведь он, Сергей Алтунин, не возник из ничего. Он органично возрос на том человеческом материале, какой был исследован писателем в предшествующих книгах, ближайшими из которых были «Право выбора» и «Атомград», а еще ранее — повести «Рудник Солнечный» и «Пальмы и океан». Разве не ощутима связь характера и жизненной позиции Сергея Алтунина с героем повестей «Пальмы и океан» и «Право выбора» Владимиром Прохоровым?! Не только ощутима, но и очевидна. Волевые, целеустремленные, верные коллективу и общему делу, эти люди несли в себе не только приметы своего времени, но и явно выступали хранителями и продолжателями революционных традиций старших поколений.

Михаила Колесникова в его творчестве всегда отличала тяга к людям высокого долга и служения идее человеческого счастья. В основе всего им созданного — верность герою-борцу, обусловленная самой нашей жизнью, полнотой биографического богатства поколения ровесника великой революции.

Родился Михаил Колесников 14 октября 1918 года в Саратове, в рабочей семье. Детство провел в Заволжье, в селе Ильинке. Учился в школе, был книгоношей, рассыльным в сельсовете. Встречи с бывалыми людьми, их рассказы о прошедшей гражданской войне, воспоминания о Фрунзе, Чапаеве, о героике сражений за Советскую власть навсегда остались в сердце будущего писателя, стали не только архивом его памяти, но и тем компасом, по которому он делал выбор жизненной дороги. Сначала она вывела его на отделение аэрофототопографии в Саратовском гидрогеолого-геодезическом техникуме, затем в военное училище имени Ленсовета в Ленинграде, оттуда на Халхин-Гол. Потом она шла огненными верстами Великой Отечественной, которую Колесников завершил на Дальнем Востоке.

Здесь-то и укрепилась уже посерьезному мысль о писательстве, которая, возникнув еще раньше, была прервана войной.

Первые же рассказы и очерки, вышедшие в начале 50-х годов, показывают, что путь в литературу для Михаила Колесникова был отмечен обращением к тому самому герою активного действия, которого выдвинула на историческую арену эпоха революционных преобразований, социального и нравственного обновления мира.

Дальнейшими плодотворными вехами на этом пути стали книги о стойких ленинцах Фрунзе и Фурманове, о вожде монгольского народа Сухэ-Баторе, о Дипонегоро—руководителе народного восстания на острове Ява против голландских колонизаторов. Воссоздавая эти замечательные образы, писатель со всей очевидностью шел к личности современника, который бы на основе всего того лучшего, что выработали и несли в себе герои прежних произведений, выявил в делах, поступках, мыслях своих черты рабочего человека нашего времени. Таким героем является Владимир Прохоров. Прямым преемником его стал Сергей Алтунин, школа жизни которого явилась и для самого героя и для писателя уже не только школой мужества, творчества и энтузиазма. Эти качества отныне обретали действенность лишь в соединении с четким инженерным расчетом, научным анализом и целым рядом проблем организации, планирования и стимулирования производства.

Такая жизненная наполненность произведений, в центре которых человек труда, созидатель, романтик реального, высоко осознавший свою причастность к делам

не только коллектива, не могла оставить равнодушными и читателей и критиков, вызывая на соучастие, на сопричастность или на спор по существу затронутых жизненных проблем. Вот откуда столь повышенный интерес к романам Михаила Колесникова о Сергее Алтунине и ожидание новых произведений о нем или же о другом современнике, который бы так же пристрастно, категорично и дерзко повел бы нас в мир современного производства, где открылась бы нам правда жизни нашего времени в характерных ее приметах и чертах. Именно таким видится следующее произведение писателя, верного своему герою — наследнику и продолжателю революционного переустройства мира.

Бор. ЛЕОНОВ

ПРИМОРСКАЯ НОВЬ

Прекрасную пору бурного подъема переживают восточные районы нашей страны. С каждым годом все больше природных богатств Сибири и Дальнего Востока ставится на службу советскому народу, все весомей становится вклад сибиряков и дальневосточников в дело коммунистического строительства.

Поездка товарища Л. И. Брежнева вызвала у советских людей особый интерес к развитию этих огромных экономических районов.

Первый секретарь Приморского крайкома КПСС В. П. ЛОМАКИН отвечает на вопросы корреспондентов «Огонька» В. КУЗНЕЦОВА и С. КАЛИНИЧЕВА

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

— В 1972 году в 44-м номере нашего журнала было опубликовано интервью с вами. Тогда вы рассказали об истории края, о достижениях приморцев за годы Советской власти и перспективах на будущее. Что дали краю, его экономике минувшие годы?

— За прошлую пятилетку мы достигли заметного роста объема промышленного производства — 43 процента. Выполняются задания и десятой пятилетки. Значительно перевыполнен план двух с половиной лет по производству и реализации промышленной продукции. Сверх установленных заданий ее реализовано более чем на 150 миллионов рублей. Освоено производство почти шестисот новых видов продукции, более чем в три раза увеличился объем выпуска изделий с государственным Знаком качества.

Неуклонно совершенствуется структура промышленности. У нас год от года увеличивается удельный вес продукции машиностроения и металлообработки, горнохимической и легкой промышленности. Все более расширяется топливная база.

Самое важное достижение, мне думается, заключается в том, что промышленность края работает устойчиво, стабильно выполняет установленные ей задания.

Как известно, десятая пятилетка — это пятилетка эффективности и качества. В связи с этим у нас возникли новые задачи. Ныне шестьдесят процентов капиталовложений в промышленность направляются на реконструкцию действующих производств, механизацию и автоматизацию трудоемких процессов, приобретение более высокопроизводительного оборудования.

Большие изменения происходят в рыбной промышленности — ведущей отрасли экономики края. С каждым годом повышается техническая оснащенность ее флота, внедряется новейшее оборудование для обработки даров моря. Сегодня рост добычи рыбы идет без увеличения численности работающих, а только за счет внедрения достижений науки и техники, более умелой организации труда. При этом особое внимание уделяется выпуску продукции более высокого качества, расширению ее ассортимента, увеличению выхода деликатесной продукции. Идет освоение новых видов продуктов моря.

В последние годы изменились задачи и в области сельского хозяйства. Большая задача тружеников села, которая в недавнем прошлом лишь намечалась, теперь стала первоочередной, — обеспечить удовлетворение потребностей населения края в ряде сельскохозяйственных продуктов за счет производства на месте.

Новой приметой нашего сельского хозяйства стали животноводческие комплексы. Это крупные, индустриального типа сельскохозяйственные предприятия, с новыми условиями труда, прогрессивной технологией, промышленными кадрами.

Внедрение комплексов свидетельствует о том, что сельское хозяйство все решительнее переходит на промышленную основу. Производственные процессы здесь полностью автоматизированы и механизированы, совершенно иной стала культура труда в животноводстве.

У нас хорошо развито звероводство. Ежегодно выращивается более миллиона норок двенадцати расцветок. В будущей пятилетке звероводы края должны будут получать полтора миллиона норковых шкурок в год.

Пчеловоды уже сейчас поставляют каждый третий килограмм товарного меда в стране. Однако и производство меда намечается увеличить в полтора-два раза.

— Что нового появилось в строительстве?

— Высокие, все нарастающие темпы. Приведу две цифры. Строители стали ежегодно осваивать сотни миллионов рублей капиталовложений и вводить миллион квадратных метров жилья. Это большие, ранее невиданные масштабы. В последние годы строительные организации края ввели в эксплуатацию такие крупные предприятия, как Ново-Спасский цементный завод, Лучегорский угольный разрез, новые энергоблоки на Приморской ГРЭС и Владивостокской ТЭЦ-2, мощности на производственном объединении «Бор». В прошлом году ввели в эксплуатацию Приморский горно-обогатительный комбинат по производству вольфрама.

Широкий размах получило строительство объектов социального и культурного назначения: школ, детских садов и яслей, больниц, клубов.

Таким образом, какую бы отрасль экономики мы ни взяли, в каждой из них есть продвижение вперед. Но есть и трудности и нерешенные проблемы. В промышленности, например, пока еще не обеспечено выполнение контрольных заданий по темпам роста производительности труда. Нас во многом не удовлетворяет качество строительных работ. В сельском хозяйстве надо еще немало поработать над повышением культуры земледелия и животноводства. Узким местом является наш транспорт, особенно железнодорожный, который не справляется с возросшим объемом грузоперевозок.

Во многом наши трудности объясняются огромными масштабами развития экономики, сложностью задач хозяйственного и культурного строительства. Но есть и недостатки, которые зависят от нас самих. Они касаются организации труда и производства, дисциплины и ответственности за порученное дело. Коммунисты края самокритично реагируют на недостатки, упущения и принимают необходимые меры по их устранению, ищут и находят новые резервы повышения эффективности производства и качества работы.

— В решениях съездов партии, в беседах Леонида Ильича Брежнева с партийным активом Сибири и Дальнего Востока подчеркнуто важное значение комплексного развития производительных сил. Что делается в Приморье в этом направлении?

— Для нашего края комплексное использование природных богатств — вопрос номер один. Объясняется это тем, что у нас значительное место в экономике занимают добывающие отрасли. И очень важно, чтобы все взятое у природы было бы рационально использовано, доведено, как говорят, до ума. Об этом уже сегодня немалую заботу проявляет краевая партийная организация.

Наши геологи разведали новые запасы вольфрамовых, цинковых, полиметаллических руд. Но до последнего времени технологический процесс на предприятиях цветной металлургии завершался на выпуске концентратов. Теперь же речь идет о выплавке готовых металлов. Уже запроектированы производства по полному металлургическому переделу.

В области комплексной переработки сырья немало сделано в лесной и деревообрабатывающей промышленности. Для переработки леса построены канифольно-экстракционный и биохимический заводы, мощные мебельные предприятия. Если раньше отходы производства сжигались и списывались, то ныне они перерабатываются в технологическую щепу, которая идет на экспорт. Но мы понимаем, что это только начало той большой работы, которую нам предстоит осуществить в дальнейшем.

— Восемь лет назад во Владивостоке был создан Дальневосточный научный центр Академии наук СССР — ДВНЦ. Какова роль ученых Дальнего Востока в развитии народного хозяйства края?

— Создание научного центра — событие исключительно важное, значение его выходит далеко за рамки сегодняшних забот. Здесь, на мой взгляд, необходимо подчеркнуть два момента.

Во-первых, наша советская наука накопила такие силы, приобрела такой размах, что теперь способна создавать в пределах своей структуры новые мощные подразделения. Во-вторых, и это главное, как известно, наука все больше становится непосредственной производительной силой, все органичнее включается в самый процесс общественного производства. Территориальное ее рассредоточение и является как раз одним из наиболее убедительных проявлений такой тенденции. При создании Дальневосточного научного центра именно такую задачу перед ними и поставили: максимально содействовать научным изысканиям, ускоренному развитию производительных сил Дальневосточного экономического района.

ДВНЦ — первое научное объединение, призванное заниматься проблемами использования ресурсов Мирового океана и прилегающей суши. Ведущее место тут занимают геологические исследования, проблемы строения, динамики земной коры, истории формирования рудных месторождений ценных ископаемых, разработка методов прогноза землетрясений, опытные прогнозы изменений географической среды под воздействием человеческой деятельности, исследование структуры пахотных почв Приморья и прочее. Актуальное значение для нашей

Комплексная бригада Сергея Шишкина строит Дом Советов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Таким предстает приезжему «город нашенский» — Владивосток.

МЕХАНИК

экономики имеет разработка научных основ, принципов построения автоматизированных систем управления объектами новой техники и технологическими процессами. В результате крупных биохимических и химических исследований морских организмов выработаны рекомендации по разведению лососевых, методы противообрастающей покраски судов и так далее. Научный центр постоянно сотрудничает со 160 предприятиями края. Ученые-экономисты разрабатывают предложения по размещению и развитию производительных сил региона.

Можно смело утверждать, что сегодня развитие нашей экономики без науки просто немыслимо.

Интересная особенность Дальнего Востока: чем активнее осваиваются его земли, недра, богатства океана, тем щедрее проявляются еще не использованные возможности, тем заманчивее перспективы развития.

— В одной из своих недавних бесед с журналистами вы говорили о нехватке квалифицированных кадров для Приморья. Вместе с тем значительная часть приезжающих сюда через некоторое время покидает край. Надо полагать, что среди них немало людей нужных, какое-то количество лет добросовестно тут потрудившихся... Что делает краевая партийная организация для того, чтобы столь необходимые люди не уезжали, чтобы приезжие поселялись здесь не временно, а навсегда?

— Что может привлечь человека в новом крае? Очевидно, прежде всего интересная, нужная и перспективная работа. В этом у нас недостатка нет. Есть и хорошие квартиры со всеми современными удобствами: жилья мы строим много, осваиваем дома новых серий с улучшенной планировкой, с лоджиями и просторными кухнями, но все еще отстаем от растущих потребностей. Нужны более мощные строительные организации, нужны рабочие-строители, для которых тоже требуется жилье.

Для преодоления текучести кадров очень важно обеспечивать людей всем необходимым. На ближайшие годы у нас неплохая перспектива. И тем не менее этого еще недостаточно. Требуется полный комплекс бытовых удобств. Людям надо дать возможность приобщаться к духовным богатствам. Это и хорошее сообщение с крупнейшими центрами страны; это и возможность хорошего отдыха не только в отпускной период, но и каждодневно после работы, в выходные дни. Это и возможность посмотреть новый фильм, пойти в театр, на стадион, устроить ребенка в школу, детский садик... Ведь, кроме бытовки в цехе и домашней ванны, у рабочего должен быть дом в более широком смысле слова: это улица, микрорайон, места ежедневного отдыха, весь комплекс удобств для семьи.

Министерство промстройматериалов СССР построило Ново-Спасский цементный завод, и при этом не была обойдена вниманием ни одна позиция плана. Еще только сдавалась первая очередь, а в поселке уже было готово 70 тысяч квадратных метров жилья, школа, магазин, больница, профилакторий, детсады. И не удивительно, что завод со дня пуска был укомплектован отличными кадрами, там минимальная текучесть. Он пущен в начале нынешнего года и уже сейчас, намного раньше установленного срока, выходит на проектную мощность.

Но, к сожалению, еще есть министерства, которые, планируя развитие своих предприятий в крае, заботятся только об основном производстве, о том, что дает прирост мощностей, и отодвигают на задний план строительство объектов социально-культурного назначения. В результате получается вроде бы временный выигрыш, а на самом деле государство из-за текучести кадров теряет ежегодно сотни миллионов рублей.

Поэтому крайкому партии часто приходится отстаивать такие решения, которые не дают лишь сиюминутную выгоду, но зато дважды окупаются в перспективе.

И все же не секрет: пока что мы не смогли сравняться в условиях жизни на земле Приморья с хорошо обжитыми районами европейской части страны. Со временем, очевидно, эта разница исчезнет, но надо уже сейчас чемто компенсировать ее. И здесь, на наш взгляд, важную роль сыграют предусмотренные XXV съездом партии меры, способствующие закреплению кадров в нашем регионе, в частности надбавки к заработной плате за стаж работы в районах Дальнего Востока.

Партийная организация края поднимает вопрос о том, чтобы в планах на будущую пятилетку темпы роста производства в Приморье оставались такими же высокими, как и сейчас, то есть выше, нежели средний темп роста производства по стране. Однако при этом очень важно, чтобы преимущественное внимание было уделено объектам социального и культурно-бытового назначения. Со своей стороны, мы будем принимать все необходимые меры для улучшения бытовых условий трудящихся, для закрепления кадров.

— Виктор Павлович, вы говорили об узковедомственном подходе к нуждам края со стороны отдельных министерств. Что изменилось в этом вопросе после поездки Леонида Ильича Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку?

— Поездка Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку всколыхнула общественность, приковала внимание всей страны к этим районам. Многие проблемы и пути их решения, которые уже назрели, но которые, как говорят, витали в воздухе, нашли свое конкретное выражение в выступлениях Леонида Ильича, в его беседах с сибиряками и дальневосточниками.

Та исключительная забота, с которой Леонид Ильич отнесся к насущным проблемам края, во многом определила и отношение ряда ведомств к запросам Приморья, к поставленным перед нами задачам. Конечно, когда речь идет о хозяйственном и культурном строительстве в обширном регионе, сиюминутных результатов ждать не приходится. И все же мы сразу почувствовали резкий поворот к нашим запросам, заботливое внимание целого ряда ведомств. Это можно сказать о министерствах химической и угольной промышленности СССР, энергетики и электрификации СССР, морского флота и ряда других. Они внесли значительные коррективы в планы развития своих предприятий, расположенных в Приморье. Мы хорошо почувствовали широкое, я бы сказал, партийное понимание нужд и задач края.

Учитывая большой дефицит рабочей силы, мы настойчиво добиваемся механизации и автоматизации работ во всех отраслях народного хозяйства, чтобы выпускать продукции больше с наименьшим числом рабочих. Нам, дальневосточникам, легче было бы решать эту проблему, если бы центральные ведомства еще больше проявляли заботы об оснащении наших предприятий новейшей техникой и высокопроизводительным оборудованием. Мы с уверенностью рассчитываем, что так именно и будет.

— И последний вопрос, Виктор Павлович. Каким примерно предстанет перед нашими читателями Приморье в конце следующей пятилетки?

— Думаю, что еще на многие годы Приморье останется основным «рыбным цехом» страны. Но к тому времени мы будем не только активно вылавливать, но и активно выращивать рыбу. Заметьте — не прудовую, а океаническую. Мы знаем многие пути миграции, нереста, а сейчас, когда в Мировом океане ведется строгий контроль за соблюдением правил лова, появилась возможность активно влиять на сохранение и воспроизводство рыбного стада. Вот сейчас, когда мы с вами беседуем, на Сахалин выезжают ученые многих стран для обсуждения именно этой проблемы.

Очевидно, еще многие годы значительную роль в экономике Приморья будет играть морской транспорт. В последние годы рост грузоперевозок морскими судами растет без увеличения числа работающих. Это за счет механизации и автоматизации значительной части процессов: от погрузки и разгрузки до выписки квитанций за принятый груз.

В ближайшем будущем в Приморье появится целая серия предприятий промышленности строительных материалов, дальнейшее развитие получат машиностроение и судоремонт, цветная металлургия, угольная промышленность, химия, деревообработка.

Еще благоустроеннее и красивее станут наши города, рабочие поселки и села. Возьмем, например, Владивосток. Уже сегодня он восхищает приезжающих к нам из западных районов страны. Восхищает оригинальной застройкой, своеобразной красотой архитектурных ансамблей и проспектов. В скором времени здесь возникнут новые благоустроенные микрорайоны. Мы отказались от строительства пятиэтажных зданий и перешли к сооружению 9-, 12-, 14- и 16-этажных домов, а в проектах заложены уже и двадцатичетырехэтажные здания с улучшенной планировкой. Началась очистка береговой полосы Амурского залива для создания новых зон отдыха трудящихся непосредственно в самом городе. Сейчас возводится Дворец пионеров, строится Дворец моряков. В одном из красивейших мест на берегу Уссурийского залива строится круглогодичный пионерлагерь для детей Дальнего Востока, Сибири и Крайнего Севера на 2400 мест. К услугам детей здесь будут водные станции, пляжи, спортивные площадки. Расширяется санаторно-курортная зона, имеющая союзное значение.

Более современный вид будут иметь и другие города Приморья. Как и в краевом центре, при разработке генеральных планов Уссурийска, Находки, Арсеньева, Спасска-Дальнего решаются принципиально новые архитектурно-планировочные проблемы — переход от мелких кварталов к микрорайонам с полной системой обслуживания жителей. Решаются также и вопросы инженерного оборудования населенных пунктов.

Новые и довольно широкие перспективы открываются перед нами еще в одной области. Я имею в виду развитие рисосеяния в крае. Приморье может и должно стать крупным рисосеющим районом страны. Для возделывания этой культуры у нас имеются хорошие условия. Необходимо осваивать все новые и новые участки земли. Уже к концу пятилетки валовой сбор риса составит в крае 115 тысяч тонн и будет далее увеличиваться все возрастающими темпами. Намечается, что к 1990 году валовой сбор риса достигнет 400 тысяч тонн.

Предусматривается в ближайшие годы построить 28 новых рисоводческих совхозов. Только в Приханкайской низменности нам предстоит освоить сто тысяч гектаров ранее не использованных и считавшихся ни к чему не пригодными земель. Здесь государство вкладывает значительные средства. Для выполнения этой большой, рассчитанной на ряд лет работы, которая во многом изменит лицо края, приморцы сделают все необходимое.

Выполняя исторические решения XXV съезда КПСС, указания Леонида Ильича Брежнева, данные им во время поездки по районам Сибири и Дальнего Востока, мы будем добиваться новых успехов в борьбе за расцвет своего края. Приморцы всегда чувствуют неустанную заботу партии и правительства о благосостоянии дальневосточников, всегда опираются на мощную поддержку и помощь всего советского народа. Нас вдохновляют на подвиги замечательные слова Леонида Ильича Брежнева о том, что дальневосточники «самоотверженно несут трудовую вахту, проявляя высокую политическую бдительность, ответственность и организованность».

Интересно жить и работать в Приморье — в крае юности и сопутствующей ей прекрасной, хотя и суровой романтики. Здесь работают люди трудных дорог и трудных профессий — мореходы и рыбаки, геологи и горняки, металлурги и энергетики, лесозаготовители и труженики села, строители и пограничники, воины армии и флота. И среди них тысячи и тысячи молодых людей. Многие из них приехали сюда сравнительно недавно и горячо полюбили этот край славных революционных, боевых и трудовых традиций. Мы верим: завтра к нам приедут новые отряды юношей и девушек. Приезжайте! Здесь, на берегах Тихого океана, есть к чему приложить умелые руки, есть чему посвятить души прекрасные порывы.

Мыс Басаргина.

В зверосовхозе «Силинский».

ТРИ ПОРТРЕТА

Д. ИВАНОВ

1

Люди! Давайте любить друг друга! Вы же знаете, как легко умирают...

В. Шукшин

«И вообще нам пора уже отдать себе отчет в том, что в лице Шукшина мы встречаемся с уникальным явлением нашего искусства, когда в одном человеке сочетаются — причем совершенно гармонически, естественно и просто — выдающиеся дарования прозаика, режиссера и актера.

Я говорю так не для того, чтобы пропеть панегирики всему, что уже сделано Шукшиным, вовсе нет, но я и не вижу причин для того, чтобы всегда и везде умалчивать об этом радостном и счастливом факте.

Где-то и когда-то это нужно сказать, а главное, нужно об этом помнить при оценке и изучении его творчества.

Без этого неизбежно возникает ошибка: произведение отнюдь не рядовое, выдающееся мы оцениваем по меркам, к которым привыкли, рассматривая вещи проходные, стандартные».

Эти слова С. Залыгина прозвучали в июле 1974 года, в разгар острокритической дискуссии вокруг фильма «Калина красная». Мало кто тогда всерьез обратил внимание на них...

Следующий год будет знаменательным для памяти Василия Макаровича Шукшина: 25 июля 1979 года ему исполнилось бы 50 лет, а еще менее трех месяцев спустя, в октябре, сравняется пять лет тому горестному, несчастливому часу, когда как бы вдруг многие и многие поняли, какого художника все потеряли, и когда признание, и благодарность, и слава народная наконец-то пришли к Шукшину.

О Василии Шукшине, его книгах и фильмах писали много всегда. Но только в прошлом году издательство «Советская Россия» выпустило первую книгу о нем — «Василий Шукшин. Творчество. Личность» Вл. Коробова [1].

...У известного русского советского поэта С. Городецкого находим мы высказывание: «Не праздное любопытство руководит народами, когда они изучают до мельчайших подробностей жизнь своих гениев, каждую букву Пушкина, каждый поступок Толстого. Ими руководит благородная жажда проникнуть в тайну высшей жизни и скрасить свое будничное существование хоть самым отдаленным участием в жизни творцов».

Написаны эти строки свыше шестидесяти лет назад, еще до революции. Сегодняшний интерес к личности и созданиям замечательных художников, оставаясь в большинстве случаев столь же трепетным и бескорыстным, сделался и неизмеримо шире и, что особенно важно, духовнее, ближе к тому, ради чего творец жил и что желал выразить, дать почувствовать и понять нашей душе.

[1] Вл. Коробов. Василий Шукшин. Творчество. Личность. Серия «Писатели Советской России». М., «Советская Россия», 1977, 192 стр.

Именно эти духовность и близость позволяют объединить впечатления от трех недавних, но совершенно разнохарактерных книг, посвященных трем подлинно своеобразным и национальным русским художникам слова: книги Вл. Коробова о Шукшине, литературоведческой работы Н. Скатова «Поэзия Алексея Кольцова» и биографии И. А. Гончарова, рассказанной Юрием Лощицем в серии «Жизнь замечательных людей».

Повторимся: о Шукшине было написано много еще при его жизни, но исследование пройденного им пути лишь начинается. Некоторые находили нужным упрекать Шукшина, что и сам он излишне часто дает интервью,— но это же он стремился объясниться как раз с теми, кто не хотел понимать его целей и манеры, кто готов был свести его творчество к анекдоту, кто втискивал его в жесткие рамки защитника «нравственного превосходства деревни над городом» или жизнеписателя «чудиков». И вот что говорил этот человек с лицом грубой лепки и чаще сумрачным, с характером и повадками, которые рождали немало невыгодных для него «легенд» среди так называемых интеллектуалов,— вот что говорил, например, Шукшин об истинной интеллигентности:

«Начнем с того, что явление это — интеллигентный человек — редкое. Это — неспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда потребуется — для созвучия — «подпеть» могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса: «Что есть правда?», гордость... И — сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное. Если все это в одном человеке,— он интеллигент. Но и это не все. Интеллигент знает, что интеллигентность — не самоцель».

В книге Вл. Коробова богатейшие россыпи подобных этой глубинных шукшинских мыслей, которые помогают проникнуться идейным пафосом его творчества. На ее страницах с щемящей грустью знакомимся мы с сокрытыми раньше эпизодами шукшинской судьбы, которые восстанавливает растревоженная память современников. Например, как поступал Василий Макарович в 1954 году одновременно во ВГИК, куда давно, но тайно ото всех стремился, и в историко-архивный (русская история всегда притягивала Шукшина); как решился пойти, не будучи уверен в своих силах, на обман (и, видно, очень совестился этого, раз никому не рассказывал), выдав себя во втором институте за только что демобилизованного, без документов, солдата,— приехал в Москву в дедовых гимнастерке и галифе. В этой форме и во ВГИКе ходил (хотя в историко-архивный его тоже приняли).

То особенное, с чем Шукшин пришел и останется в нашем искусстве, Вл. Коробову особенно удается донести в рассказе о первом самостоятельном шукшинском фильме «Живет такой парень», в анализе таких рассказов, как «Мастер», «Срезал», «Миль пардон, мадам!» В последнем — главное действующее лицо Бронька Пупков. Он и в самом деле устраивает «театр» из своей совершенно фантастической истории про «покушение на Гитлера», которую выдумал, как кажется на первый взгляд, только чтобы иметь возможность стребовать с очередного слушателя: «Прошу плеснуть!» Но в действительности совсем не дурная потреба руководит этим «чудиком». «Душевная боль и тоска томили Броньку. Он глубоко и люто ненавидел фашистов и Гитлера...— пишет критик.— Но ненависть его к врагу не нашла выхода в конкретном каком-то большом воинском и патриотическом деянии (на фронте его, отличного стрелка, но без двух пальцев на руке, подчеркивает Вл. Коробов, определили в санитары.— Д. И.)... Умом Бронька понимает, что ни в чем он не виноват, но сердце, сердце никаких доводов не принимает...» Вот и сложилась в нем эта сказка с неудачным выстрелом с двух шагов,— «единственно для того, чтобы, рассказывая, можно было каяться, бить себя в грудь, стенать, плакать и делать это принародно, «на миру», не опасаясь при этом, что слушать его не станут.

Шукшин не осудил и не оправдал своего героя, он его п о н я л...»

А многие не понимали, не хотели понять Шукшина. Какими-то неудобными, неправильными казались его вещи. Все вокруг довольны, а ему тесно, жмет... Кругом строят светлое будущее, а его персонажи просто лишь живут; и даже не просто, а безалаберно, безответственно, никчемно,— а чувствуют глубоко, привольно, правильные меркнут рядом с ними... Наше время — время величайшей доброты, а у Шукшина в людях то и дело злость вспыхивает. И главное: про доброе рассказывает, а пишет с болью... Почему все так у него?

Потому что Шукшин очень любил людей, нас с вами. И не боялся нашего зла. Он понимал и тех, кто еще только учился делать добро, и оно у них выходит нескладно, неловко; и других, которым раньше добра нужен кусок хлеба насущного; и третьих, что к добру не привыкли и не ждут его; и четвертых, кого чужое добро из себя выводит...

Он верил в жизнь, которая «предлагает добро и зло, вместе». Поэтому и не закрывал на зло глаза. И нам открывал их, чтобы и мы не боялись людей, которых жизнь сделала злыми, но у которых есть душа,— и ненавидели б самых страшных, которых он сам ненавидел: у каких души вовсе нет. Он старался, чтобы наши души не были круглыми да квадратными — равными душами... Он гражданином был, истинным писателем-гражданином.

Он очень болел за нас...

2

Жизнь! Зачем ты собой
Обольщаешь меня?

А. Кольцов

Шукшина еще не «проходят» в школе. Кольцова — уже не «проходят»...

Да, не то чтобы прочесть хотя б полторы страницы, которыми «удостаивает» учебник русской литературы творчество ее поэтических гениев Тютчева и Фета,— даже упоминания великого имени Кольцова, равно как и Баратынского (Крылов-то упомянут все-таки!), не встречают учащиеся старших классов.

Стоит ли удивляться, что так глухи оказываются многие не только к истинной поэзии, но и вообще к высоким душевным порывам и помыслам, которые как раз выражает и воспитывает поэтическое слово. Крайне своевременными и глубоко верными представляются суждения доктора педагогических наук Бориса Лихачева, высказанные им в недавней статье «Дать развиться внутреннему человеку» («Наш современник», № 7, 1978): **«...Непомерное увлечение предметами естественно-математического цикла... порождает стремление к развитию ради развития, теснит такие важнейшие виды деятельности, как труд, занятия искусством, физической культурой, становится источником таких бед, как учебная перегрузка, второгодничество, процентомания»**; с другой стороны, следует **«ввести раздельное преподавание собственно искусства слова и науки о нем»**.

Увы, как не вспомнить тут слова другого поэта русского:

...Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)...

Ведь, право же, читаешь про Кольцова [2], и первое чувство, какое испытываешь,—гордость: гордость, что твой народ еще когда выдвинул такой могучий привольный талант, и ты — его соплеменник.

«Повторяю,— подчеркивает Скатов,— в известном смысле можно было бы сказать, что роль Кольцова в становлении национального типа сознания, в выявлении духовного потенциала нации была аналогична роли Пушкина, хотя и совершалась в иной сфере и на ином уровне. Нация, разделенная на верхи и низы, овладевающая высотами европейской культуры и одновременно пребывающая в условиях патриархального мира и его культуры, обнаружила себя и таким типом гениальности, как кольцовская... Не потому ли Кольцов, как никто, может быть, или, во всяком случае, как очень немногие, обнаружил понимание природы пушкинского творчества и самого образа Пушкина, поражавшее даже его современников, совсем вроде бы недооценкой Пушкина не страдавших... Сколько было стихов на смерть Пушкина — не счесть. А остались «Смерть Поэта» Лермонтова и «Лес» Кольцова...»

Уж точно,— каждый помнит начало лермонтовского: «Погиб Поэт!— невольник чести...» и последнее четырехстишие кольцовского — незабываемое:

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

Маленькую книжицу Н. Скатова хочется цитировать и цитировать: «О редкостном уме Кольцова говорят многие современники. «Этот необразованный мужичок понимал гораздо более и смотрел на литературу гораздо глубже многих из так называемых образованных литераторов — его покровителей»,— писал обычно не очень-то проницательный Иван Панаев. Но и очень проницательный и очень образованный Павел Анненков гово-

[2] Н. Скатов. Поэзия Алексея Кольцова. Серия «Массовая историко-литературная библиотека». Л., «Художественная литература», 1977, 94 стр.

рит: «Он распознавал людей сквозь кору наносной культуры и цивилизации»... У нас-то теперь есть письма Кольцова, доказывающие, что современники не ошибались...

Письма Кольцова содержат многие — и какие! — зерна русской литературы. В них можно найти провидения почти гоголевской силы: «Я замечал в людях очень часто, как лет в двадцать личико оживлено жизнью довольно приятно, а в тридцать из этого личика выходит сущий урод. Как бы хорошо лицо ни было, но если натура у человека не хороша от природы, то, всматриваясь в нее хорошенько, где-нибудь, но уж непременно отыщешь часто едва заметную черту гадости, и эта гадость со временем обхватит всего человека, без его ведома, как его натуральная идея, и он стоит уже век на этом пьедестале»...

В Кольцове не было и тени заскорузлости и провинциализма. В литературе второй половины тридцатых годов XIX века, кроме Белинского, немного было людей, судивших о литературе столь верно. Лучшие критики той поры хоть на чем-нибудь да срывались: не на Пушкине, так на Гоголе, не на Гоголе, так на Лермонтове. В своих письмах Кольцов дал десятки критических характеристик — и ни разу не сделал промаха...».

А что за чудо сама кольцовская поэзия! Пленительность ее для нас, людей совершенно другого времени, заключена в том, как ново и совершенно справедливо объясняет Н. Скатов, что Кольцов был «певцом свободного человека» (разрядка наша.— Д. И.), «скорее поэтом прошлого... или будущего... но не буквально настоящего».

«Кольцов своеобразно выступил против крепостного права: он его игнорировал... писал не идеализированный, но идеальный мир. Он не идеализировал его в смысле приукрашивания, то есть искажения реального положения, а вскрывал его идеальную суть». Это-то и позволило ему выразить «идею» жизни «мужиков», стать «поэтом земледельческого труда» (так говорил о Кольцове Г. Успенский), совершить «уникальный в своем роде эстетический акт, очень значимый в деле становления, а отчасти и восстановления национального мироощущения. Он перевел народно-поэтическое, эпичное, часто древнее сознание на язык современности, на язык личной жизни».

Вслушайтесь только:

У меня ль плечо —
Шире дедова;
Грудь высокая —
Моей матушки.

На лице моем
Кровь отцовская
В молоке зажгла
Зарю красную.

Это Косарь, человек и вместе с тем подлинно былинный герой. А вот окружающая его природа, для которой он — «слуга и хозяин»: «...У Кольцова предстает не... ландшафт, тем более не просто сельский вид, а глобальная жизнь всего колоссального земного организма»:

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор...

А рядом — горькое сознание безысходности собственной жизни (которой жизнь окружающая отпустила всего 33 года), мучительное переживание разлада надежд и свершений в жизни общественной. Отсюда — буря вопросов, которые теснятся в его «думах», не «детски наивных», как считали нередко, а подлинно философских, занятых мыслями о тайне жизни, о смысле ее, о сущности и цели человеческого бытия. Отсюда — сжимающий сердце драматизм многих его стихов, разрешения которому он не видел, разве кроме как в лихом вызове:

И чтоб с горем, в пиру,
Быть с веселым лицом;
На погибель идти —
Песни петь соловьем!

Найдите «брошюру» Николая Скатова,— вы поразитесь кольцовским «лица необщим выраженьем», коснетесь душевных струн поэзии русской, вас охватит ее великим раздольем, печалью и красотой.

3

Что имеем, не храним,
потерявши плачем.

Русская народная пословица

Гончарова теперь тоже не «проходят».

Правда, по прочтении полутора страниц учебника «Русской литературы» М. Г. Качурина, Д. К. Мотольской, М. А. Шнеерсон учащийся 9-го класса должен заключить, что «исследование обломовщины как типичного явления русской действительности сделало роман Гончарова бессмертным». Но что же вечного может обещать ему в наш деятельный век книга, изображающая «жизнь, похожую на сон, и сон, похожий на смерть»? А с другой стороны: если гончаровским героем руководят «лень и страх перед жизнью», то, быть может, жизнь, на его долю доставшаяся, ничего иного к себе и собою и вызывать не должна?

Увы, ответов на эти и другие очевидные вопросы учебник не дает, и сокровенным нравственным урокам, преподанным автором «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва», суждено оставаться сокрытыми для юной души... Тем большая радость — выход в издательстве «Молодая гвардия» книги Юрия Лощица «Гончаров»[3].

Читать ее — одно удовольствие. Нам трудно припомнить в последнее время какое-либо другое произведение биографического жанра, написанное столь же хорошим русским языком. Слова Юрия Лощица пластичны, неоднозначны, восходят к сферам отечественной речи, редко тревожимым сегодняшним пером. Многозначительно сплетаясь, они льются легко, свободно, непринужденно, рождая мысли зрелые, никак не банальные.

«...Где-то в бескрайнем мире, над ласково сияющими безднами затерялась малая горстка русских людей; забылось, кто кому подчинен и кто над кем начальствует, отложены попечения и заботы, все сошлись в семейный круг для какого-то тихого, бессловесного собеседования... Может быть, через час или через сутки налетит ветер, размечет этот круг, кого-то навсегда вырвет из него, а кого-то столкнет друг с другом в приступе отчаянья и смуты... Как же надо дорожить русскому человеку этими часами соборной тишины! Скоро ли еще все так сойдутся? И сойдутся ли все?

Вот, кажется, одно из тех состояний природы и души человеческой, которые наиболее близки Гончарову как наблюдателю и одновременно участнику».

[3] Юрий Лощиц. Гончаров. Серия «Жизнь замечательных людей». М., «Молодая гвардия», 1977, 352 стр.

Читая книгу Лощица, часто трудно разъять голос биографа и голос Ивана Александровича Гончарова,— оттого-то так живо встает перед нами образ писателя. Но тому причиной и еще одно редкое для биографических хроник качество «Гончарова»: слитность фигуры художника и его времени.

Сплошь и рядом в подобных книгах герой и время существуют как бы сами по себе: что-то случится, произойдет в мире, герой как-то откликнется на это событие — и на том дело с концом.

Не так у Лощица. Здесь Гончаров и его время спаяны, пропущены друг сквозь друга. Это и жизнь замечательного человека — и примечательная жизнь времени. Оно — тоже живое, не сопутствующее только. Порою кажется даже, что биография гончаровской эпохи Лощицу важнее, чем биография самого писателя.

«...За всю историю человечества такое можно было увидеть разве лишь теперь, в узком, как щелка, промежутке из нескольких лет.

Громадный сильный корабль был разъят поперек туловища. Мускулатура его корпуса, обнаженная по бортам, казалось, вопила от боли каждым сухожилием, каждым волокном деревянного мяса.

И вот в эти развороченные внутренности невыносимо медленно втискивали нечто громоздкое, тяжкое, как утюг, оплетенное беспорядочной сетью веревок и ремней...

Глазейте, соседи, изумляйся, мир! Как ненужную паутину, трезвый островитянин сметает с глаз долой паруса, реи, ванты... Вам жалко Красоты? Но есть другая богиня, имя ей — Польза! Вам жаль лебяжьей поэзии парусиновых полотнищ? Но есть поэзия скорости, рвущейся вперед воли, поэзия дымного шарфа, окутавшего полнеба. Поэзия дела и движения.

Иссякло, кончилось время прозябающего человека, дрожащей твари... Вот он — вглядитесь! — стоит перед вами новый Адам, не тварь, но сам творец... В нимбе пара, обдаваемый шепотом поршней, чувствуя подошвами бессильный гнев железного зверя, он стоит на палубе, на капитанском мостике прогресса...»

Эта картина, открывшаяся Гончарову во время путешествия на фрегате «Паллада» в английском порту и перерастающая у Лощица в эпохально-символическое столкновение паруса и пара, когда детство человечества, возраст веры и грез, уступает место времени знания и деяния,— картина эта проецируется Лощицем непосредственно на гордиев узел конфликтов главного гончаровского романа.

Русская критика знает немало знаменательных толкований «Обломова»: от памятной добролюбовской статьи (а, кстати, Чернышевский отзывался о романе не то чтобы куда менее восторженно, но даже прочесть его до конца полагал «как подвиг») до весьма тонкого и своеобразного, предложенного в конце прошлого века Иннокентием Анненским. Недавно во вступительной статье к «Обломову» в «Библиотеке всемирной литературы» В. Сквозников дал свою, глубоко нестандартную интерпретацию трагедии Ильи Ильича — человека, достойного жизни и обрекшего себя на гибель.

Ю. Лощицу, понятно, знакомы эти истолкования, но во многом он оригинален.

Свой гамлетовского звучания вопрос: «делать или не делать?» — Илья Ильич решает, и решает только внешне по-обломовски:

«Я не желаю в этом мире действовать. Отказываюсь участвовать в его движении от чего-то сомнительного к чему-то не менее сомнительному. Я выхожу из истории — из этой вашей грандиозной игры в благородную деятельность...» — ибо за нею или за ними скрываются «...вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни...», т. е. суета и скука накопительства, собственничества. Вот почему «Обломов предпочитает задачу охранительства, а не пропаганды», вот почему страшит его наползающая принужденная жизнь, вот отчего выбирает он сон — мертвящий, но навевающий эфемерную свободу...

Как часто бывает, недостатки суть продолжение наших достоинств. Вот и Лощиц, воздавая Обломову должное за то, что тот не вносит лепту в копилку нового зла, забывает временами, что за обломовским «сонным царством», действительно обладающим очарованием сказочной красоты, стоит много зла вечного, которое невозможно и просто нельзя реабилитировать. Ибо к злу, которое приносит Обломов «тремстам и одному Захарам», нужно присовокупить то, что он никому не приносит пользы, говоря иначе,— помня нелюбовь биографа к последнему слову,— не делает никакого добра (ведь и для того, чтобы составить счастье Агафьи Матвеевны Пшеницыной, делать Обломову ничего не потребовалось; а их совместное счастье — не столько подтверждение распространенности обломовцев, сколько сказочное исключение из трезвой реальности, правила которой неумолимо разбивают это счастье).

Лощиц справедливо выводит: «Красота, по Гончарову, прежде всего в мере». Действительно, писатель всегда и во всем, как подтверждает книга Ю. Лощица, стремился к умеренности: и на цензорской службе, за которую одни крупные литераторы метали в него громы и молнии, а другие, такие же видные, были ему благодарны; и в «необыкновенной истории» ссоры с Тургеневым; и в повседневности, считая, что «жизнь есть — терпение»; и в отстаивании своих мировоззренческих позиций... Поэтому же он «не берется произнести окончательное слово в пользу той или иной «правды»,— пишет Лощиц, имея в виду «старую» и «новую» правду «Обломова» (и «Фрегата «Паллады»).

Но вот то, что сам-то Илья Ильич Обломов несоразмерен,— это писатель знал определенно. И не в чрезмерной привычке ко сну дело — она лишь внешнее проявление нравственной несоразмерности Ильи Ильича. Выбрав в удел себе покой, Обломов не сохранил в себе добро.

В покое можно усмотреть красоту, но не добро.

Добро существует только деятельное...

Юрию Лощицу это известно так же, как и нам, и еще определеннее, доказательнее, историчнее. Недаром и смог он написать не биографию Гончарова, а книгу о художнике-творце и его эпохе.

* * *

Три писательские судьбы, запечатленные в трех несхожих портретах, предстают в книгах Вл. Коробова, Н. Скатова, Юрия Лощица. И в каждой — во главе угла разговор об идейности и народности литературы, о традициях и новаторстве. Жанры рассмотренных книг различны, но объединяет их прежде всего глубокий подход именно к этим определяющим для нашего искусства вопросам.

В НАДЕЖДЕ СЛАВЫ

Станислав
ТОКАРЕВ

Почему они кажутся мне похожими друг на друга?

Что общего у Кошкина с покойным Виктором Ильичом Алексеевым, выдающимся советским спортивным педагогом, основателем ленинградской «школы Алексеева»? Он был точь-в-точь мудрый пожилой мастеровой, простой, терпеливый, старомодно обстоятельный в разговоре, а Кошкин весь словно пульсирует, он заряжен нетерпением, и в изложении сверхсовременных идей он стремительно сыплет сверхсовременными терминами...

Что общего между Кошкиным и Татьяной Максимовной Петрухиной, воспитавшей замечательных прыгунов в воду, среди которых олимпийский чемпион Владимир Васин? Она возвышенна и романтична, к окружающему у нее отношение чисто эстетическое, и высшая для нее оценка — «красиво»: «красивый прыжок, красивый человек, красивая любовь». У Кошкина высшая оценка — «великий»: «великий результат, великий спортсмен». И тренер должен быть великим — на меньшее нет смысла соглашаться.

Что общего между Кошкиным и Николаем Григорьевичем Толкачевым, создателем владимирской гимнастической школы, тренером олимпийского чемпиона Николая Андрианова? Толкачев любит читать наизусть Пушкина, его дневники беллетристически живописны, а у Кошкина в дневниках сплошь расчеты и формулы.

И все-таки я вижу это общее и, пользуясь сопоставлением некоторых деталей жизни и характера Кошкина с названными мной и еще не названными учителями спорта, берусь доказать, как типичен для своей профессии быстрый, умный, гибкий и неукоснительно прямой и твердый одновременно, совершенно поглощенный своей замечательной профессией человек.

«Берусь доказать» — я сказал это, сознаю, с долей самоуверенности, но ведь и герой мой безапелляционно уверен в себе.

Прежде чем получить в свое распоряжение ленинградский бассейн «Экран», подготовить там чемпиона Европы Сергея Русина и двукратного чемпиона мира Владимира Сальникова, самому стать заслуженным тренером СССР, Игорь Михайлович Кошкин вдосталь помыкался. Жизнеописание он начинает с того, что в жизни была трагедия — чрезмерно долгое отсутствие «своей воды», и пришлось много лет кочевать из бассейна в бассейн в качестве арендаторов, не всегда желанных.

Оно, конечно, лучше, если тренер сразу, с начала пути, получает в свое распоряжение лучшие условия для творчества — чем дальше, тем богаче наша спортивная база, и со временем будет только так. И все-таки не случайно, должно быть, большинство людей, ставших в тренерском деле выдающимися, начинало с нуля. Происходил, если угодно, естественный отбор для профессии, необходимое свойство которой — самоотреченность.

Я спросил Кошкина, что, по его мнению, нужно тренеру для успеха. «Чтобы стать великим,— он сказал,— надо любить работу больше, чем себя». Алексеев в свое время ответил короче: «Терпение и знания». Подумал и уточнил: «Но важнее терпение».

У Кошкина репутация страшного упрямца. Утверждают, что, если он со своими мальчиками берется играть в пинг-понг, то способен довести себя чуть ли не до предынфарктного состояния, лишь бы выиграть. Что главное для него — всегда и во всем их опережать. Такое вот постоянное самоутверждение.

Игорь Михайлович этой черты в себе не отрицает, подводя под нее в свойственной ему манере теоретическую базу. «Если на тренировочном сборе я задаю ребятам горный маршрут, то сам лезу с ними к вершине, чего бы мне это ни стоило — сердце останавливается, а лезу. Если я с ними на баскетбольной площадке, то стараюсь не уступить никому, хотя они молодые и здоровые, много здоровее и моложе меня. Они должны всегда видеть, что я способен побудить себя на сверхусилие. Только тогда я вправе потребовать и от них в бассейне сверхчеловеческих усилий — только в этом случае».

Он сухопар, строен, подтянут и, стоя рядом со мной на бортике, украдкой презрительно кивает в сторону другого тренера, обладателя солидного, рыхлого живота: «Имеет специалист право быть таким? Я считаю, не имеет».

Я наблюдал зарядку Толкачева — в шесть утра в директорском кабинете. Он включает магнитофон и отплясывает современные танцы. Он улыбается, и с него градом льет пот. Потом он идет принимать ледяной душ и возвращается в безукоризненном костюме и при галстуке.

Алексеев не любил галстуков — коль надо было непременно надеть для официального приема, то, выйдя за дверь, тотчас срывал с шеи и прятал в карман. Но я помню, когда ему было уже за шестьдесят и он, входя в сектор, чтобы учить толкать ядро, снимал пиджак, какая взгляду представала великолепная фигура атлета!

Семидесятисемилетний Виталий Андреевич Аркадьев, учитель многих поколений фехтовальщиков, до сих пор дает уроки на дорожке, и любо-дорого смотреть на него, грациозного, легкого, словно звонкого от мышц, которые как струны.

Тренер должен быть постоянно в форме, в тонусе. Он, тренер, в сущности, немного актер. У Алексеева однажды вырвалось: «Другой раз настолько отвратительно себя чувствуешь, а надо притворяться...» Петрухина говорила похожее: «Бывает, скверно на душе, а приходится паясничать». Кошкин — о том же: «Надо быть комиком, трагиком... Когда взвинтить, когда успокоить... Хочешь плакать, а нужно улыбаться, хочешь по головке погладить, а нужно, наоборот, голос повышать... Вот сейчас, во время тренировки, я с вами разговариваю, словно то, что в воде, меня не касается. Я отвлекаюсь, а почему? Это я изображаю безразличие. До соревнований осталось меньше недели, нервное напряжение у ребят растет, а я должен показывать, что совершенно спокоен. Тренер по плаванию может позволить себе проявить сомнения только зимой. Когда далеко до сезона. В течение соревновательного цикла сомневаться — точнее, обнаруживать сомнения — тренер не имеет права».

Тренерская работа представляет собой некий кругооборот, где конечная точка — уход чемпиона из спорта, когда он сделал все, на что был способен,— должна одновременно быть начальной, приходом того, кого предстоит научить быть чемпионом. Это как в поле: здесь, что посеешь, то и пожнешь, а «сев»—отбор в спортивную школу самых способных детей. Сейчас чем дальше, тем моднее набирать самых маленьких, дошколят,— их нервная система свеженькая, они не умеют уставать, они беззаветно доверчивы, навыки вырабатываются в них буквально стремглав.

Кошкин против «моды»: ему важно, чтобы ученики обладали начатками логического мышления, определенной самостоятельностью взглядов и поведения. Собственного сына он научил плавать раньше, чем тот встал на ножки, но крупным педагогическим достижением это не считает. Ему вообще неважно, умеют ли плавать те второклассники, которых он берет. Больше того, он их первоначально даже в глаза видеть не хочет. Набор начинается с просмотра школьных медицинских карт — Кошкин отсекает возможность мало-мальски субъективного подхода со своей стороны. Сперва нужны просто нормальные, здоровые дети, каждого из которых не так уж трудно научить свободно владеть всеми способами плавания. Кто из детей умнее, сильнее характером, а следовательно, может одним из способов овладеть мастерски, выясняется года за два, за три. И, наконец, уже в дальнейшем кто-то из этих мастеров способен мощью и самоотреченностью натуры доказать, что ему по силам великие рекорды.

Такова логика рассуждений и действий Кошкина-рационалиста, планирующего для воспитанников, как и для себя, каждый день, каждый год и на десять лет вперед заранее. Но эта выстроенная мною концепция его личности чуть-чуть шатается ввиду некоторых высказываний, ей противоречащих.

Ненасытно любознательный, проштудировавший о плавании все, что можно в мире проштудировать, он, например, утверждает, что аккумулировать всю эту информацию тренер просто не в состоянии. Его работа сродни поварской — она на догадке, на вкусовых ощущениях: тут подсолить, тут поперчить, травки добавить...

Эта постоянная заряженность, вечная готовность находить в гармонии мира нечто потребное делу — собственно говоря, те самые соль и перец — снова напоминают мне в Кошкине незабвенного Виктора Ильича Алексеева, который беседы о спорте любил начинать с того, что основа жизни — движение, и указывал при этом на ветви деревьев, прядающие на ветру.

Известен эпизод из жизни Алексеева, когда он, читая перед сном статью о разбегающихся галактиках, увидел потом во сне новый способ толкания ядра, проснулся, записал и зарисовал находку в блокноте, висевшем над кроватью специально для таких случаев. Эпизод характерен вообще для людей, знающих «одной лишь думы власть», и старший тренер нашей плавательной сборной Сергей Вайцеховский рассказывал мне, что если в самую глухую пору, под утро, его будит телефонный звонок, он тотчас спросонок соображает: это Кошкин звонит, у Кошкина идея.

Игорь Кошкин на тренировке.

Фото С. Морозова

Его ум, кажется, неиссякаем в поисках — от новых подводящих упражнений, от попыток использовать в тренировках многоканальную радиосвязь, цветомузыку, до замысла некоего невероятного универсального тренажера. Представьте: пловец лежит на столе, его руки, ноги и голова подвижно закреплены, снабжены датчиками, подсоединенными к ЭВМ. Он просматривает на видеоэкране кинокольцовку, запечатлевшую идеальное исполнение в его способе плавания, потом имитирует собственную технику. ЭВМ, выводя среднее между идеалом и реальностью, находит оптимальный вариант и вводит его в мозг пловца, который в этот момент находится под гипнозом.

Фантастика — Лем, Кларк, Азимов! Честно говоря, даже как-то не по себе, когда представляешь человека в железных объятиях проводов, я говорю об этом Кошкину, и он отвечает, что в эпоху НТР действительно надо подчас делать над собой усилие, чтобы душой — не умом, а душой — воспринять бесстрашие прыжка через новый барьер. Но обстоятельства показывают, что возможности быстрого передвижения человека в водной среде очень далеки от предела — вода, может быть, была родной стихией для его прародителей и для него она способна стать родной, как земля — это глобальная проблема, и спортивное плавание тоже ищет ее ре-

шения. Опасения же наши и страхи, они как у извозчика, когда тот впервые увидел автомобиль.

— Но получается,— говорю я,— некая фабрика. Фабрика рекордов, конвейер... Не угнетает ли психику эта технологическая атмосфера? Долгие, однообразные тренировки, без которых, очевидно, невозможны ни великие рекорды, ни прыжки через барьеры, они же прежде всего скучны, а коль ребенку скучно, его не заставишь работать. Да и нужно ли, правильно ли — заставлять?

— Вот! — восклицает Игорь Михайлович, потрясая небольшим, добела сжатым кулаком.— Вот главный вопрос!

Он быстро чертит на листке бумаги равносторонний треугольник. Возле одной вершины пишет «функциональная подготовка» и «воля». Возле другой — «техника» и «сознание». Возле третьей — «эмоции» и «мотивация». Эту третью вместе с надписями обводит жирным кружком.

— Вот здесь тоже барьер. Угнетенность эмоциональной среды. Как устранить этот фактор? Заинтересовать! Повысить уровень мотивации! Желание совершенствоваться, понимание, зачем это нужно, усиливают волевой импульс, побуждают сознательно улучшать технику.

— Но понимание свойственно взрослым, с ними в этом смысле легче, а в плавании чемпионы — почти дети, с ними-то труднее...

— Неправда! С детьми легче! Детям нужна игра, они созданы, чтобы соревноваться, они во дворе с утра до вечера гоняют в мяч, и им не скучно. В том-то и дело, что тренировки у нас в бассейне все время носят соревновательный характер, и я объясняю мальчику: «Смотри, если ты сегодня не научишься, как надо, делать гребок, завтра Вася тебя обгонит».

— Стоп, Игорь Михайлович, стоп. Стержень спорта, конечно, соревнование, конкуренция, но можно ли постоянно и безнаказанно накалять этот стержень в детской душе? Не опасаетесь ли вы, что честолюбие перейдет в эгоцентризм, самоутверждение — в агрессивность, и получится у нас этакий супермен, человекообразный зверь?..

Ах, как он был задет за живое!

— Именно,— воскликнул,— именно! Вот тут все, в этой точке! Мы ведь обязаны совместить вопиюще несовместимые факторы. Добро и зло. Называйте злость спортивной или не называйте, она злость. Она не только к себе, она к сопернику. Но человек, лишенный чувства добра, великим спортсменом не будет. Категорически и бесповоротно.

Намеренно обостряя проблему, я говорю Кошкину, что его тезис спорен, вряд ли можно утверждать, что хороший, добрый, порядочный человек непременно должен на водной дорожке побеждать злого, плохого, непорядочного. Но моего героя ни в чем с его позиций не собьешь, на каждый случай жизни у него теория, и я впервые слышу столь категорическое — и чисто спортивное — обоснование практической ценности доброго начала.

Кошкин говорит, что великий спортсмен — опять его неизменное «великий» — натура полнокровная, цельная и щедрая. Что если он зол, мелок, завистлив, то, значит, ущербен, а такой быть великим спортсменом не может. Он говорит, что человек спорта открыт миру и людям, склонен видеть в них лучшее, что в нем развито желание помогать другим и чувство благодарности за помощь. Он рассказывает, как однажды его ребята, удачно выступив на чемпионате страны, все свои медали подарили психологу, который накануне с ними работал, и как сам он, тренер Кошкин, был счастлив, увидев их способность на такой порыв. Он говорит, что эти чувства надо воспитывать, что, в сущности, самым сильным мотивом должно быть желание приносить другим радость — близким, просто людям на трибунах, всем людям, народу, стране.

Повод для спора, понимаю, не снят, и вовсе не азбучно, что победитель непременно должен быть целен, а побежденный — ущербен. Важнее в данном случае убежденность Кошкина, что растить спортсменов умными, добрыми, цельными и значит — растить их чемпионами. Тут его мироощущение, жизненная философия, если угодно.

Все сказанное выше и позволяет мне мысленно поставить Игоря Кошкина в шеренгу наших лучших спортивных педагогов, на каждого из которых он при всей несхожести похож.

Может, и в самом деле мы доживем до времени, когда сложнейшим двигательным навыкам, которые составляют техническую основу спорта, будут учить хитроумные машины. Но останется одно — оно навсегда останется — чему может научить человека только человек, спортсмена — только тренер. Тому, как жить, для чего и во что верить. Тому, во имя чего добиваться побед и рекордов, ибо в нашем обществе самый великий рекорд — абстракция, и спорт — абстракция, если он не служит воспитанию гармонической личности.

Свойства же души можно вложить в другую душу лишь одним-единственным способом, ничто тут не поможет—ни методическая изощренность, ни опыт, ни красноречие. Только собственный пример.

Однажды ранним утром мы с Николаем Григорьевичем Толкачевым вошли в новый зал его школы. Огромные плоскости окон были голубыми от голубизны неба, вдоль стен белыми линеечками вытянулись учебные группы, большей частью по-владимирски белоголовые, и рапорты дежурных напоминали перекличку молодых петушков.

Толкачев проговорил вполголоса: «Вот так вот — каждое утро — будто росой умываешься. «В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни...»

Скажи мне, спортсмен, кто твой тренер, и я скажу, кто ты.

И ДОБРА

гастроли

БОГАТСТВО РЕПЕРТУАРА

Обратившись к творчеству выдающегося эстонского прозаика и драматурга А. Х. Таммсааре, Государственный русский драматический театр взял одну из частей романа «Правда и справедливость», воскрешающую двадцатые годы довоенной Эстонии. В инсценировке главного режиссера театра заслуженного деятеля искусств ЭССР Виталия Черменева спектакль «Индрек и Карин», показанный на московской сцене, получился многоплановым, раздвинувшим рамки жанра. Мелодрама или семейная хроника? Остросоциальная драма или психологический детектив?..

...Зрительный зал — зал суда. Господа судьи, господа присяжные заседатели. Слушается дело...

Он — Индрек Паас в исполнении Л. Шевцова — обвиняемый. Молодой еще человек довольно заурядной наружности. Суховатая, как бы приглушенная речь, хорошие манеры человека «из общества». Она — красивая элегантная дама бальзаковского возраста... Легкомысленное, вздорное существо. бездумная кокетка; фатоватый повеса-тенор; оскорбленный муж... Словом, история, увенчавшаяся револьверным выстрелом. Но почему скромный учитель гимназии стреляет в свою жену? Ревность обманутого мужа? Только ли? А может, Карин для него частица того мира, который он так ненавидит?...

Мелькают страницы книги жизни главных героев. И уже не просто пустоголовой хорошенькой хищницей видится Карин. Актриса Э. Вокалюк находит все новые и новые краски для своей героини. Плохая жена и плохая мать, и вместе с тем глубоко несчастное, обиженное. любящее существо. Смерть Карин — закономерный итог ее никчемной, придуманной жизни, крах ее игрушечного мирка. Их трагедия — трагедия миллионов «маленьких людей», не нашедших себе места в этом «безумном, безумном, безумном» мире денежного бога и бездуховности.

Другой интересной в актерском и режиссерском отношении, хотя и во многом спорной работой стал спектакль «По ком звонит колокол» Э. Хемингуэя.

При инсценировке такого большого социального полотна, каким является роман американского писателя, потери почти неизбежны. Вероятно, этим и объясняется известная фрагментарность отдельных сцен, эскизная незавершенность образов. Так, «длинноногий зайчонок», девушка из мечты — Мария С. Орловой, существо чистейшее, словно излучающее на всех окружающих свет доброты, да и сам «бесстрашный рыцарь» Роберт Джордан — Ю. Орлов в сценическом варианте оказались как бы абстрактными носителями положительного начала. Тогда как Пабло, роль которого исполняет заслуженный артист ЭССР Рейн Арен, с его гипертрофированным тщеславием, переходящим в манию величия, слишком натуралистичен, заземлен. Подлинным выразителем режиссерской концепции, солирующим на протяжении двух актов, явился образ Пилар в исполнении заслуженной артистки ЭССР А. Бедрединовой.

О высоком профессиональном уровне эстонских гостей свидетельствуют такие гастрольные спектакли, как «Птицы нашей молодости» И. Друцэ и «Сталевары» Г. Бокарева, «Ужин на пятерых» Э. Ветемаа и «Багряный бор» Л. Моисеева. Настоящим подарком маленьким зрителям стала встреча с героями «Военной тайны» А. Гайдара. Спектакль, отобранный для творческого отчета, представил москвичам молодое поколение театра, вчерашних студийцев: В. Ланберга, исполнителя героической роли Мальчиша-Кибальчиша, и В. Рыбникова, на долю которого выпала задача куда менее благодарная — в спектакле он играет предателя и обжору Плохиша, вызывающего бурю негодования среди ребячьей аудитории.

Государственный русский драматический театр Эстонии сегодня — это яркая индивидуальность исполнителей и сплоченный актерский ансамбль, бережное отношение к классическому наследию и галерея образов наших современников... Алексей Толстой, Булгаков, Маршак, Шукшин, Михалков — далеко не полный перечень имен, украсивших репертуарную афишу 1978 года, за которой непрерывный труд большого и дружного коллектива.

Е. ИВАНОВА

Спектакль «Военная тайна».

Фото П. Чевельча

Самореклама американского телевидения.

ГЛАВНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Владимир НИКОЛАЕВ

В самом массовом американском журнале «Ридерс дайджест» за июль 1978 года было напечатано читательское письмо:

«Теперь в нашей семье мы делаем то, чего не делали раньше, когда у нас был телевизор. Дети, кстати, быстро свыклись с его отсутствием. Теперь они напрягают собственные мозги, чтобы позабавить самих себя. В доме появились новые игры, мы все снова стали читать книги. Дети познали радость тихой забавы с игрушками на ковре. А однажды вечером они втроем написали письмо своей кузине, живущей в другом штате. Теперь нередко по вечерам они после ужина беседуют с родителями. И что самое главное — их речь стала живой, оригинальной, их собственной, она освободилась от телевизионных штампов. Я спросил детей: «Что самое лучшее принесло нам отсутствие телевизора в доме?» Старший сын ответил за всех: «Мы научились думать и делать».

Вот какое письмо... Оно написано американцем, выражающим не только свои мысли. В то же самое время, когда миллионы читали это письмо в «Ридерс дайджест», газета «Нью-Йорк таймс» примерно в тех же выражениях писала о той же проблеме:

«Кэй Винтерс, инспектор начальных школ в восточной Пенсильвании, заявил: «Конечно, изображение насилия на телеэкранах наносит детям огромный вред. А потеря времени? Ведь дети сидят у телевизора вместо того чтобы читать, играть на свежем воздухе, общаться друг с другом, как это было раньше. Телевидение отнимает время и у сна». Учеников шестого класса одной из школ в штате Пенсильвания попросили подсчитать, сколько часов в неделю они смотрят передачи. Оказалось, что треть из них проводит так более 50 часов.

Кэтрин Морроу из Гринфилда, штат Висконсин, рассказывает о таких детях: «Они очень вялые, сонные, апатичные. Им не хочется думать. Они все бросают, не доводя до конца, и способны лишь автоматически выполнять то, что им велят. Они отвыкли от обычных детских забав, не могут участвовать в спортивных играх и не способны сами придумать, чем бы заняться».

Это об американском телевидении и детях. А как с его взрослыми зрителями?

Подсчитано, что средний американец проводит перед экраном телевизора ежедневно 3 часа 40 минут. Статистика также утверждает, что дети и подростки смотрят телепрограммы гораздо чаще, чем взрослые. Но если даже и для несовершеннолетних принять среднюю ежедневную норму за 3 часа 40 минут, то станет ясно, что телеэкран стал в США для подрастающего поколения второй школой. В самом деле, к 18 годам американец имеет за плечами уже свыше 20 тысяч часов «телестажа», вернее, телевизионного образования.

Это на заре жизни. А с годами, когда окончена школа, а то и университет, телевизор продолжает учить американцев жить. Конечно, первоначальная его цель — развлечение, но широкий диапазон программ (от новостей до спорта), нашпигованных назидательной рекламой, делает телевизор самым главным учителем американца, наставником, формирующим общественное мнение и художественный вкус. По мнению социологов, именно телевидение играет главную роль в формировании общественного мнения и художественного вкуса американца. В этом смысле оно сильнее школы, университета, печати и церкви. «Самой влиятельной силой американской общественной жизни» назвал телевидение бывший президент США Дж. Форд.

Можно смело утверждать: сегодня ничто не оказывает такого влияния на духовную жизнь всей американской нации, как телевизор. Этот феномен еще предстоит изучить социологам, психологам и, наверное, многим другим специалистам, не исключая психиатров. Здесь непочатый край работы. У этих же заметок цель проще — поделиться некоторыми впечатлениями об американском телевидении наших дней.

Американское телевидение работает в сутки более двадцати часов (передачи начинаются в половине шестого или в шесть, а последний фильм заканчивается около четырех часов утра), программы передаются по нескольким каналам. Заполнить все это время полноценной продукцией, наверное, просто невозможно, да и стремления к этому идеалу, сказать откровенно, не наблюдается. На то свои причины. О некоторых из них ниже пойдет речь. А сначала немного о том, как построена система американского телевидения.

Всю страну обслуживают три телекомпании — «Америкэн бродкастинг компани» (Эй-би-си), «Нэшнл бродкастинг компани» (Эн-би-си) и «Коламбия бродкастинг систем» (Си-би-эс). Это три таких гиганта, по сравнению с которыми другие начинания в этой области практически в счет не идут. Характерная черта деятельности этой троицы — конкуренция между ними.

Постоянно ведется учет телезрителей всех трех сетей. С этой целью выборочно, по специально разработанной системе в разных домах к телевизорам подключаются специальные устройства, они фиксируют, по каким каналам смотрятся программы. Полученные данные, так называемый индекс Нильсена, и определяют успех той или иной компании в целом, той или иной передачи в частности. Делается это отнюдь не для морального удовлетворения телемагнатов. Все упирается в конечный продукт их деятельности — доллар, только он является мерилом конкуренции. На полученные данные, на индекс Нильсена, тут же чутко реагирует биржа, одни акции идут вверх, другие — вниз. Так же чутко реагируют и дельцы, рекламирующие свою продукцию на телеэкранах. Они спешат купить время на рекламу именно у той телекомпании, какая идет впереди других, какую сегодня смотрят больше зрителей. А лидер, первый из трех, сразу повышает цены на рекламу, берет с бизнесменов за нее больше, чем два отстающих от него соперника. Профессор Колумбийского университета Фред Френдли, работавший ранее режиссером и президентом отдела новостей Си-би-эс, свидетельствует: «Уолл-стрит обнаружил, что можно хорошо зарабатывать на телевизионных акциях. Но трагедия состоит в том, что Уолл-стрит обнаружил также Нильсена и размеры собираемой аудитории, и очень скоро главным фактором эфира стала странная формула. Биржа начала следить за размерами аудитории, а также за продажей рекламного времени, предполагаемыми доходами, объемом новостей и серьезных передач в расписании, определяя телевизионное меню американцев». Неплохой анализ того, как бизнес превращает эфир в золото и как ему в высшей степени наплевать на качество телепродукции!

В своем сентябрьском номере за этот год журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» сообщает, что нынешней осенью телерынок будет поделен между тремя «китами» так: Эй-би-си — 36,6 процента, Си-би-эс — 32,6, Эн-би-си — 30,8 процента. Обозреватели считают, что захватившей лидерство Эй-би-си предстоит царить на телеарене по меньшей мере еще лет десять. Для такого прогноза есть основания; например, к исходу 1977 года из десяти самых популярных развлекательных программ, демонстрировавшихся тремя компаниями, семь принадлежали Эй-би-си.

В ходе не затихающей ни на минуту жестокой борьбы между тремя соперниками головы летят, как на настоящей войне. Владельцы Си-би-эс перетрясли руководство телесетью, в Эн-би-си уволили около четырехсот человек. Продюсер этой компании Норман Лир сказал: «Много говорят о демонстрации насилия на телеэкране. Его больше в самих телекомпаниях, чем в их программах. Оно начинается с той борьбы, которая ведется за первое место».

За жестокой конкуренцией, повторяем, стоит одно движущее начало — погоня за прибылью. И только! Качество телепродукции от нее не улучшается, а скорее ухудшается, ибо самая популярная программа, рассчитанная на самый средний, массовый вкус, — отнюдь не самая лучшая с точки зрения настоящего искусства. Бывший вице-президент Эн-би-си Гарри Баннистер пишет: «Я еще ни разу не слышал, чтобы программа провалилась из-за низкого уровня; но я знаю много передач, не имевших никакого успеха только потому, что они «слишком высоко метили». Аналогичные мысли высказывает и уже цитировавшийся нами выше Фред Френдли: «Заполняя эфир, экономически выгодная посредственность (причем выгодная лишь на короткий срок) создает определенные вкусы. Она формирует запросы нации, подобно тому как реклама влияет на наш выбор продуктов питания, сигарет и автомобилей».

С любопытными рассуждениями на ту же тему выступил журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». Уже само название его редакционной статьи говорит о многом: «Телебессмыслица, а то и хуже...» В ней констатируется: «Перетасовка кадров в верхних эшелонах Си-би-эс и Эн-би-си в связи с тем, что они отстают от Эй-би-си, еще раз показывает, какие людоедские законы царят на телевидении.

Главная их пружина — погоня не за качеством продукции, а за количеством телезрителей». Так по-деловому главный орган деловых людей США определяет ситуацию. Журнал пишет, что работники телевидения могут оправдать самую банальную программу, потому что, с их точки зрения, именно она нужна зрителю. При этом, подчеркивает «Ю. С. ньюс», создатели таких программ думают только о том, как бы им сохранить свое собственное место в телекомпании, как бы не потерять работу. Все стремятся к тому, чтобы обойти двух других конкурентов по количеству «своих» телезрителей. А это значит, как пишет журнал: «Быть первым в бессмыслице и дурном вкусе». Для характеристики создавшегося положения этот солидный и обычно выдержанный журнал находит выражения и посильнее: «Власти никогда не позволили бы никому зарабатывать миллиарды долларов на загрязнении наших рек и озер, но власти и бровью не пошевелят, наблюдая, как коммерческие телекомпании накачивают в американские дома телегрязь и отравляют американцев, получая при этом миллиардные прибыли».

Известный американский сатирик Арт Бухвальд в одном из своих фельетонов так рисует положение дел: «В США родился новый вид спорта: подсчет телезрителей. Каждую неделю газеты публикуют его результаты, определяя, какую телесеть смотрит больше всего зрителей. Поскольку соперников только трое, игра эта очень скучна. Единственное, что в ней привлекает ее любителей,— это возможность наблюдать за тем, сколько еще падет голов сотрудников телевидения. В футболе, где много разных команд, первое, второе и третье места почетны. Но в мире телевидения иначе: первое место — это все блага на свете, второе — унизительно, третье — позорно».

Людоедские нравы в телевизионных джунглях прочно вошли в американскую действительность. Они ярко отражают суть конкуренции — волчьего закона частного предпринимательства, закона капитализма. Сложные перипетии сражений за прибыли на телеарене породили много произведений в литературе и кино. В них рассказывается о жестокой борьбе телекомпаний за зрителя, то есть за деньги, о жестокой борьбе за очередную ступеньку на служебной лестнице (то есть опять-таки за деньги), об иссушающей мозги и душу изнурительной работе людей, обменивающих свой талант на деньги и в результате теряющих его. В то же время в таких произведениях обычно рисуется и роскошная жизнь тех, кто преуспевает на телевидении, перед читателем и кинозрителем открывается мир, населенный прекрасными, обольстительными женщинами и оригинальными мужчинами с сильными характерами; правда, эти мужчины и женщины ведут себя, мягко говоря, непристойно; весьма убедительно в таких произведениях показывается и то большое влияние, какое телемагнаты оказывают на жизнь всей нации, влияние, основанное и на самом факте работы их телесетей и на финансовом могуществе.

Таким художественным произведением о телевидении является фильм «Телесеть», признанный в США одним из лучших американских фильмов последних лет. Вот его сюжет. С тремя телекомпаниями ведет борьбу четвертая — Ю-би-эс. Ее ведущий комментатор новостей Бил Говард становится жертвой уже упомянутого нами выше магического индекса Нильсена, который стал свидетельствовать о падении популярности этой телезвезды. Беда никогда не приходит одна, в личной жизни у Била Говарда тоже неприятности. В отчаянии он вдруг объявляет во время своей программы, объявляет с экрана на всю Америку, что ему надоело заниматься глупой болтовней и что он решил застрелиться. Руководство Ю-би-эс в ужасе и смятении, но глава отдела новостей телекомпании Даяна Кристинсен находит способ и на этом скандале сделать бизнес, деньги. Оказывается, откровение комментатора вновь пробудило интерес телезрителей к нему, об этом тут же поведал индекс Нильсена. Ловкая Даяна предложила устроить специальное представление с участием Била Говарда, такие программы в США называются шоу. Политический комментатор превращается в клоуна. Но снова его популярность начинает падать. Тогда Даяна изобретает дьявольский план все с той же целью — увеличить прибыли компании. Она предлагает организовать убийство Била во время передачи, чтобы телезрители увидели гибель комментатора. Задумано — сделано. На глазах у миллионов зрителей, вернее, на миллионах цветных экранов, разыгрывается страшная сцена: наемные убийцы всаживают в Била несколько пуль. Он погибает, убийцы скрываются, индекс Нильсена тут же свидетельствует о росте популярности программ телекомпании.

Как и многие фильмы, лента «Телесеть» сделана по роману. На его обложке, по американскому обычаю, дается краткая аннотация, вот она: «За кулисами телевизионных корпораций — страны чудес — мы видим извлеченные из грязного белья новости, косметические улыбки, позирование перед публикой... Это живая история комментатора, который утрачивает популярность, но неожиданно нападает на уникальную формулу успеха, это рассказ о возглавляющей отдел новостей красавице и потаскухе, пробивающей себе дорогу с помощью роскошной фигуры и этики дворовой кошки». Этот комментарий-концентрат вполне применим не только к роману о телекорпорации, но и к реальным телесетям.

Несколько приведенных выше американских высказываний об американском телевидении принадлежат отнюдь не прогрессивным авторам. Чего стоит, например, резкое мнение органа бизнесменов «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»! Его в излишней предвзятости к американскому образу жизни не заподозришь. Но все же нельзя называть всю телепродукцию бессмыслицей, как это делает журнал. Я бы сказал иначе, мягче: общий уровень качества программ американского телевидения оставляет желать лучшего, но в его продукции, несомненно, встречаются и вполне достойные программы, их качественный диапазон чрезвычайно широк.

Весьма популярным жанром американского телевидения является разговорный. Выступление комментатора, интервью, беседа сразу нескольких человек, выступления приглашаемых в студию специалистов, общественных деятелей — вот что я подразумеваю под этим жанром. И даже во время самых популярных шоу, составляемых из разных номеров, ведущий (нечто вроде нашего конферансье, но со значительно большими правами и удельным весом в представлении) очень много беседует с аудиторией и с участниками программы; уходящее на такие разговоры время составляет никак не меньше половины шоу, если не больше!

В выступлениях комментаторов, интервью и беседах прежде всего обращает на себя внимание умение вести непринужденный разговор. Причем этим качеством обладают не только профессионалы — сотрудники телевидения, но и, как правило, их собеседники, представители самых разных слоев общества. Приятно удивляет свободная, раскованная манера поведения перед телеобъективом, которая отличает участников таких программ. Даже во время прямых репортажей не из студии, а с места события застигнутые врасплох люди с улицы обычно отвечают на вопросы телерепортера толково и свободно, без той скованности и смущения, какие могли бы у них появиться при виде телекамеры. Это, наверное, можно объяснить исключительно активным вторжением телевидения в жизнь американского общества, исключительно большим количеством прямых репортажей с места события. Американец привык не только к экрану своего телевизора, но и к непосредственному общению с его сотрудниками, часто и свободно входящими в его дом, посещающими его офис и т. п.

Разговор телекомментаторов с американцами начинается ранним утром, во время передачи последних известий. Эту программу ведут несколько человек, целая телекоманда, состоящая из одних и тех же лиц, к которым зритель уже привык. Они не только сообщают новости, но и беседуют между собой, обращаются к телезрителям. В эту программу включается несколько комментариев на разные темы и, разумеется, несколько прямых репортажей с места событий. Продолжается она целый час, и тут же затем идет ее как бы вторая серия, тоже на час. У корпорации Эй-би-си эта передача называется «Доброе утро, Америка», у Эн-би-си — «Сегодня», у Си-би-эс — «Новости». Большое внимание уделяется в этих программах погоде, несколько раз во время передачи сообщаются основные данные на сегодня и к тому же дается подробный прогноз; при этом комментатор демонстрирует несколько различных карт и схем, а также фотографии, сделанные со спутников. И даже этот специализированный обзор ведется в живой манере, в контакте с невидимым зрителем. Разговорный жанр занимает основную часть телевизионного времени утром и днем, а к вечеру на смену комментаторам и их собеседникам приходят фильмы, развлекательные программы, спорт.

Ежедневно с утра по всем трем главным программам идут детские передачи: мультфильмы, кукольные представления, спектакли. Среди них несколько традиционных, к которым маленький зритель уже привык и ждет их. Нередко эти программы отличаются большой изобретательностью, высоким профессиональным мастерством их постановщиков и исполнителей. Многие взрослые любят смотреть такие детские передачи, которые блещут весельем и остроумием. И тут можно отметить такой явный парадокс телевидения США: этот главный учитель американской нации неплохо начинает свое дело, обращаясь к самой юной аудитории, а затем, когда он переходит к общению с более старшими возрастными категориями, его словно подменяют. Разумеется, есть у него удачи и в программах для взрослых, но в целом их общий уровень нельзя даже сравнить с детскими передачами.

С утра начинаются и всевозможные беседы со зрителем, главным образом на религиозные и медицинские темы, а также на общественно-политические, международные, правовые, воспитательные и другие. Обычно их ведет комментатор в окружении двух-трех собеседников, приглашенных на студию со стороны.

С утренних новостей начинаются и интервью, их берут у самых разных лиц сотрудники телевидения, при этом они проявляют весьма незаурядное мастерство, добираясь до сути нужной им темы, смело (а зачастую просто нахально) вторгаются во внутренний мир и личную жизнь своих собеседников. Именно успех в жанре интервью делает из рядового комментатора телезвезду.

Такие звезды телевидения исключительно популярны в стране. Они зарабатывают по нескольку сот тысяч долларов в год. Больше всех получает звезда компании Эй-би-си Барбара Уолтерс — один миллион долларов в год. Она мастерски берет интервью у самых разных людей, большинство из которых весьма недоступны. К тому же ее собеседники обычно кое-что значат в своих сферах и кое-что знают, и Барбаре Уолтерс, несомненно, приходится очень много работать перед каждым своим интервью.

Вслед за обилием разговорного жанра на американском телевидении обращает на себя внимание большое количество прямых репортажей с места событий и их высокое качество с чисто профессиональной точки зрения. В последние годы особенно впечатляющими среди таких передач были репортажи об освоении космоса. В них американцы достигли большого совершенства. Скажем, как только возвращающийся на Землю летательный аппарат с космонавтами выходит из плотных слоев атмосферы, он тут же попадает в поле зрения телевидения, то есть, значит, и на экраны телевизоров. Затем вся сложная, порой насыщенная драматизмом процедура приводнения и выхода космонавтов на борт встречающего их корабля проходит перед взорами миллионов телезрителей. Высоко и качество передач, ведущихся из космического пространства.

Все рекорды длительности прямых репортажей и привлечения к ним десятков миллионов зрителей телевидение США побило при освещении уотергейтского дела. Как известно, летом 1972 года, в ходе избирательной борьбы за Белый дом, разразился политический скандал невиданной силы, названный уотергейтским делом (Уотергейт — место происше-

ствия.— В. Н.). Президентом США тогда был республиканец Никсон. С его ведома в штаб-квартиру демократической партии ночью были засланы профессиональные шпионы, чтобы выведать планы демократов на избирательную кампанию. Налетчики засыпались и попали в полицию. Началось расследование. Оно тянулось очень долго, так как Никсон и его окружение пытались замять скандал, а политические противники Никсона, наоборот, раздували его. В результате Никсону пришлось уйти из Белого дома, а организаторы ночного налета попали за решетку (правда, на сроки минимальные и в условия с весьма щадящим режимом). В США такого рода политических скандалов хоть отбавляй, но по своим масштабам уотергейтское дело все их превзошло. Причем телевидение, несомненно, во многом способствовало тому, что им так заинтересовалась Америка.

Мне довелось наблюдать, как вся страна часами сидела у экранов телевизоров, когда шел прямой репортаж с заседаний сенатской комиссии, расследовавшей это дело. В успехе этих передач опять-таки важную роль сыграло умение американцев поговорить перед телеобъективом. Они сами устроили для себя грандиозное шоу и сами им наслаждались. Не только сенаторы и адвокаты, но и обвиняемые, и их родственники, и свидетели — все отменно исполняли свои партии в шоу «уотергейтское дело». В нем было много драматических коллизий и смешных моментов, но все его участники, в каком бы затруднительном или, наоборот, выгодном положении они ни находились, постоянно ощущали себя прежде всего именно участниками грандиозного всеамериканского шоу, видели перед собой телекамеры и знали, что каждое их движение и слово ловятся миллионами соотечественников. Мы здесь не разбираем, насколько такая специфика следствия способствует правосудию, скорее всего не способствует, а вредит, но вот заработкам телевизионных корпораций, росту их популярности шоу «уотергейтское дело» очень способствовало.

А главное — за всем блеском и мишурой этой постановки, за тысячами фиксируемых на экране деталей пропадала суть дела, не вскрывались, а, наоборот, плотно заваливались словесной шелухой социальные корни скандала. Из такой лавины информации зерна социальной истины надо было выбирать, словно радий из руды. Так прямая передача расследования уотергейтского дела и превратилась для большинства зрителей в очередную многосерийную развлекательную программу. В такое же своеобразное политическое шоу превращаются телепрограммы, посвященные избирательным кампаниям. Их постановщики находятся за кулисами партийных съездов, там же (а не перед телеобъективом!) на самом деле решаются и политические судьбы. Постановка такого политического шоу, как и обычного, развлекательного, обходится недешево: главные политические партии США, республиканская и демократическая, расходуют на телевидение десятки миллионов долларов. Есть в этой связи политики с телевидением одна характерная черта, о которой президент Йельского университета Брустер говорит так: «Концентрация экономического и политического могущества, власть над общественным мнением создают нечто вроде замкнутой цепи. Политики вынуждены брать деньги у корпораций, чтобы платить вещательным сетям за время на телевидении, которое стоит очень дорого. Корпорации, обеспечивающие телевидение рекламой, задают тон вещательным сетям. А вещательные сети должны сотрудничать с влиятельными политиками, чтобы гарантировать за собой лицензии на право владения станциями». Зависимость телевидения от «экономического и политического могущества» приводит к такой ситуации, при которой известный американский журналист Р. Макнейл называет телевидение машиной, посредством которой ныне убеждают и околпачивают американский народ, машиной для отключения аудитории от неприятных реальностей, а затем для продажи дезодоранта.

Конечно, уже банально говорить о рекламе на американском телевидении, но никуда от этого не уйдешь. За нее дельцы платят большие деньги. Чем популярнее программа, в которую вставляют рекламный ролик, тем больше денег переводит бизнесмен на счет телекорпорации. Даже самые драматические моменты прямых космических репортажей прерываются рекламой! Что уж там говорить о фильмах, шоу и других программах! Фирмы платят несколько десятков тысяч долларов за минуту рекламного времени. Телевизионно-рекламный бюджет одной только фармацевтической промышленности составляет 100 миллионов долларов в год. А сколько других отраслей бизнеса рекламируют свои товары по телевидению! Вот так и складываются миллиардные прибыли телекорпораций. Реклама занимает на телевидении 12—14 минут в час. А минутная рекламная вставка в финальной футбольной встрече стоит до 300 тысяч долларов! Следует учесть, что в последние годы одно рекламное объявление на телевидении, как правило, стало занимать не минуту, а тридцать секунд, то есть интенсивность напора рекламы на зрителя удвоилась.

Назойливость коммерческой рекламы, конечно, очень раздражает. И, как видно, не только людей, которые к ней не привыкли. Так, профессор Роберт Хатчинс, бывший ректор Чикагского университета, пишет: «Телевидение могло бы стать новым мощным орудием просвещения. Вместо этого нам продают мыло, пиво и развлекательные программы, составленные с одной целью: держать зрителя в постоянном напряжении от одной рекламной вставки до другой. Использование книгопечатания только для производства комиксов — вот какие ассоциации вызывает американское телевидение».

Реклама не только раздражает. Это было бы еще полбеды. Она затягивает американца в водоворот потребительской философии. Профессор Гарвардского университета О. Тейлор пишет, что «американцы набивают себе головы кадрами благополучной жизни, интересуются только предметами потребления и не задаются вопросами о положении дел в собственной стране и в мире вообще». Не все, конечно, американцы подпадают под это профессорское определение, но факт остается фактом: реклама, доведенная до таких масштабов, не может не оказывать того вредоносного действия на аудиторию, о котором пишет О. Тейлор.

Реклама на телевидении всесильна. Она, несомненно, влияет не только на формирование вкусов и житейской (потребительской) философии зрителей, но и на качество самих телевизионных программ. Ведь есть такая старая истина: кто платит, тот и заказывает музыку. Любопытно, что на том же американском телевидении существует и такой род «рекламы»: «Этот фильм будет прерываться рекламой всего только один раз!» Значит, по телевидению показывают уже нечто эпохальное, из ряда вон выходящее. Как ребенок в чреве матери связан с ней пуповиной, так и американское телевидение связано через рекламу с бизнесом. Известный американский обозреватель Уолтер Липпман отмечал: «Хотя предполагается, будто телевидение «свободно», оно, в сущности, является креатурой, служанкой и, более того, проституткой торговли».

Сами американцы считают одним из главных недостатков своего телевидения его пристрастие к теме насилия. В 1977 году во Флориде произошел случай, еще раз привлекший внимание всей страны к этой проблеме. Один подросток совершил зверское убийство, попал под суд. Его адвокат построил защиту на том, что на преступление парня толкнуло американское телевидение. Такая тактика защиты оказалась очень убедительной и привлекла самое широкое внимание. Правда, суд не согласился с адвокатом, но общественность страны еще раз подняла свой голос против разгула насилия на телевизионных экранах.

Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» приводит такое любопытное высказывание одного психиатра: «В нашей клинике один из пациентов ударил служащего по голове бильярдным кием и безмерно удивился, когда тот упал и не смог подняться. Пациент никак не мог понять, почему человек свалился замертво, потеряв сознание, в то время как на телеэкранах люди без конца бьют друг друга по голове, падают, но тут же вскакивают на ноги». О другом следствии телевизионного насилия сообщает Джордж Гербнер из Пенсильванского университета. Он пишет, что у многих американцев, особенно пожилых, под воздействием телепрограмм появляется чувство страха и незащищенности, с которым они постоянно живут.

Журнал «Ридерс дайджест» свидетельствует: «Телевидение представляет собой сплошной поток насилия, который накачивают в наши дома». И тут же журнал дает объяснение этому феномену: «Поток телевизионного насилия вызван одной причиной: он приносит прибыль». Приносит он и другое: за период обучения в школе юный американец наблюдает по телевидению в среднем 18 тысяч (!!!) убийств. Это официальная цифра. Она взята из доклада «Насилие в телевидении», его составила в 1977 году подкомиссия палаты представителей по средствам связи. «Агрессивность насилия на голубом экране возросла,— говорится в этом документе.— Сейчас она больше, чем когда-либо раньше».

Американская пресса отмечала, что в 1977 году телекомпании, реагируя на такую критику, чуть уменьшили долю насилия в своих программах, но зато добавили в них секса. «Этот дешевый телесекс унижает человека»,— пишет журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» и продолжает: «Слишком часто секс на телеэкране выглядит унылым, эгоистичным, вероломным, скотским, лишенным всякой нежности». И здесь телевидение делает свое дело. Один из деятелей американского телевидения, Элиот Дэли, констатирует: «Подросткам чуждо обожествление сексуальных сторон человеческой жизни. Они не признают добродетели в отношениях между мужчиной и женщиной. Таковы уроки телевидения, для которого секс — это просто еще одна из сфер рынка».

Вспомним о том, о чем мы говорили в начале наших заметок: к 18 годам американец имеет за плечами более 20 тысяч часов телевизионного образования, то есть среди всего прочего он за это время увидит тысячи убийств, пыток, сцен насилия... Какая нормальная человеческая психика не понесет при этом ущерба!

В США ежедневно транслируется большое количество телепрограмм. Их анализ — дело чрезвычайно трудоемкое, в этом океане можно потонуть. Что сразу бросается в глаза? Прежде всего тема насилия приобрела современный, космический уклон. По-прежнему хватает уголовщины. Очень популярны постоянные шоу. Ведущие такие шоу актеры известны каждому. Кстати, здесь необходимо подчеркнуть отличительную особенность американских многосерийных передач. Их создатели стремятся не просто сделать, скажем, 20—30 серий, но и запустить серию на несколько лет. Так, воскресные вечерние шоу Эда Салливена продержались в эфире 23 года.

Разговорный жанр, как мы уже отмечали, занимает ежедневно на экране много времени. В борьбе за зрителя-слушателя разные компании изощряются в поисках тем, что приводит порой к странным находкам. Вытаскивают, например, в студию бывшую королеву стриптиза и подробно расспрашивают о ее жизни. Такую передачу устроила компания Эй-би-си, и без того намного обгоняющая своих конкурентов. Шерри Бриттон, женщина средних лет, отвечая на вопросы комментатора, рассказала, как она с 15 лет занялась этим ремеслом. Иного выхода у нее не было, заела бедность, выросла она в детском доме. Комментатор, как обычно, не щадит свою собеседницу и не смущается сам. Среди его не всегда скромных вопросов был и такой: «Вы не припомните, когда и при каких обстоятельствах потеряли невинность?» В этой беседе примечательно и такое обстоятельство: Шерри Бриттон, жизнь которой начиналась так тяжело и нескладно (она говорит, что ей всегда было противно ее ремесло), в настоящее время является преуспевающим человеком, у нее есть свой дом, семья. Она добилась всего, чего с детства была лишена. Добилась своим трудом, пусть и весьма специфическим. Какую же мораль можно извлечь из этой передачи?

В 1977 году впервые за всю историю американского телевидения количество его зрителей уменьшилось. Многие специалисты считают, что эта тенденция будет теперь постоянной. Похоже, что главный учитель американской нации начинает терять свой авторитет.

Доменико Фетти. Ок. 1588—1623. ПРИТЧА О ПОТЕРЯННОЙ ДРАХМЕ.

Дрезденская картинная галерея.

Никола Пуссен. 1594—1665. СПЯЩАЯ ВЕНЕРА И АМУР.

Дрезденская картинная галерея.

Росс **МАКДОНАЛЬД**

СЛЕДЫ ВЕДУТ В ЭЛЬ РАНЧО

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. **ПИНКИСЕВИЧА**

Прошел час. Сьюзен приготовила мне бифштекс и сама съела кусочек, впрочем, без аппетита. Мы сидели за столом и говорили о том о сем. Время шло, и мое беспокойство о Томе росло.

— Томас Гарли,— наконец громко сказал я.— Томас Хиллман... Он знал, что Ральф Хиллман не его отец, и считал себя подкидышем. Он бросил приемных родителей и отправился искать настоящих... Очень и очень жаль, что ими были Гарли.

— Но ты совершенно уверен, что он ребенок Гарли?

— Все соответствует тому, что мне известно о нем, и, кстати, делает понятным, почему Ральф Хиллман пытается скрыть свой интерес к Кэрол. Он не хотел, чтобы кто-нибудь узнал об усыновлении ребенка.

— Но почему?

— Он скрывал это от всех, даже от Тома. Видимо, он немного помешался на этом.

— Представь, у меня сложилось такое же впечатление... Послушай, Лу, а ты не думаешь, что он в самом деле сошел с ума и убил Кэрол?

— Возможно, но маловероятно... О чем он говорил с тобой сегодня за завтраком?

Сьюзен брезгливо поморщилась:

— Спустя восемнадцать лет решил осчастливить меня.

— Я что-то не понимаю.

— Предложил выйти за него замуж. Вполне в духе наших нынешних нравов: готовить новый брак еще до того, как разделаются со старым.

— Мне не нравится слово «разделаются». Он не говорил, как намерен поступить с Элейн?

— Нет,— с беспокойством взглянула на меня Сьюзен.

— И что же ты ему ответила?

— Что буду ждать более приемлемого предложения.

Зазвонил телефон, и я взял трубку.

— Арчер слушает.

— Это доктор Вейнтрауб.— Судя по голосу, Вейнтрауб утратил свое обычное хладнокровие.— Я только что пережил несколько весьма неприятных минут, и...

— Вы видели Тома Хиллмана?

— Да. Он пришел ко мне, когда я уже собирался уходить домой, и задал мне, собственно, тот же самый вопрос, что и вы.

— И что же вы ответили, доктор?

— Он хотел знать, действительно ли Майк и Кэрол Гарли его родители, и я ответил: «Да».

— А он?

— Ударил меня, разбил мне очки и убежал.

— Вы сообщили полиции?

— Нет.

— Сообщите сейчас же и назовите его настоящую фамилию.

— Но его отец... его приемный отец запретил бы мне...

— Доктор, я прекрасно понимаю, как чувствует себя человек, когда ему приходится иметь дело со своим бывшим командиром. Ведь он был когда-то вашим командиром, не так ли?

— Так.

— Но теперь-то он не ваш командир, и вы не должны позволять ему решать за вас. Вы заявите в полицию, или я сделаю это сам?

— Я свяжусь с полицией, я понимаю, что мы не можем оставлять юношу на произвол судьбы в таком состоянии.

— А в каком он состоянии?

— Я уже говорил: он очень взволнован, расстроен и ведет себя очень буйно.

Я подумал, что, учитывая наследственность Тома, вряд ли следует этому удивляться.

Попрощавшись с Сьюзен, я по Уилтширскому бульвару поехал в Уэствуд. Мне хотелось поспеть на автобусный вокзал в Санта-Монике в девять, когда должен будет появиться Том, но у меня еще оставалось время повторить попытку с Беном Дэли, и я решил завернуть на бензозаправочную станцию.

Дэли мрачно посмотрел на меня с порога своей конторки.

— Бен, вы можете уделить мне минуту? — обратился я к нему.— Возможно, с вашей помощью удастся распутать преступление в «Барселоне».

— Вы что, хотите, чтобы я опять убил кого-нибудь?

— Я хочу, чтобы вы опознали одного человека.— Я быстро достал фотографию Дика Леандро и вложил ее в руку Дэли.— Вы когда-нибудь видели его?

Дрожащей рукой Дэли поднес фотографию к глазам и с минуту всматривался в нее.

— Возможно, видел, хотя с полной уверенностью не скажу,— ответил он.

— Когда?

— Вчера вечером. Кажется, именно он приезжал сюда, в гостиницу.

— С девушкой в новом синем «шевроле»?

— Да. Но подтвердить свои слова под присягой я не соглашусь.

ГЛАВА XXIV

Автобусный вокзал в Санта-Монике находился на боковой улице недалеко от Уилтширского бульвара. Без четверти девять я поставил машину у тротуара и вошел в вокзал. Стелла была уже там. Она сидела у прилавка буфета в позе, которая позволяла ей наблюдать за всеми дверьми. Увидев меня, она низко наклонилась над чашкой кофе в надежде, что я не замечу ее. Я сел рядом, и Стелла со стуком поставила чашку на прилавок. Кофе, покрытый сероватым налетом, очевидно, давно уже остыл.

— Сейчас же уходите! Вы испугаете Томми,— прошипела она, не глядя на меня, как делается в плохих шпионских кинофильмах.

— Он же меня не знает.

— Но Томми просил, чтобы я приехала одна. А вы к тому же здорово смахиваете на полицейского.

— Разве Томми боится полицейских?

— Вы бы тоже боялись, если бы вас посадили под замок, как его.

— И тебя посадят, если будешь убегать из дому.

— Ну уж дудки! — воскликнула Стелла, покосившись на меня.— Этого я не допущу. Сегодня мы с отцом ездили к врачу-психиатру, он хотел узнать, не отправить ли меня в «Забытую лагуну». Женщина-врач сказала, что я здорова, а когда они с отцом занялись разговором, я ушла, взяла такси и как раз успела к автобусу.

— Придется снова отвезти тебя домой.

— Ну вот! — жалобно протянула Стелла.— Выходит, у подростков нет никаких прав?

— Есть. Включая право пользоваться защитой взрослых.

— Я никуда не поеду отсюда без Томми! — крикнула Стелла так громко, что все находившиеся в маленьком помещении обратили на нас внимание, а буфетчица оставила свое место за прилавком, подошла к нам и озабоченно спросила:

— Мисс, он пристает к вам?

— Нет, что вы! Он мой хороший друг,— пробормотала Стелла.

Этот ответ не рассеял подозрений буфетчицы, но все же заставил ее замолчать. Я заказал чашку кофе и, когда буфетчица отправилась выполнять заказ, сказал:

— Без Томми я тоже не уеду отсюда.

Буфетчица принесла кофе, я отошел в дальний конец прилавка и стал медленно прихлебывать из чашки. Часы показывали без восьми минут девять. Ожидавшие начали выстраиваться в очередь на посадку, и я понял, что скоро должен подойти очередной автобус.

Я вышел через переднюю дверь и чуть не столкнулся с Томми, одетым в спортивные брюки и грязную белую сорочку. На его посеревших щеках проступила щетина.

— Извините, сэр,— произнес он и отступил, пропуская меня.

Я не хотел, чтобы Том вошел в помещение вокзала: при попытке увести его оттуда силой он наверняка оказал бы сопротивление, и в скандал вмешалась бы полиция. Нужно было переговорить с ним раньше других, а я не надеялся, что сумею убедить его добровольно поехать со мной.

Все эти мысли промелькнули у меня еще до того, как Том вошел в вокзал. Времени на дальнейшие раздумья не оставалось. Я повернулся к юноше, обхватил сзади за талию, почти бегом донес до машины и, несмотря на его попытки вырваться, опустил на переднее сиденье рядом с собой. Мимо нас по шоссе то и дело проносились машины, но ни одна не замедлила ход, и никто не поинтересовался, что происходит между нами. Так уж теперь у нас повелось, что люди предпочитают не интересоваться чужими делами.

Том без слез всхлипнул — он, конечно, решил, что его попытка сбежать из дому окончательно сорвалась.

— Моя фамилия Арчер,— заговорил

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30—36, 38—41.

я.— Частный детектив, нанятый твоим отцом.

— Он не отец мне!

— Он усыновил тебя и потому отец.

— Нет! Я не хочу иметь ничего общего с капитаном Хиллманом! Как и с вами.

Я заметил у него на одном из пальцев правой руки кровоточащую царапину. Время от времени он прижимал палец ко рту и одновременно посматривал на меня из-под руки. В такие моменты он казался мне совсем юным и беспомощным.

— Я не намерен возвращаться к своим мнимым любвеобильным родителям.

— У тебя больше никого нет.

— Есть я сам.

— Но ты вел себя не очень-то хорошо.

— Очередное поучение...

— Нет, простая констатация факта... Носишься по городу и колотишь почтенных докторов...

— Он заставлял меня вернуться домой.

— Ты все равно вернешься домой, иначе тебе придется жить с бродягами и преступниками.

— Вы намекаете на моих родителей, на моих настоящих родителей. Но моя мать никогда не была ни бродягой, ни преступницей.

— Я не о ней говорю.

— Но и отец был неплохим человеком,— менее уверенно продолжал Том.

— Кто убил их?

На лицо Тома словно надели деревянную маску.

— Мне ничего не известно,— каким-то потускневшим голосом ответил он.— Только вчера, из вечерних газет, я узнал, что Кэрол уже нет в живых, а сегодня прочитал об убийстве Майка... Следующий вопрос?

— Не надо так, Том. Я же не полицейский и не враг тебе.

— С моими «родителями» мне и врагов не нужно. Все, что мой... все, что капитану Хиллману требовалось от меня,— это быть для него мальчиком на побегушках и гороховым шутом. Я устал забавлять его.

— Еще бы не устать после такого трюка с бегством!

Впервые за всю беседу Том посмотрел на меня прямо — со злостью и страхом.

— Я имел полное право вернуться к моим настоящим родителям.

— Может быть. Пока не будем говорить об этом. Но ты не имел права помогать им в вымогательстве денег у отца.

— Он мне не отец!

— Знаю. Зачем ты твердишь одно и то же?

— А зачем вы твердите, что он мой отец?

Да, Том действительно был трудным парнем, однако хорошее настроение не покидало меня: все же я нашел его.

— Ну хорошо,— кивнул я.— Его мы будем называть мистером Иксом, твою маму мадам Икс, а тебя исчезнувшим наследным принцем Франции.

— Не вижу ничего смешного.

Он был прав: ничего смешного во всем этом не было.

— Так вот, возвращаясь к тем двадцати пяти тысячам долларов, которые ты помог им получить обманом. Полагаю, ты отдаешь себе отчет, что стал соучастником серьезного преступления?

— Я не знал о деньгах... Они ничего не сказали мне. По-моему, Кэрол тоже не знала.

— Трудно поверить, Том.

— Но это так. Майк ничего нам с Кэрол не говорил, он лишь упомянул, что должен скоро заключить какую-то сделку.

— Если ты ничего не знал о вымогательстве, почему ты согласился уехать в багажнике его машины?

— Чтобы меня никто не видел. По словам Майка, папа...— На лице Тома появилась гримаса отвращения,— по словам Майка, капитан Хиллман заставил всю полицию искать меня для того, чтобы вернуть в «Забытую лагуну» и...

Видимо, он внезапно вспомнил о своем положении, исподтишка взглянул на меня и ринулся было из машины, но я вовремя схватил его и удержал.

— Том, ты не уйдешь от меня. Если будешь сопротивляться, я надену на тебя наручники.

— Черта с два!

Именно в этот момент из здания автовокзала вышла Стелла с выражением разочарования на лице. Мы увидели ее почти одновременно. В глазах у Тома мелькнуло такое выражение, словно перед ним вдруг возник ангел из навсегда, казалось бы, утраченного рая. Он перегнулся через меня и крикнул:

— Эй, Стелл!

Стелла подбежала к нам. Я вышел из машины, усадил ее рядом с Томом и снова сел сам.

— Мне кажется, что я не видела тебя целую вечность! — воскликнула Стелла.

— И мне тоже!

— Почему же ты не позвонил сразу после ухода из «Забытой лагуны»?

— Я боялся, что ты... что ты начнешь...— Он кивнул в мою сторону.

— Я тут ни при чем, он сам. Во всяком случае, тебе придется вернуться домой. Да и мне тоже.

— У меня нет дома.

— Тогда и у меня нет. Но тебе нужно побриться и принять ванну, от тебя уже попахивает.

Я искоса взглянул на Тома: на лице у него появилось смущенное, глуповатое выражение. Воспользовавшись тем, что уличный поток на минуту прервался, я развернул машину и поехал в южном направлении. Том не протестовал.

Как только мы оказались на шоссе, в хаотическом мире то вспыхивающих, то гаснущих огней, Том заговорил со Стеллой просто и откровенно. Оказывается, несколько недель назад Кэрол позвонила ему по телефону и сказала, что хотела бы его повидать. В тот же вечер он взял «кадиллак» Ральфа Хиллмана, встретился с ней на смотровой площадке около мотеля «Дак», и она рассказала ему историю своей жизни. Хотя и до этого Том не раз испытывал сомнения в своей принадлежности к семье Хиллманов, ему трудно было поверить, что он сын Кэрол. И все же какое-то безотчетное чувство влекло его к ней, общение с Кэрол служило для него чем-то вроде спасательного люка из плотно закрытого суденышка капитана Хиллмана. В конце концов он поверил ей и со временем по-своему полюбил.

— Но почему ты никогда не рассказывал об этой женщине? — удивилась Стелла.— Мне бы тоже было интересно с ней познакомиться.

— Не видел в этом никакой необходимости,— сухо ответил Том.— А потом, сначала я сам хотел узнать ее получше, привыкнуть к мысли, что у меня теперь есть настоящая мать. Дальше мне предстояло принять какое-то решение, так как она собиралась уйти от отца, не могла больше терпеть его дурное обращение. Она сказала, что если не уйдет сейчас, другой такой возможности не представится. У нее не хватало сил и мужества поговорить с ним, и она хотела, чтобы я помог ей. Мать знала, что он замышляет какое-то скверное дело.

— Твое похищение и все остальное? — спросила Стелла.

— Ну, этого она, пожалуй, не знала.

Они совсем забыли обо мне. Том теперь рассказывал, как он впервые встретился с отцом. В течение первой недели Майк вообще не появлялся, предполагалось, что он отправился в Лос-Анджелес искать работу. Однако вечером в субботу они встретились в мотеле.

— Это в тот вечер, когда ты воспользовался машиной?

— Да. Мой па... Хиллман запретил мне брать свои машины. Видишь ли, Кэрол както пролила немного вина в «кадиллаке», Хиллман учуял запах и решил, что я ездил пьяным на его автомобиле.

— Кэрол много пила?

— Изрядно. Особенно вечером в ту субботу. Как и Майк. Я тоже пил.

— Том! Не рановато ли?

— Так мы за ужином. Кэрол приготовила макароны «а-ля Покателло» — она так сказала. Потом она пела для меня старинные песни. Вообще-то было весело,— неуверенно добавил он.

— Как тебе понравился твой отец?

— Вроде бы нравился, пока не напился. Мы немного поиграли в покер, но он ничего не выиграл и бросил карты. Хотел выместить злость на Кэрол, и мы чуть не подрались.

— У вас действительно было весело!

— Во всяком случае, сначала, когда Кэрол пела старинные песни... Потом она рассказывала мне о моем деде в Покателло.

— И на это потребовалась целая ночь? — ехидно поинтересовалась Стелла.

— Да не был я там всю ночь, я уехал часов в десять вечера, сразу после того, как мы чуть не подрались. Я...— Том не решился продолжать, и Стелла поторопила его:

— Ну, ну, что же ты сделал?

— Я уехал из мотеля, остановился на смотровой площадке, где мы впервые встретились с Кэрол, и просидел там часов до двух. Смотрел на звезды, слушал море, шум машин на шоссе... Мне надо было решить, что делать дальше, где в конце концов моя семья. Но я так ничего и не решил.

— Но что все-таки ты делал после двух часов ночи?

— Поехал к Сэму Джекмену, он уже должен был вернуться с работы. Собирался посоветоваться с ним, но понял, что это выше моих сил. Я не мог заставить себя рассказать ему, кто были мои настоящие родители. Возвращаться домой или в мотель мне не хотелось, и я несколько часов ездил где придется...

— И ты перевернул машину, чтобы покончить с собой?

— Я...

Наступило молчание, и на этот раз никто из нас не решился его прервать.

ГЛАВА XXV

Первой я высадил Стеллу. Она не хотела выходить из машины, пока Том не пообещал, что никуда больше не уедет, не предупредив ее.

Из дома выбежал отец Стеллы, обнял дочь, и она прижалась к нему. Возможно, они уже научились кое-чему... Как только дверь за ними закрылась, я развернул машину и снова выехал на шоссе.

...Извилистая асфальтовая дорога вела на вершину небольшого холма, к ярко освещенному изнутри и снаружи дому. Залитые жестким светом оштукатуренные стены и арабские арки с затаившимися в них тенями показались мне театральными декорациями. Несколько театральным выглядело и появление Ральфа Хиллмана, когда он вышел на свет из-под одной из арок. Внешне он вовсе не казался расстроенным и подавленным: совершенно спокойное лицо, тщательно причесанные седые волосы, прямая фигура... На нем была куртка темно-красного цвета с мягким воротником.

— Возвращение блудного сына,— с напускной иронией пробормотал Том.

— Я думал, приехал лейтенант Бастиан,— заговорил Хиллман.

— Вы ждете его?

— Да. Лейтенант хотел показать мне кое-что.

Он увидел Тома, и глаза у него расширились.

— Мой мальчик! — воскликнул он охрипшим от пьянства голосом.— Ты вернулся!

— Ага.

Хиллман торопливо обогнул машину и распахнул дверцу.

— Выходи и дай взглянуть на тебя!

Том нерешительно выбрался из машины. Хиллман положил руки на плечи юноши и повернул лицом к свету.

— Ну, как живешь, Том?

— Нормально. А ты?

— Теперь, после твоего возвращения, превосходно.— Я не сомневался в искренности чувств Хиллмана, но все же в том, как он их выражал, было что-то фальши-

вое. Я заметил, как вздрогнул Том от прикосновения Хиллмана.

Из дома вышла Элейн Хиллман. В ярком электрическом свете ее лицо показалось мне более морщинистым, чем обычно, и таким белым, словно кто-то стер с него все естественные краски. Только глаза ее ярко блестели. Она была такой маленькой и худенькой, что вполне могла сойти за подростка.

— Вы вернули его нам, мистер Арчер. Да благословит вас бог!

Миссис Хиллман положила свою руку на мою и разрешила подвести к Тому. Он стоял как послушный сын, а она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в грязную щеку. Едва дождавшись конца процедуры, Том попятился, прислонился к машине, сунул большие пальцы за пояс брюк и застыл. Вот так обычно стоят у своих машин где-нибудь на обочине шоссе подростки, когда их допрашивают полицейские. Лишь отдаленный шум на дороге нарушал воцарившееся молчание.

— Бессмысленно лицемерить дальше,— заговорил наконец Том.— Я знаю, кто я. Майк и Кэрол были моим отцом и матерью. И вы это знали.

— Только не я,— быстро ответила Элейн.

— Но ты же знала, что у меня есть настоящая мать?

— Да, конечно.

Она тоскливо посмотрела на мужа, но тот молча отвернулся.

— Я не могу больше оставаться здесь!— с отчаянием произнес Том.— В течение всех этих лет вы ломали комедию, а когда я в чем-нибудь нарушал ваши порядки, вся вина ложилась на меня.

— Но я бы сказал, что все обстояло как раз наоборот,— обрел голос Хиллман.

— Да? Значит, по-вашему, я снова совершил плохой поступок, бежав от вас? Ну что ж, наказывайте меня!

— Никто не собирается тебя наказывать,— возразил Хиллман.— Но попытка убийства — это нечто такое, на что сквозь пальцы не посмотришь.

— Попытка убийства?! — с возмущением воскликнул Том.— Чушь!

— Не смей так разговаривать со мной!— вздернул подбородок Хиллман.

— Или ты опять упрячешь меня в «Забытую лагуну», к этой банде психов?

— Этого я не говорил.

— Верно. Но однажды уже сделал.

— Вероятно, я поступил необдуманно.

— Да, да! — вмешалась Элейн.— Твой отец поступил необдуманно. Давайте забудем все, пойдем домой и снова станем друзьями.

— Не отец он мне!— упрямо тряхнул головой Том.

— Но друзьями-то мы можем быть, правда? — В голосе миссис Хиллман прозвучали просительные нотки.— Разве мы не можем забыть плохое, радоваться, что оно позади и что мы опять вместе?

— Не знаю... Мне бы хотелось куда-нибудь уехать на время, пожить одному, подумать.

— Вздор! — крикнул Хиллман, но тут же пожалел о своей вспышке, подошел к Тому, положил руку ему на плечо и примирительно заметил: — А знаешь, пожалуй, это неплохая мысль. Как воспитанные люди, мы вполне можем обо всем договориться. Помнишь, мы с тобой собирались отправиться в следующем месяце в наш охотничий домик в Орегоне? Почему бы не ускорить поездку?

Том слушал без всякого интереса. Не дожидаясь его ответа, Элейн взяла мужа под руку и повела в дом. Мы пошли за ними. У двери нас встретила миссис Перес. Она ласково поздоровалась с Томом, и он ответил ей довольно сердечно. Узнав, что Том хочет есть, она бодро умчалась на кухню. В ярко освещенном холле Хиллман внимательно осмотрел юношу.

— Тебе надо сейчас же подняться к себе, помыться и переменить костюм.

— Сейчас же?

— Это просто пожелание,— миролюбиво отозвался Хиллман.— К нам должен приехать лейтенант Бастиан из полиции, и мне бы хотелось, чтобы ты больше походил на себя.

— И он возьмет меня с собой? За этим и едет?

— Нет, насколько это будет зависеть от меня... Знаешь, я, пожалуй, поднимусь вместе с тобой.

— Я и сам могу переодеться.

— Но надо же посоветоваться, что сказать ему. Зачем без надобности совать шею в петлю...

— А я скажу ему правду, и все!

Том направился к лестнице. Элейн и Ральф провожали его взглядами, пока он не скрылся наверху, и некоторое время прислушивались к удаляющимся шагам.

Мы перешли в гостиную. Хиллман достал из бара бутылку, налил себе вина и с наполненным стаканом вернулся к нам, напоминая актера, выходящего из-за кулис на авансцену.

— Неблагодарные сыновья похожи на зубы змия,— процедил он.

— Если ты пытаешься цитировать из «Короля Лира»,— сидя на кушетке, сухо заметила Элейн,— то следовало бы сказать так:

Чтобы она могла понять, насколько
Больней, чем быть укушенным змеей,
Иметь неблагодарного ребенка! *

Но твоя цитата не совсем уместна, поскольку Том не мой ребенок. Ты бы лучше вспомнил слова Эдмонда из той же пьесы:

Храните, боги, незаконных впредь! *

Хиллман залпом выпил вино и, пошатываясь, несколько раз прошелся по комнате.

— Почему не едет Бастиан? — раздраженно бросил он.— Скорее бы отделаться от него... Я ожидал сегодня вечером Дика, но он, видимо, нашел что-то более интересное. До чего же тяжко у нас тут, в доме!

— Это я знаю уже много лет, и уже много лет — ради Тома — делаю вид, что под этой крышей царят мир и благодать. Забавно, не так ли?

— Не вижу ничего забавного,— буркнул Хиллман.

Ничего забавного не видел и я.

Наконец появился Бастиан. Он вошел в

* Перевод Б. Пастернака.

холл с черной металлической коробкой, был мрачен, и даже новость о том, что Том дома, не улучшила его настроения.

— Где он?

— Купается,— ответил Хиллман.

— Я должен переговорить с ним. Мне нужны его подробные показания.

— Только не сегодня, лейтенант. Вы же знаете, сколько пережил парень.

— Но он у нас самый важный свидетель.

— Понимаю. Завтра он вам все подробно расскажет.

Бастиан посмотрел на меня. Мы стояли у самых дверей, и Хиллман явно не собирался пускать его дальше порога.

— Я рассчитывал на лучшее отношение, мистер Хиллман.

— Не читайте мне нотаций, лейтенант! Мой сын дома, и вернулся он не благодаря вам.

— Вы не совсем правы,— вмешался я.— Мы работаем вместе с лейтенантом Бастианом, и, надеюсь, наше сотрудничество продолжается.

Хиллман перевел взгляд на меня, и я подумал, что сейчас он выставит за дверь нас обоих.

— Вы хотите показать нам что-то, лейтенант? — спросил я.

— Да.— Он поднял коробку.— Вы, Арчер, уже видели, а вот видел ли мистер Хиллман, я не знаю.

— О чем вы толкуете?

— Сейчас узнаете. Мы можем присесть за стол?

Хиллман провел нас в кабинет, усадил за стол и включил лампу под зеленым абажуром. На стол упало яркое пятно света, а комната и наши лица погрузились в зеленоватую тень. Бастиан открыл коробку. В ней лежал охотничий нож с полосатой рукояткой.

У Хиллмана вырвался глубокий вздох.

— Вы узнаете нож? — спросил Бастиан.

— Нет, не узнаю.

— Возьмите его и внимательно осмотрите... Не стесняйтесь, не стесняйтесь, берите! Отпечатки пальцев с него уже сняты.

Хиллман не пошевелился.

— Этим ножом убит Майк Гарли,— продолжал Бастиан,— и мы почти уверены — Кэрол Гарли. Возьмите же его в руки, мистер Хиллман!

Хиллман нерешительно вынул нож из коробки и взглянул на марку фирмы на широком блестящем лезвии.

— Нож, очевидно, хороший,— сказал он,— но я никогда не видел его прежде.

— И вы согласитесь подтвердить это под присягой?

— Придется. Повторяю, я никогда его раньше не видел.

Бастиан с видом родителя, отнимающего у ребенка опасную игрушку, взял у него нож.

— Мне не хотелось бы уличать вас во лжи, мистер Хиллман, но скажу, что у меня есть свидетель, утверждающий обратное. Хозяин магазина спортивных товаров на улице Нижний Мэйн мистер Боткин утверждает, что именно он продал его вам.

— Ваш свидетель ошибается. Он принял за меня кого-то другого.

— Исключено. Он хорошо вас знает.

— Но я-то не знаю его!

— Вы известный человек, сэр, вас знают многие, кого не знаете вы. Так вот, мистер Боткин утверждает, что вы посетили его магазин в начале этого месяца. Пожалуй, я даже сумею помочь вашей памяти. Покупая нож, вы сказали мистеру Боткину, что собираетесь съездить вместе с сыном в Орегон. Вы жаловались мистеру Боткину на распущенность, якобы царящую в «Баре на этаже», причем, насколько я понимаю, имели в виду тот прискорбный факт, что там отпускают несовершеннолетним крепкие напитки. Припоминаете такой разговор?

— Нет, не припоминаю. Ваш Боткин лжет.

— Зачем ему лгать?

— Отправляйтесь к нему и узнайте сами. Я за вас работать не собираюсь.

Хиллман встал, давая понять, что считает разговор оконченным. Но Бастиан считал иначе.

— Мистер Хиллман, зря вы так. Если вы приобрели нож у мистера Боткина, сейчас самое время так и сказать. Мы готовы забыть ваши предыдущие «нет».

В поисках поддержки Бастиан взглянул на меня. Я помнил, что сказал мне Боткин о «Баре на этаже». Хиллман, видимо, в самом деле разговаривал с ним, и хотя из этого вовсе не следовало, что он купил нож именно у Боткина, скорее всего так оно и было.

— Мистер Хиллман, настало время выложить все факты,— заявил я.

Хиллман уже окончательно протрезвел. Капельки пота выступили у него на лбу — казалось, этот разговор, как тяжелый пресс, выжал из него весь алкоголь.

— Насколько я понимаю, вы обвиняете меня чуть ли не в убийстве? — взглянул он на Бастиана.

— Нет, не обвиняю,— возразил Бастиан и официальным тоном добавил: — Разумеется, вы можете не отвечать на вопросы.

Хиллман сердито покачал головой.

— Послушайте, не могли бы мы продолжить этот сеанс утром? У меня выдалась трудная неделя, хочется отдохнуть и поспать. Я ведь не спал по-человечески уже с понедельника.

— Я тоже,— заметил Бастиан.

— Вот и вам следует отоспаться. Допрос с пристрастием далеко не лучший выход из положения.

— Я не допрашиваю вас, тем более с пристрастием.

— А я утверждаю, что допрашиваете!— повысил голос Хиллман.— Вы принесли мне нож и размахивали им у меня перед лицом. Есть свидетель.— Он, конечно, имел в виду меня.

— Не будем терять время на беспредметный спор,— вмешался я.— Нам с лейтенантом Бастианом нужно кое-что обсудить.

— Только в моем присутствии.

— Пожалуйста.

— Никаких обсуждений, пока я не переговорю с Томом,— твердо заявил Бастиан.

Хиллман сделал отрицательный жест.

— Вы не будете с ним разговаривать ни сегодня, ни завтра. В конце концов есть соображения медицинского порядка.

— Вы разве медик?

— В моем распоряжении сколько угодно медиков.

— Не сомневаюсь. Но они есть и у нас.

Некоторое время, с трудом сдерживая бешенство, они молча стояли друг перед другом, затем Хиллман резко повернулся ко мне:

— Вы хотите что-нибудь сказать лейтенанту перед его уходом?

— Да, хотя вам это не понравится, как не нравится и мне. Вчера вечером у гостиницы «Барселона» замечен молодой человек в синем «шевроле» последней модели. Вчера же, как известно, в «Барселоне» убит Майк Гарли. Убит этим самым ножом. В молодом человеке опознали Дика Леандро.

— Кто опознал? — спросил Бастиан.

— Владелец бензозаправочной станции Бен Дэли.

— Тот, кто убил Сайпа?

— Да.

— Он либо ошибается, либо лжет! — крикнул Хиллман.— Дик ездит в синей машине, но это «триумф» — маленький автомобиль спортивного типа.

— Но он имеет возможность пользоваться «шевроле»?

— Я не давал ему разрешения. Надеюсь, вы не пытаетесь впутать в эту грязную историю еще и Дика?

— Если он в какой-то мере причастен к ней, мы обязаны знать. Лейтенант, вы сможете выяснить, где Дик Леандро взял вчера вечером синий «шевроле» — у Хиллмана, в прокате или попросту украл?

— Постараемся установить.

Хиллман молча слушал нас.

Окончание следует.

Перевел с английского Ан. ГОРСКИЙ.

К. ТОЛКАЧЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

СЛУШАЕТСЯ ДЕЛО...

РАНО

С крутого берега Самарки в косых утренних лучах солнца островок хорошо просматривался. На нем среди заросшей кустарника уютно раскинулся рыбацкий стан. Дымил небольшой костер, неподалеку сидел человек. Чуть в стороне поблескивала свежей чешуей куча выловленной за ночь рыбы. На воде колыхались поплавки сетей. Двое в зеленой резиновой лодке неторопливо, по-хозяйски перебирали сеть. Лини, щуки, караси...

— Браконьеры!—прошептал водитель машины Геннадий Семенихин и заглушил двигатель.

— Вижу,— ответил инспектор Виктор Романов.

В эту ночь оперативная группа Кинельской инспекции несла службу в пригороде Куйбышева, на участке, который считался самым благополучным—за несколько лет инспектора не составили здесь ни одного протокола о нарушении правил рыболовства. Однако старший областной инспектор А. Е. Кудрицын располагал сведениями, что в пойме Самарки безнаказанно промышляет рыбу группа матерых браконьеров. Застать же их на месте преступления еще никому не удавалось.

...В Романове нет той показной лихости, которая порой присуща людям его профессии. Внешне это скромный, даже застенчивый парень. Грешен! С первого взгляда мне даже стало обидно за госрыбнадзор: неужели не могли подобрать на должность инспектора более внушительного человека? Но потом выяснилось, что Романов за полгода составил более двухсот протоколов на браконьеров, сдал около пятидесяти конфискованных сетей да десяток обрезов и охотничьих ружей,— в каждом из них мог находиться добрый заряд картечи. Всегда спокойный и уравновешенный, он крут с браконьерами. Однажды на рынке изъял трехстенные сети, составил акт и уничтожил их в присутствии свидетелей. Вот почему Кудрицын бросал Виктора Романова на самые горячие участки и был уверен, что он не спасует перед нарушителями правил рыболовства, но и не превысит своих полномочий.

Ох, уж эти полномочия! Где они начинаются и где кончаются, инспектора не всегда могут разобраться с тех самых пор, как они были узаконены. Во всяком случае, имея эти полномочия, стражи водоемов предпочитают не пользоваться ими и зачастую, выезжая на службу, умышленно оставляют оружие дома. Все они прекрасно

знают, что применение оружия в состоянии обороны узаконено, но пойди докажи, что ты действовал именно в ту самую критическую минуту, когда над тобой нависла смертельная угроза! А может быть, в эту самую минуту ты еще мог... убежать и этим самым спасти «драгоценное» здоровье напавшего на тебя подонка? Не удивляйтесь, именно так поставил вопрос судья Балыкшинского района, Гурьевской области, У. Мурзалиев, слушая дело инспектора В. Барченкова, который из ракетницы тяжело ранил одного из браконьеров и получил «за превышение полномочий» три года лишения свободы. Восемь месяцев из них он отсидел, пока Верховный Суд СССР не вынес протест и не поставил вопрос о прекращении дела «за отсутствием состава преступления». Только после этого коллегия Гурьевского областного суда пересмотрела ранее утвержденный приговор и на том же следственном материале с бесспорностью установила, что инспектор не превышал пределов необходимой обороны. Почему же такой вывод не был сделан во время следствия? «А зачем Барченков гнался за ними целых три километра? — ответил следователь Б. Кулбаев.— Потом взял и нанес Лебедеву тяжелое телесное повреждение. На всю жизнь изуродовал человека...» Скажите, какая трогательная забота! Ну, а если бы браконьеры изуродовали инспектора? «Мы бы привлекли их к ответственности,— твердо заявил ветствующие юридические круги, твердо усвоил, что есть «превышение» пределов необходимой обороны, и навсегда потеряли желание охранять родную природу.

Особенно поучительна история М. Малахова, участкового инспектора из Онеги. Два года назад он, защищаясь, ударил кулаком наступавшего на него матерого браконьера и повредил ему глаз. Были свидетели непристойного поведения гражданина Муравицкого («пострадавшего»), который публично оскорблял инспектора и угрожал физической расправой. Когда же получил травму, бросился в суд: «Караул, убивают!»

Начальник следственного отдела прокуратуры города Петренко отказал в возбуждении уголовного дела за отсутствием в действиях Малахова состава преступления. В конце 1976 года дело Малахова снова всплыло, и снова Петренко вынес решение, что в действиях Малахова усматриваются признаки необходимой обороны—дело прекратить! Но браконьер не утих, он требовал привлечения Малахова к уголовной ответственности. И Онежский городской суд сдался, признал Малахова виновным, а за нанесение умышленного телесного повреждения (ст. 108 УК РСФСР) приговорил его к трем годам лишения свободы, обязав уплатить браконьеру за лечение 460 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда рассмотрела кассационную жалобу Малахова. Умышленного в его

УТРОМ НА ВОДОЕМЕ

Кулбаев.— Но лучше было бы не связываться с ними... Ведь проще убежать».

— В результате такого попустительства в этом году браконьерство в Гурьеве во время весеннего нереста севрюги приняло особо уродливые формы,— рассказывает начальник отдела охраны рыбных запасов Главрыбвода Б. С. Степаненко.— Хулиганствующие браконьеры собирались на набережной Урала группами по тридцать — сорок человек. Когда инспектора пытались снять запрещенные орудия лова, хозяева этих орудий забрасывали их булыжниками. Однажды катер рыбоохраны даже был обстрелян из мелкокалиберной винтовки.

На сей раз по счастливой случайности пули лишь прошили борт катера. А под Куйбышевом в неравной схватке с браконьерами погиб общественный инспектор, комсомолец Подсухин. Во время оперативного рейда получил жакан в ногу инспектор Ульяновской рыбоохраны. Во всех этих случаях работники рыбоохраны ни разу не воспользовались своими полномочиями. Почему? Да потому, что их годами приучали смотреть на оружие как на греховное искушение и на всякий случай прятать его подальше. Тот, кто нарушал эту заповедь (Д. Селетцов — Солигорск, В. Барченков — Гурьев, В. Локтев — Волгоград, М. Малахов — Архангельск), пройдя соот-

действиях найдено не было, но «неосторожное» (ст. 114 УК РСФСР) все же признали. Малахова освободили от возмещения материального ущерба браконьеру, скостили год, но два «условно» оставили.

А ведь у Малахова были не только полномочия, но и оружие! Он его не применил. У браконьеров же нет никаких полномочий, но зато всегда под рукой обрез, кол, вилы...

Это все из прошлого, из жизни стражей закона на воде. А теперь вернемся к событиям на берегах Самарки.

...Романов не боялся поединка, но браконьеров было трое, и он решил подстраховаться.

— Григорий Прокофьевич, вы с ракетницей останьтесь на этом берегу,— сказал он общественному инспектору, пенсионеру Кужелеву.— В случае чего «красной» вызывайте Малахова.

Полчаса назад старший инспектор Малахов послал его обследовать затон, а сам с двумя общественниками уехал вниз по течению Самарки.

Когда Романов и Семенихин спустили лодку, с другого берега заметили машину, и по воде покатился крик: «А...гин...ты!» Эта непереводимая жаргонная кличка инспекторов хранит еще и тайный смысл — сигнал опасности.

«Кого это они предупреждают?» — успел подумать Романов и, поравнявшись с зеленой лодкой, попросил:

— Подгребайте к берегу. Государственный инспектор рыбоохраны Романов.

Тот, который сидел возле костра, встал и подошел к берегу. Ничего примечательного в нем не было — обычный, среднего роста человек с хорошо развитой мускулатурой, но когда Романов перевел взгляд на его лицо, в глаза бросился прямой, будто топором сработанный тяжелый подбородок и немигающие, злые глаза.

— Володька, уходи к Сереге,— приказал он.

Молодой долговязый парень в очках, за которыми начинался низкий косой лоб, метнулся в сторону, но Семенихин прыгнул в воду и успел перехватить лодку, вытащить ее на берег. Он хорошо знал свои обязанности и начал деловито вывинчивать ниппеля. Воздух с шипением вырвался наружу. Геннадий подобрал возле костра топор и бросил в лодку.

— А вы предъявите удостоверение,— потребовал человек с челюстью бульдога.

Взяв документ, он внимательно его изучил, посмотрел на рыбу, сети, лодку... Сейчас будет составлен протокол, выписано постановление о наложении штрафа. Но не штраф (подумаешь — 25 рублей!) страшил В. И. Николаева. Конфискуют снасти...

Как все же глубоко сидят в человеке частнособственнические интересы! У него все есть, он хорошо зарабатывает, материально обеспечен, часть средств, допустим, выделяет на приобретение моторки, чтобы «доставить себе удовольствие». И вот тут-то человек с червоточиной проявляет свое гнилое нутро, становится на преступный путь. Он грабит водоем, торгует рыбой и обогащается за счет общества, которое несет расходы по содержанию и воспроизводству рыбы в реке, озере, пруду. Когда же общество хватает его за руку и требует возместить частицу украденного, а чтобы впредь неповадно было, лишает его и орудий лова, такое браконьеру не нравится, тем более что снасти он добывает тоже незаконным путем.

Несколько лет назад во всех магазинах страны была запрещена продажа сетей и материала для их изготовления. Но от этого не уменьшилось количество снастей в клане браконьеров. Сети стали воровать в бригадах гослова и переделывать в знаменитые трехстенки, сквозь которые с трудом протискивается даже тощий пескарь. Постоит пяток таких сеток всего одну ночь, и не станет на водоеме доброй половины его обитателей. Вот почему так дорожил своими снастями Николаев. Захлопнув удостоверение, швырнул Романову: «Убирайтесь отсюда похорошему. В бога, христа, мать... Убьем». Схватил кол. Володька, как по команде, бросился на Семенихина и подмял под себя.

Романов сделал несколько шагов в сторону, расстегнул кобуру пистолета, нащупал рифленую, холодную рукоятку, прикрыл ладонью, как козырьком, глаза от прямых солнечных лучей и крикнул: «Одумайтесь!» На другом берегу в растерянности метался семидесятилетний Кужелев. Наконец в воздух взвилась красная ракета. Ответной зеленой не последовало — Малахов не увидел сигнала опасности.

— Володька, зови на помощь наших,— приказал Николаев, а сам с колом в руках пошел на инспектора. Долговязый перестал избивать Семенихина и скрылся в кустах. Через две минуты он появился здесь с целой ватагой бандитов. Вот все они:

Николаев Василий Иванович, работает на заводе с 1965 года. Допускал систематические нарушения трудовой дисциплины и общественного порядка. За многочисленные прогулы, связанные с пьянством, дважды увольнялся с предприятия;

Николаев Владимир Иванович, груб по отношению к руководству цеха, участка и товарищам по работе. Часто появляется в цехе с глубокого похмелья. Нетерпим к замечаниям. На почве пьянки плохие семейные отношения;

Николаев Сергей Иванович, часто появлялся в цехе в пьяном виде или с глубокого похмелья, что пагубно влияло на выполнение сменных заданий. С коллективом необщителен, на замечания администрации реагировал грубостью, нецензурщиной;

Курушин Александр Семенович, судим за групповую кражу социалистической собственности и приговорен к шести годам лишения свободы. После освобождения ведет замкнутый образ жизни. Груб в общении, дерзок с товарищами по работе;

Дьяченко Михаил Васильевич, образование среднетехническое, неплохой специалист. Находился под большим влиянием братьев Николаевых;

Кузицын Александр Васильевич, осторожен, но в компании бравирует показной лихостью. На суде вел себя неискренне, лгал;

Володька — родной сын Василия Ивановича и любимый племянник Владимира и Сергея Николаевых, студент четвертого курса Куйбышевского инженерно-строительного института. От отца и дядьев унаследовал многие фамильные качества — нахальство и грубость, когда не получал отпора, трусость и лживость во время опасности. С отроческих лет он околачивался рядом с отцом в забегаловках и привык, не стесняясь в выражениях, прокладывать путь к прилавку локтями. Если кто-то хватал настырного парня за шиворот, папаша ревел: «Убью!» В двадцать два года он, без пяти минут инженер, оставался для отца Володькой, безликим одушевленным предме-

том, слепо усвоившим повадки родителя.

...Солнце било прямо в глаза. Романов отступал так, чтобы подставить под нестерпимо яркие лучи Николаева, и вдруг увидел немигающие, белесые от переполнявшей их злобы глаза своего преследователя, а за его спиной с кольями и вилами появились сообщники. Рука снова потянулась к кобуре. В это мгновение Василий Николаев бросил кол и подхватил кем-то протянутые вилы. Раздался выстрел. Пуля подняла фонтанчик земли у ног Василия, но он не остановился. Второй предупредительный выстрел разорвал утреннюю тишину.

Если браконьеры думали «попугать» инспектора психической атакой, то двух предупредительных выстрелов с его стороны было достаточно, чтобы убедиться: не запугаешь! Романов не дрогнул, не потерял самообладания — с четырех метров он мог стрелять на поражение, потому что уже возникла реальная угроза для его жизни, но сработала годами усвоенная привычка щадить нападающих: пуля поразила Василия Николаева в мякоть ноги. С поднятым колом упал и Владимир Николаев, тоже раненный в ногу. Тогда вилы Василия поднял старший брат, Сергей, и, согнувшись, кинулся на Романова. Тот отпрянул назад, но избежать удара не смог — рожок скользнул по скуле и носу. Романов выстрелил — Сергей замертво рухнул на землю.

Вскочив на ноги, Романов увидел, что Володька зверски избивает безоружного Семенихина, а рядом стоит с топором Курушин и ждет момента, чтобы нанести удар. Романов поднял пистолет, но выстрела не последовало. Не обращая внимания на кровь, льющуюся по подбородку, он поспешил на помощь товарищу. В это время на него сзади напал Дьяченко, повалил на землю, а Василий Николаев пытался вырвать оружие. Когда это не удалось сделать, они подтащили инспектора к костру, заломили в раскаленные угли обнаженную по локоть руку. Только тогда Николаев вырвал пистолет, деловито выбросил заклинившийся патрон и дослал в патронник новый.

— Пристрелю, как собаку,— зашипел он. Потом такая угроза показалась мелкой: — Нет, мы придумаем для вас казнь пострашнее...

Что замышлял сотворить Николаев с инспекторами, осталось тайной, потому что браконьер вдруг с очевидностью понял — нет ни малейшей возможности замести следы преступления: Сергей убит, Владимир тяжело ранен, и если пристрелить двух «агинтов», то придется нести ответственность по всей строгости закона. Вслед за этим родилась спасительная идея: нужно как можно тщательнее уничтожить вещественные доказательства, повернуть дело так, что не они, Николаевы, напали на инспекторов, а те ни с того ни с сего начали расстреливать безвинных людей.

— Берите труп и несите в нашу моторку, — приказал он.

— До приезда экспертов этого делать нельзя,— пытался возразить Романов.

— Я следователь, эксперт и судья,— ответил Николаев и поднял пистолет.— Несите!

Через пять минут ночной улов рыбы и сети исчезли в рюкзаках браконьеров, но на месте преступления все же остались кое-какие улики — в спешке разбросанные грузила, сеть в воде и свежая рыбья чешуя.

Бросив истекающего кровью любимого дядю, Володька-студент бежал с острова. За ним, унося снаряжение и улов, ушли Кузицын, Курушин, Дьяченко.

...Старик Кужелев из последних сил бежал за помощью. В его возрасте не просто преодолеть пять километров, но он добрался до группы Малахова:

— Наших убивают...

Малахов с крутояра увидел потухший костер и удивительно чистый рыбацкий стан. Не раздеваясь, он бросился в воду, а когда вышел на берег, увидел раненого.

— Ваши живы,— злобно произнес Владимир Иванович и отвернулся.— Добивай, гад...

Подоспел общественный инспектор Николай Маролло. Они перевязали раненых, вызвали следственную группу и «Скорую помощь».

Когда работники прокуратуры прибыли на остров, никого из браконьеров, кроме раненого и убитого, не было на месте происшествия. Можно было понять инспекторов рыбоохраны — в заботах о пострадавших они могли просмотреть бегство легко раненного Василия Николаева, Курушина и Дьяченко. Но нельзя понять, почему работники прокуратуры не приняли мер к немедленному розыску и изоляции всех участников браконьерской группы, которая состряпала легенду о зверствах «агинтов» в пойме Самарки: «Вылезли, мол, из воды двое с засученными рукавами, как черти грязные, пьяные и давай садить из пистолета. Рыбачки кинулись кто куда, но троих все же уложили». Конечно, в легенде этой ни слова о том, что «рыбачки» встретили «чертей» кольями. Казалось, что людям, причастным к следствию, нетрудно было быстро разобраться во всем, что произошло на берегу Самарки, и понять: за легендой скрываются преступники, ловко препарировавшие ход событий. Но, увы, дело велось нудно, с грубыми нарушениями. Когда, например, трассологической экспертизе понадобилась одежда убитого и раненого, ее в кладовой больницы не оказалось. Кто ее получил, для какой цели — эти вопросы следствие оставило без ответа. Между тем невооруженным глазом было видно, что таинственное исчезновение одежды — попытка завести следствие в тупик, выбить из рук обвинения еще одну важную улику.

Браконьеры ходили по городу с гордо поднятой головой, грозились в порошок стереть ненавистных инспекторов. Сделать этого им, конечно, не удалось—помешали квалифицированные эксперты. Но нервы Романову потрепали изрядно.

Несмотря на все ухищрения, браконьеры не смогли ввести в заблуждение суд.

— Вы утверждаете, что на вас напали работники рыбоохраны и стали в упор расстреливать? — спрашивает председатель Волжского районного суда С. Я. Шелкова Василия Николаева и его сына-студента, сидящих на скамье подсудимых.—Почему же вы, «потерпевшие», сразу не обратились в милицию и не вызвали «Скорую помощь» для пострадавших братьев? Насколько мне известно, вас через три часа после событий на острове застали дома за самоваром...

Вопрос, что называется, не в бровь, а в глаз.

— Мы хотели сообщить родственникам, но не успели...— И «потерпевшие» невразумительно пытаются объяснить свое поведение, безуспешно стараются сбить с толку судей.

Во время судебного следствия, экспертиз и очных ставок была полностью установлена вина группы браконьеров, совершивших неспровоцированное вооруженное нападение на работников государственной рыбоохраны, которые в своих действиях не превысили пределов необходимой обороны.

— Нас постреляли, и нас же судят,— возмущался на суде Василий Николаев.

Под словом «нас» он имел в виду в первую очередь себя. О братьях Василий и не вспоминает. С ними все ясно: Сергея давно похоронили, Владимир после ранения вышел на инвалидность, ходит с костылем, и ввиду того, что наш советский суд гуманен к убогим, его не привлекли к ответственности — отпустили с миром и с пенсией. Легким испугом отделались и остальные участники бандитского нападения на инспекторов — все они прошли в судебном заседании как свидетели, хотя были активными участниками нападения на людей, выполняющих свой служебный долг: Курушин только что не успел применить топор, а Дьяченко открыто напал на Романова («Я придавил того парня, а то бы он нас всех перестрелял») и способствовал его истязанию на костре. Один Кузицын с первых минут схватки подхватил вещмешок и ползком убрался в кусты. Но и за эту пассивность с него можно было спросить как с гражданина, не предпринявшего никаких усилий к предотвращению трагедии.

А Василий Николаев все продолжает разыгрывать безвинно пострадавшего, старается хоть как-то очернить действия Романова. И от обороны переходит в наступление. Теперь уже на судей. «Я буду жаловаться на несправедливость...»

Суд приговорил В. И. Николаева к трем годам лишения свободы, а его сына и первого подручного В. В. Николаева — к полутора. Суд руководствовался статьей 193 УК РСФСР, которая гласит, что нанесение легкого телесного повреждения, побоев или совершение иных насильственных действий в отношении должностного лица или общественного работника в связи с его служебной деятельностью наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

Как и следовало ожидать, разбой был наказан, справедливость восторжествовала. Но меня не покидает мысль о некоторой зыбкости полномочий инспекторов рыбоохраны, о том, какой дорогой ценой приходится им иногда утверждать это свое полномочие, свое право на необходимую оборону. И в памяти вновь всплывают имена — я их уже называл — тех, кто или пал жертвой, или полной мерой хлебнул горестей в неравной схватке с браконьерами — сперва на берегу водоема, а потом в зале суда...

РЕСПУБЛИКА В АЛЬПАХ

Игорь МЕЛЬНИКОВ

Чарующе красивой, то в зеленой пелерине дубрав, то в горностаевой мантии заснеженных горных гряд, то в голубом ожерелье озер,— такой предстает Австрия взору путешественника. Любит свою родину — и, наверное, не только за природные красоты — трудолюбивый, талантливый народ альпийского края.

— Взгляни, вот стоит гора и смотрит на людей сверху вниз, словно знает о своем могуществе. Днем выше нее только солнце, ночью через ее отроги плывут звезды. Даже если тучи обволокут и скроют вершину, она напомнит о себе шумом горных тирольских ручьев, упругой густотой тумана...

Я слушал эти слова в поздних летних сумерках на окраине Инсбрука. Казалось, так может чувствовать и говорить поэт, а тут у распахнутого настежь окна стоял недавний железнодорожный машинист Освальд Альберт. Пережив аварию и став инвалидом, он ведет теперь дела крошечной гостиницы, которой также дал романтическое имя — «Зонне», что значит «Солнце».

Подобную влюбленность в родной край, трогательную заботу о старинных обычаях, приверженность к традиционным национальным костюмам встречаешь в Австрии повсеместно. Чем дальше от крупных центров, тем сильнее дает о себе знать народный колорит. Чудесно оказаться среди яркого уличного застолья с хороводом или попасть субботним вечером в старинный кабачок маленького городка.

Так случилось и со мной в Миттерндорфе. Бородачи-музыканты, пришедшие из соседней деревни, старательно выдували из флейт и труб незатейливую мелодию. Доморощенный солист в шляпе с перьями, одетый, как и оркестранты, в белоснежную рубашку, красный жилет, короткие кожаные штаны, брал такую высокую ноту, что его «йодль», казалось, проникал во все щели старого зала.

ПАМЯТИ ДРАМАТУРГА

Посреди людского круга стоят четыре неуклюжих стула. Бургомистр Зигфрид Заф и трое миттерндорфских старожилов уселись поудобней и под выкрики всего зала «Хоп-хоп, хоп-хоп!» начали перебрасывание шляп с головы на голову — веселую игру, известную многим поколениям штирийцев. С мальчишеской прытью над уже посеребренными головами взметались альпийские шляпы с эдельвейсом. Под взрывы хохота выбывал из игры один, другой неудачник. «Беспечный Миттерндорф...» — невольно думалось, глядя на веселящихся отцов города.

Однако мысль о беспечности горожан исчезла, едва позади остались хойригер (так в Австрии называют застолье с молодым виноградным вином) и звуки альпийского «йодля». Атмосфера, в которой живет провинциальный городок, оказалась в достаточной мере наэлектризована проблемами высокого напряжения: волнами дороговизны, бьющими о порог каждого дома, растущей инфляцией, напряженностью на рынке труда. Нечего говорить, что в более крупных городах страны эти проблемы стоят еще острее.

Австрию принято называть нейтральной республикой. Определение справедливое, и опыт двух истекших десятилетий неопровержимо доказывает, насколько надежной и жизненно необходимой стала для страны политика постоянного нейтралитета. К определению «постоянный» сейчас все чаще добавляют «активный». Это вполне оправдано, ибо Австрия предпринимает шаги, отвечающие интересам международной разрядки.

О значении, о перспективности экономических связей с Советским Союзом ныне все чаще говорят в Австрии, а стабильность и взаимовыгодность этих контактов ставят в пример. Альпийская республика торгует со 161 страной мира. Однако проповедуемая здесь кое-кем односторонняя, прозападная ориентация привела к тому, что за минувший год внешнеторговый дефицит Австрии достиг небывалых размеров — свыше 70 миллиардов шиллингов. Больше всего страна задолжала ФРГ, другим государствам «Общего рынка», а также США. Торговля же Австрийской республики с Советским Союзом, другими социалистическими странами строится на равноправной основе, без каких-либо элементов дискриминации. Большой отклик в местных политических и деловых кругах получил февральский рабочий визит федерального канцлера Австрии Бруно Крайского в Москву, его беседа с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, переговоры с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным.

В последнее время за Веной установилась репутация одного из центров международных конференций и переговоров. Не случайно Генеральная Ассамблея ООН наряду с Нью-Йорком и Женевой включила в свой официальный календарь и австрийскую столицу в качестве третьего города встреч. На противоположном от старого центра берегу Дуная уже поднял свои высокие этажи и ждет первых гостей новый комплекс, именуемый городком ООН. Его отличают продуманность проекта, смелое решение коммуникационных проблем, масштабность.

Дополняя яркие краски Вены, на фасаде дворца Хофбург колышется на ветру разноцветье флагов. Старинный дворец значится ныне в туристских проспектах не только как здание Национальной библиотеки и манеж знаменитой «испанской школы» верховой езды. Здесь, в Редутном зале, дипломаты и военные эксперты 19 государств ведут переговоры, целью которых является выработка соглашения о первом в истории сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

...Каждый поворот в ходе истории оставляет свою отметину на облике крупных городов. По сей день в Вене стоят неуклюжие и нелепые бетонные великаны — след минувшей войны. У них нет окон, они тянутся ввысь сплошной серой массой. На их крышах монтировались установки зенитных батарей. Эти мрачные строения — поистине оспины на лице Вены — возвели по приказу гитлеровского командования. Возвели в годы войны, задуманной и развязанной фашизмом, за авантюры которого австрийский народ расплачивался кровью.

Нынешнее поколение венцев стало свидетелем иного строительства. Минует год, и за Дунаем, в городке ООН, обживутся дипломаты, ученые, участники многих важных переговоров.

Вена.

В середине двадцатых годов на газетном небосклоне Киева зажглась новая литературная звездочка. Остроумные, едкие, веселые фельетоны, рассказы, рецензии, эссе были подписаны неизвестным доселе именем: Братья Тур. То были два молодых человека, почти мальчики, только начавшие свою литературную жизнь и пробовавшие себя в различных жанрах: Петр Рыжей и Леонид Тубельский. Из сочетания первых букв фамилий и образовался их литературный псевдоним. Не были они братьями «по крови», но были они братьями по журналистской смелости, по революционному гражданскому накалу. Газеты с произведениями Туров всегда вызывали интерес. А потом братья Тур написали свою первую пьесу...

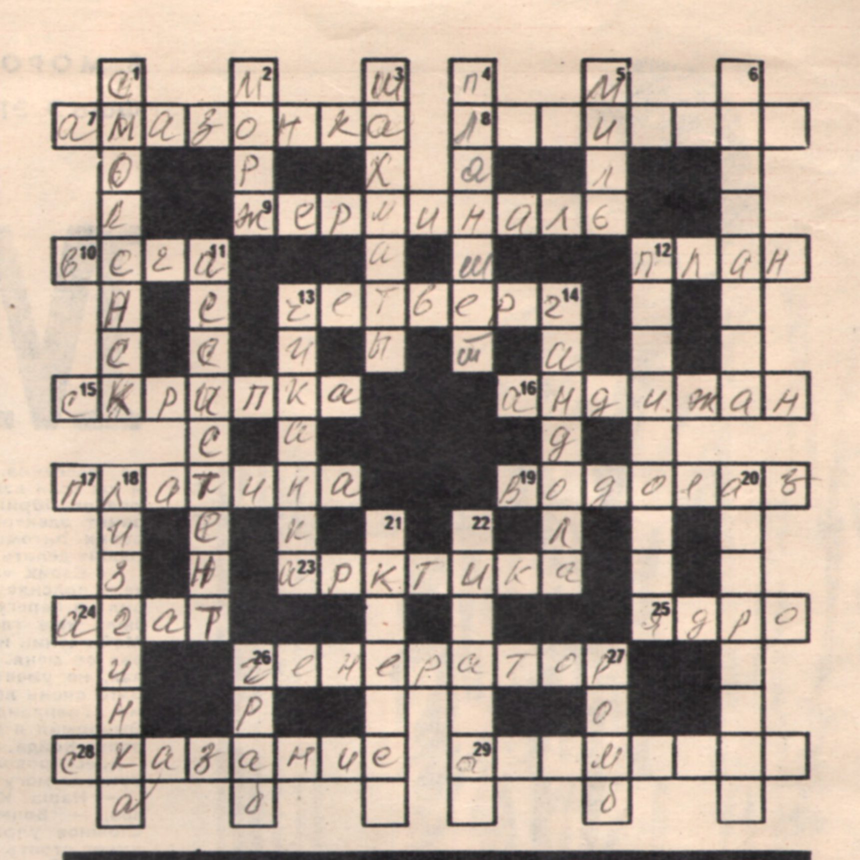
На многих сценах страны ставились их пьесы. И МХАТ I и МХАТ II, и Камерный, и Малый, и Театр сатиры, и Театр имени Маяковского, и Центральный театр Советской Армии, и Театр Ленинского комсомола... Назову только некоторые произведения: «Очная ставка», «Земля и небо», «Восточный батальон», «Колесо счастья», «Софья Ковалевская», «Побег из ночи», «Губернатор провинции», «Особняк в переулке»... К ним следует прибавить знаменитый фильм «Встреча на Эльбе», получивший самые высокие награды.

В 1961 году умер Леонид Тур.

Петр Тур продолжал работать. Он писал о солдатах и офицерах, о строителях и астрономах, о врачах и писателях, о политработниках и ученых, о дипломатах и журналистах, словом, обо всех людях, с которыми довелось ему встречаться в своей короткой долгой жизни. И всегда писал страстно, заинтересованно, внимательно изучая поступки и мысли каждого из них.

Петр Тур продолжал работать до последнего своего часа. Он создавал новые пьесы, проникнутые пафосом строительства, утверждения новой жизни, верности советской морали. Написанные им драмы, трагедии, комедии продолжают борьбу за человеческие души, за создание невиданного в мире общества, открывающего перед человеком великие перспективы братства, любви, преданности идеям коммунизма. Бойцом он был, бойцом и останется в памяти своих современников.

Исидор ШТОК

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Река в Южной Америке. 8. Русский живописец, портретист. 9. Роман Э. Золя. 10. Звезда в созвездии Лиры. 12. Чертеж сооружения. 13. День недели. 15. Струнный инструмент. 16. Центр области в Узбекистане. 17. Металл. 19. Специалист по подводным работам. 23. Часть света. 24. Полудрагоценный камень. 25. Спортивный снаряд. 26. Машина, преобразующая различные виды энергии в электрическую. 28. Жанр древнерусской литературы. 29. Сорт яблок.

По вертикали: 1. Один из древнейших русских городов. 2. Морское ластоногое животное. 3. Настольная спортивная игра. 4. Сумка для карт. 5. Советский конструктор вертолетов. 6. Разновидность ореха. 11. Помощник профессора, преподаватель. 12. Вид многоголосия в музыке. 13. Рисунок, вытисненный на металле. 14. Кабина аэростата. 18. Танец народов Кавказа. 20. Искусственно полученный радиоактивный элемент. 21. Рассказ А. П. Чехова. 22. Ударный инструмент. 26. Лиственное дерево. 27. Геометрическая фигура.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 7. Громова. 8. Линотип. 9. Оперетта. 10. Ваза. 12. Рожь. 13. Тамбур. 15. Валюта. 16. «Ундина». 17. Звание. 19. Натрий. 21. Ракурс. 24. Край. 25. Репа. 26. Краковяк. 28. Авдотка. 29. Лазурит.

По вертикали: 1. Гренада. 2. Соло. 3. Фанера. 4. Алатау. 5. Унжа. 6. Дилижан. 11. Алюминий. 12. Редуктор. 13. Танкер. 14. Рубенс. 18. Варшава. 20. «Ипполит». 22. Абакан. 23. Равель. 26. Кета. 27. Коза.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Экспериментальная морская база «Посьет» по выращиванию морского гребешка и устрицы. * Программист Елена Витальевна Дмитриева — сотрудник Института автоматики ДВНЦ Академии наук СССР. * Владивосток. В заливе Петра Великого. (См. в номере материал «Приморская новь».)

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Тишиной и покоем веет от каждой из альпийских долин. * В окрестностях Заальфельдена. Маленьких наездниц несут быстроногие пони. * Освальд Альберт, бывший инсбрукский машинист, помогает тирольскому крестьянину. * Сокольничий из Нижней Австрии. * Зальцбург — город музыки. У памятника птицелову Папагено — герою оперы Моцарта «Волшебная флейта». * В одном из уголков альпийского туристского края.

Фото И. Мельникова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 25.IX.78. Подписано к печати 10.X.78. А 01230. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 030 000 экз. Изд. № 2500. Заказ № 2867.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Большой и маленький.

ПОБЫВАЕМ ЗА КУЛИСАМИ ЦИРКА

В. МОРОЗОВА

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Можно ли не любить цирк? Ведь это всегда праздник, всегда волшебство. Здесь можно увидеть ученого слона и ручную обезьяну, собачий ансамбль и медвежий футбол. Артисты цирка сверкают блестками костюмов и улыбками...

Народ спешит к залитому огнями парадному подъезду, а мы войдем через дверь по другую сторону кулис, куда обычно проходят артисты, в том числе и четвероногие и даже те, у которых ласты вместо ног. Вот они, кстати, тут как тут. Сивучи Капа, Сива и Боцман: им тесно на маленькой площадке около бассейна, но они врозь отдыхать ни за что не станут и уж если вздумают искупаться, то только вместе. Их дрессировщик Юрий Захаров тут же во дворе. Но в этот момент он занят электросваркой: чинит специально оборудованный для своих питомцев дом на колесах. Впрочем, этот человек все любит делать сам.

— Своих «артистов» я отлавливал на Сахалине, в Корсакове,— поясняет Юрий Васильевич.— Два года ради этого дежурил на берегу океана. Особенно трудно пришлось с Боцманом: была уже глубокая осень, океан кое-где прихватило льдом. Мой ватник и валенки разбухли от воды, а Боцман все ускользал от меня. Не просто далась и Капа — она хитрая, капризная, но умеет быть ласковой, если, конечно, ей это выгодно. Зато очень легко было с безобидными, добродушными котиками. Гренландский тюлененок Васек родился весной здесь. Выкормил я его, вырастил. А эту пятнистую красавицу нерпу зовут Койда.

Дрессировщик говорит, что все его звери незаметно для зрителя могут заменить друг друга на арене.

— Наша Капа ездит на мотороллере,— продолжает Захаров, — Боцман изображает женщину-каучук. Сива делает сложное упражнение на кольцах, а морской котик Пингвин умеет стоять вниз головой на передних ластах. Койда танцует твист... Впрочем, каждый мой артист обязан освоить «смежную профессию». Представьте себе такой случай. Во Фрунзе вдруг Капа категорически отказалась работать на арене — у нее заболел зуб. Садимся в такси, едем к стоматологу. Молодой врач, никогда не имевший дело с морскими хищниками, сначала вообще не хотел ничего делать, но, увидев почерневший зуб, очень удачно его вырвал. И пока Капа поправлялась, ей нашлась замена, и представления продолжались.

В цирке вообще происходит много таких вещей, которые зритель замечать не должен. Об этом вспоминаешь, когда заходишь в «конюшню» народного артиста Азербайджанской ССР Хосрова Абдулаева. Но вместо лошадей мы здесь увидели лишь какие-то непонятные предметы: прозрачные шары, ракеты, ширмы, ящики, столики, манекены в человеческий рост... Это хитроумный реквизит современного мага и волшебника, автора иллюзионного ревю.

Хосров с детства мечтал стать волшебником, факиром.

— Стояла ясная, холодная ноябрьская ночь,— вспоминает он,— и я давно уже спал, когда мой бессвязный сон был прерван громким лаем собак, криками соседей. На улице горел костер и десятки факелов. Мне было шесть лет, и я был очень любопытен. Возле костра вся улица и весь двор были заполнены людьми: ничто в Шемахе не вызывало такого интереса, как появление бродячего факира. Вот он положил живую курицу на плоский камень, приказав ей умереть, и она умерла. Он разбил сырое яйцо и вынул оттуда пятак. Он завел долгий разговор с известным в ауле глухонемым человеком.

В тот день решилась моя судьба: не мечтать о цирке я не мог.

И вот из далекой Шемахи на московскую улицу 5-го Ямского поля в училище циркового и эстрадного искусства в 1939 году прибыл молодой человек. На вопрос о том, что он умеет, Хосров потребовал живую курицу у авторитетной комиссии. «Живого реквизита» не оказалось. Но так или иначе мальчик начал учиться. Прошли годы, и теперь мы видим имя народного артиста Азербайджанской ССР Хосрова Абдулаева на афишах цирка. А в зале уже какой-нибудь другой мальчик смотрит как завороженный на современного факира Абдулаева, у которого оживает игрушечный Чебурашка...

Жизнь цирка прекрасна не только своими чудесами: это какой-то совсем особый мир. Если семейственность в некоторых сферах жизни осуждается, то здесь она, наоборот, приветствуется, и просто диву даешься: сколько же есть семей и даже династий акробатов, гимнастов, иллюзионистов, дрессировщиков!

Ни дня покоя у воздушного гимнаста Гунара Каткевича. Каждый вечер он под куполом цирка. И каждый раз... боится!

— Да! Боюсь! Очень боюсь!.. За свою партнершу Тамару,— говорит Гунар.— Вдруг случится то, что предусмотреть невозможно. Конечно, по правилам техники безопасности всегда можно прервать номер, но при этом ведь испортишь праздник людям. Поэтому стараюсь взять ответственность на себя.

Наша закулисная экскурсия продолжается. Перед нами лошади: две живые и две деревянные. На деревянных — Ю. В. Никулин и М. И. Шуйдин. Сейчас они появятся на манеже...

— Несколько лет назад на этих лошадках мы катались в Токио с Михаилом Шуйдиным,— говорит Никулин,— развлекали публику, пока рабочие убирали клетки. Реприза кончилась, а арена еще не готова! Что делать? Перемигнулись с Мишей и начали катать детишек прямо из зала. Такой успех был, что японский антрепренер просил включить катание детей в программу на все последующие выступления цирка... Была в нашей практике и другая импровизация. Правда, повторять ее никто не просил...

Лето. В цирке идет утреннее представление, зал заполнен смеющимися детьми. На арене опять мы с Мишей. Вдруг видим: горит занавес, очевидно, вспыхнул бензин, приготовленный для жонглеров с горящими факелами. Кидаемся к огнетушителю и начинаем поливать друг друга; зал весело смеется над клоунами-недотепами, тогда мы вроде бы спохватываемся и начинаем тушить горящий занавес. Экспромт закончили под аплодисменты. А когда пришли к себе в гримуборные, подсчитали убытки: сгоревший занавес, испорченные костюмы. Впрочем, зрители остались довольны.

...Но не пойти ли нам наконец в зал... Здесь звучит прекрасная музыка А. Хачатуряна из балета «Спартак». Под куполом цирка мужественно красивый Гунар Каткевич и златокудрая Тамара Мусина... Девять минут длится поэтическая песнь любви и огромного риска, о котором зритель даже не подозревает: он видит только праздник.

2

1 — Главное — «заморочить» зрителю голову,— считает Х. Абдулаев.

2 Очередной каприз непослушной Капы чуть не окончился плохо.

3 Красота на манеже дается не просто.

4 Идет урок сольфеджио.

4

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663